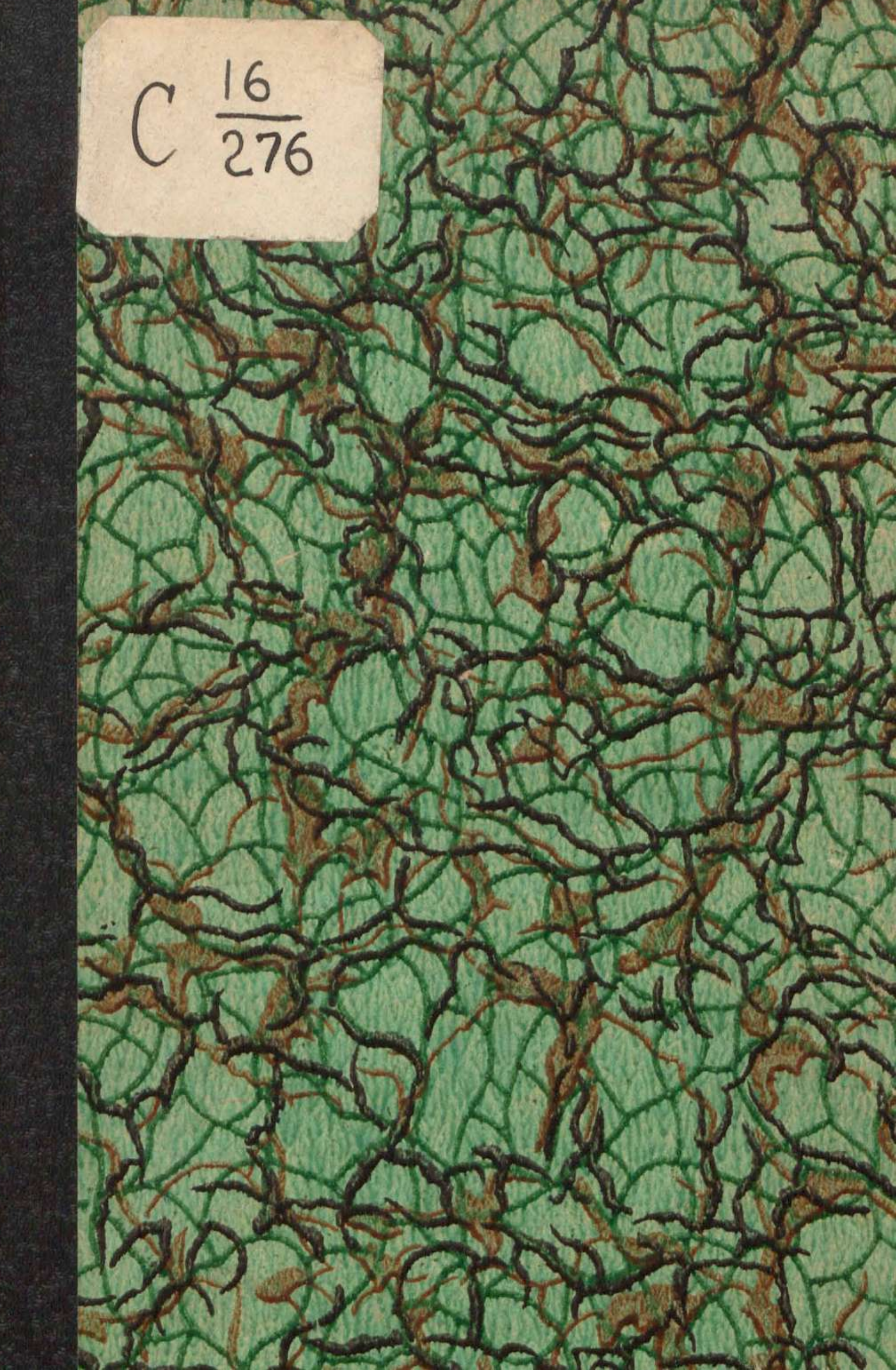


ПУТЕШЕСТВІЕ

НА

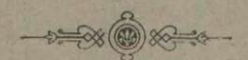
ВАЛААМЪ, ВО СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ,

И

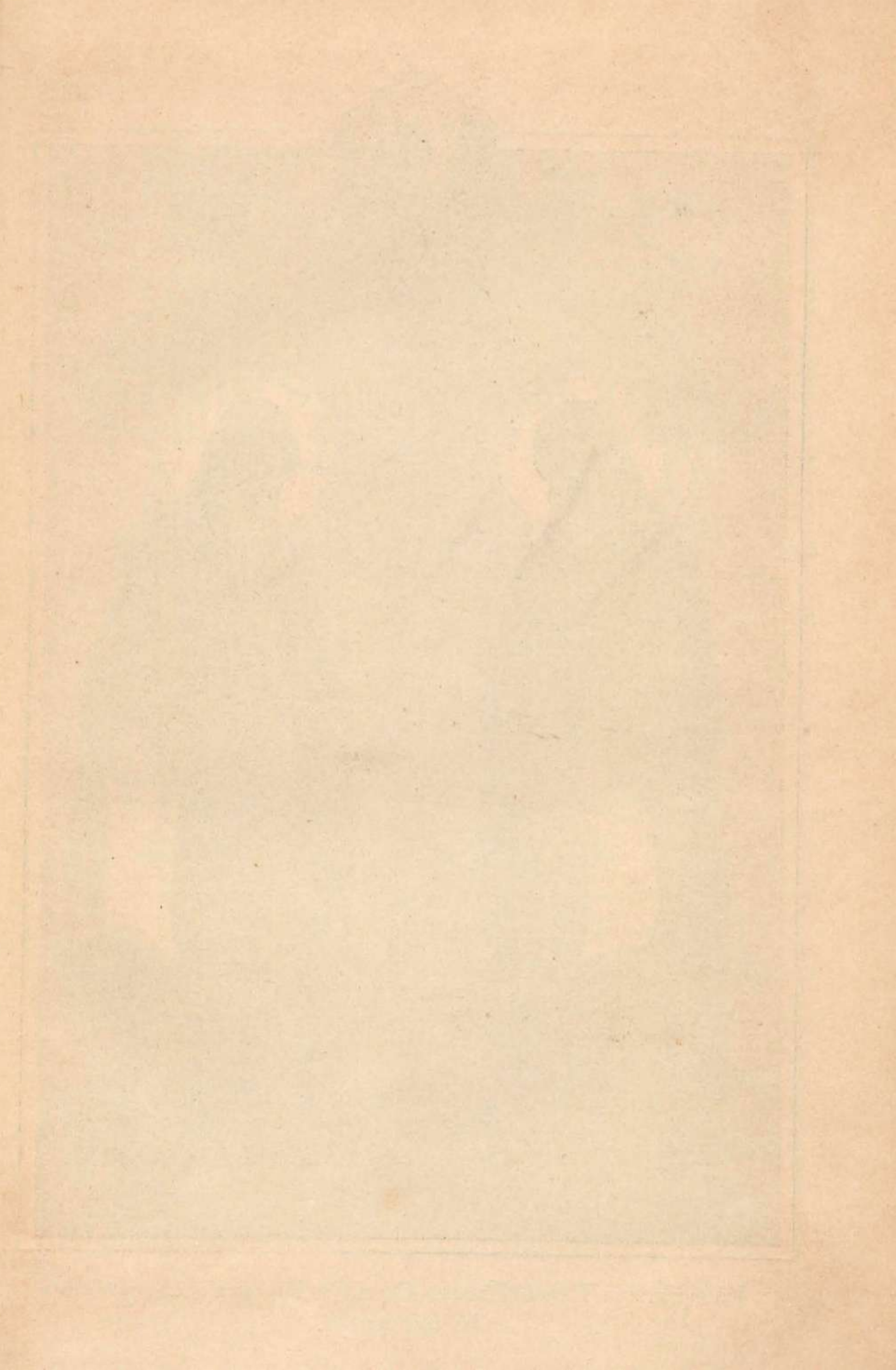
ПОДРОБНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВСѢХЪ ЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ.

Съ 12-ю рисунками.

Изданіе Валаамскаго монастыря.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., 8.
1892.



Изображенія Преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ Чудотворцевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА

ВАЛААМЪ, ВО СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ,

И

ПОДРОБНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВСѢХЪ ЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ.

Съ 12-ю гравированными рисунками.

Изданіе Валаамскаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., 8.
1892.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Марта 20 дня 1892 года.

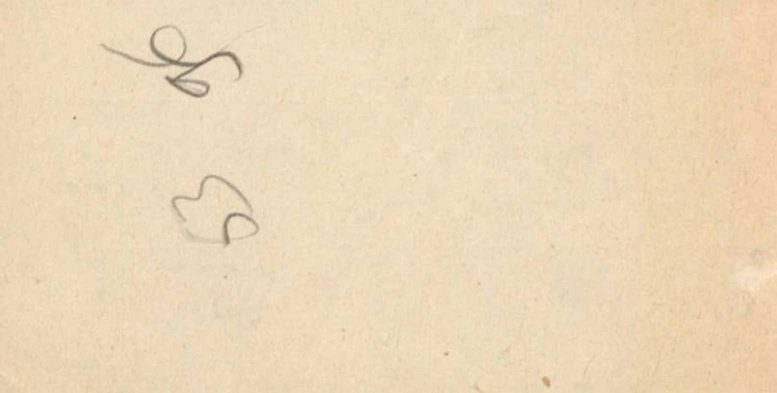
Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

КНИГА ИМЕЕТ:

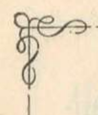
Листов печатных	Выпуск	В перепл. един соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№ списка и порядковый	1952 г. 9
8						Л	75	5

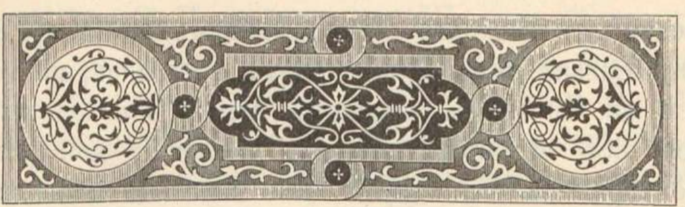
1Р/1—100000

70



ОГЛАВЛЕНІЕ.





Изъ С.-Петербурга на Валаамъ.

Коль возлюбленна селенія Твоя,
Господи силъ, желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни.
Псал. 83.

Въ благопріятную погоду іюльскаго дня собрались мы, движимые религіознымъ чувствомъ, совершить давно желанную нами поѣздку изъ С.-Петербурга на Валаамъ, дабы тамъ въ тишинѣ пустынной, удаленной отъ мірской суеты, съ должнымъ чувствомъ благоговѣнія помолиться Господу Богу, поклониться Угодникамъ Божіимъ, нетлѣнно тамъ почивающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насладиться природою этого священнаго острова.

Къ 10-ти часамъ утра прибыли мы на пароходную пристань, находящуюся на Калашниковской набережной рѣки Невы, близь Малоохтенскаго перевоза, противъ самой Валаамской часовни *). сдавъ на пароходъ вещи, сами мы поспѣшили въ часовню отслушать въ напутствіе наше краткое молебствіе

*) Пароходы еженедѣльно отправляются на Валаамъ по средамъ и пятницамъ.

Угодникамъ Божіимъ—Преподобнымъ Сергію и Герману, Валаамскимъ Чудотворцамъ. Помолясь, мы тотчасъ же пошли на пароходъ. Масса богомольцевъ, около 300 человѣкъ, разныхъ сословій, наполняла уже пароходъ. На палубѣ было довольно многолюдно и съ трудомъ можно было двигаться. Къ счастію нашему, мы заранѣе запаслись отдѣльною каютою. Въ 11 часовъ утра, по третьему свистку, пароходъ нашъ, подъ названіемъ „Александръ", тихо отвалилъ отъ пристани. Пассажиры, въ молитвенномъ настроеніи духа, совершили на себѣ крестное знаменіе, Взоры оставшейся на пристани публики, провожавшей своихъ родныхъ и знакомыхъ, не далеко намъ сопутствовали,—пароходъ скоро далъ полный ходъ и скрылся отъ ихъ очей, разсѣкая катившіяся на встрѣчу быстрыя воды красавицы-Невы.

Проплывъ около 30-ти верстъ и миновавъ фабрики и заводы, гнѣздящіеся по берегамъ Невы, далеко за столицею, мы почувствовали перемѣну въ воздухѣ. На насъ повѣялъ свѣжій и пріятный вѣтерокъ, воздухъ сталъ чистъ отъ дыма, наполняющаго столичную атмосферу, солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ. Пріятная зелень лѣсовъ и полей, покрывавшихъ красивыя берега Невы, ласкала взоры публики. На пути часто намъ встрѣчались маленькіе буксирные пароходы, пыхтѣвшіе подъ тяжестью буксируемыхъ ими карававовъ.

Сгруппировавшіеся на палубѣ пассажиры на досугѣ вели между собою разговоры, и въ этомъ собесѣдованіи шестидесяти-верстное разстояніе по

Невѣ отъ С.-Петербурга до Шлиссельбурга проѣхали мы незамѣтно. Вскорѣ изъ-далека показалась крѣпость, расположенная при истокѣ рѣки. По мѣрѣ приближенія парохода, обрисовался и самый городъ. Въ 7 часовъ вечера пароходъ причалилъ къ пристани.

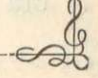
Городъ Шлиссельбургъ и его крѣпость.

Городъ Шлиссельбургъ небольшой, но благоустроенный, расположенъ при самомъ истокѣ рѣки Невы изъ Ладожскаго озера; отсюда уже видны обширныя его воды. Шлиссельбургская же крѣпость расположена на небольшомъ островѣ при самомъ началѣ Невы.

Такъ-какъ пароходъ стоитъ здѣсь съ полчаса времени, то почти всѣ пассажиры поспѣшили на берегъ въ часовню, находящуюся недалеко отъ пристани, помолиться.

Отслушавъ молебенъ и приложившись къ явленному здѣсь чудотворному образу Казанской Божіей Матери, мы затѣмъ успѣли еще посмотрѣть замѣчательное устройство двухъ каналовъ (стараго и новаго), по которымъ въ Петербургъ доставляется многочисленный хлѣбный провіантъ.

Свистокъ возвѣщалъ пассажирамъ скорый отходъ парохода и мы поспѣшили возвратиться на пароходъ.



Ладожское озеро.

Послѣ получасовой стоянки у Шлиссельбургской пристани, пароходъ нашъ отправился въ путь.

Миновавъ крѣпость, мы въѣхали въ Ладожское озеро—широкое, глубокое и пространное (въ 300 верстъ долготы и немного менѣе того шириною). Какая ширь открылась теперь предъ взорами нашими! Чудная и величественная эта картина интересовала путешественниковъ, многіе приходили въ понятный восторгъ, небывалые же въ морскихъ путешествіяхъ не мало безпокоились—какъ-то переплывутъ эту обширную пучину, и молились усердно Богу. Въ началѣ озера, верстъ около пяти отъ Шлиссельбургской пристани, пароходъ шелъ медленно, едва двигаясь, такъ-какъ эта мѣстность, называемая Кошкина, мелководна и пароходъ нерѣдко задѣваетъ килемъ за самое дно озера.

Добравшись благополучно до глубокаго мѣста, гдѣ обыкновенно останавливаются большія озерныя суда, которыя, по причинѣ сказанной здѣсь мели, сгружаются и уже посредствомъ барокъ доставляютъ отсюда въ С.-Петербургъ свою кладь—хлѣбъ, дрова и проч., пароходъ нашъ выступилъ затѣмъ на глубокій и широкій просторъ и пошелъ полнымъ ходомъ, держа курсъ около финскаго берега, по направленію къ Коневскому монастырю.

Отъ Шлиссельбурга до Коневца считается около ста десяти верстъ. Это пространство мы проѣхали

въ теченіи шести часовъ времени.—„Вотъ и Коневецъ!“ слышно было отъ многихъ на пароходѣ. „Слава Богу, теперь близко!“ слышались голоса; и многіе совершали на себѣ крестное знаменіе. Чрезъ полчаса пароходъ нашъ подошелъ къ пристани Коневскаго монастыря,—это было четыре часа утра слѣдующаго дня. Всѣ богомольцы съ парохода пошли въ церковь къ ранней обѣдни.

Коневскій монастырь.

Коневскій островъ находится въ семи верстахъ отъ финскаго берега. Самый монастырь расположенъ на западной сторонѣ острова, на невысокой горѣ, близъ берега. На пригоркѣ глазамъ зрителя рельефно обрисовывается четыреугольникъ одноэтажныхъ монастырьскихъ зданій (каменныхъ), окружающій соборный двухъ-этажный каменный храмъ; мы прошли Святыми воротами прямо въ храмъ. Отстоявъ раннюю литургію и молебенъ Преподобному Арсенію, Коневскому Чудотворцу, и приложившись къ чудотворному образу Коневскія Божія Матери, пошли къ отцу настоятелю монастыря, гдѣ приняты были весьма радушно. Испросивъ благословеніе осмотрѣть замѣчательныя мѣстности острова, ни мало не медля отправились прежде всего въ скитъ „Всѣхъ Святыхъ“, отстоящій въ полуверстѣ отъ монастыря. Осмотрѣвъ здѣсь храмъ и мѣстность, мы отправились затѣмъ въ другой скитъ,—„Коневскія Божія Матери“, на-

ходящійся на берегу въ мѣстности „Владычнія Лахты“,—также въ полуверстѣ отъ монастыря. Отсюда поторопились осмотрѣть замѣчательный „Конь-камень“ (камень этотъ имѣетъ видъ лошадинаго черепа, поэтому и носитъ названіе Конь-камня; отъ сего и святая обитель названа Коневецъ), лежащій недалеко отъ монастыря, въ сѣверной его сторонѣ. Преданіе говоритъ, что Преподобный Арсеній, поселившись на островѣ, изъ сего камня изгналъ бѣсовъ, которые въ видѣ черныхъ вороновъ полетѣли съ острова. Свистокъ возвѣстилъ время отправленія въ путь и мы поспѣшили обратно къ монастырю; богомольцы, подкрѣпившіеся послѣ ранней обѣдни чаемъ, торопливо направлялись къ пароходу изъ обѣихъ гостинницъ, каменной и деревянной, расположенныхъ внѣ монастыря; своевременно и мы вступили на палубу и, занявъ мѣсто на кормѣ парохода, любовались поэтическою мѣстностію святой обители; наконецъ пароходъ, давъ третій протяжный свистокъ, тихо и незамѣтно двинулся отъ пристани, держа путь къ противуположному берегу въ гавань, называемую по фински: „Сортонъ-Лаксы.

Сортонъ-Лаксы.

Финская гавань, называемая Сортонъ-Лаксы, отстоитъ отъ Коневца на семь верстъ; сюда пароходъ заходитъ для таможеннаго осмотра. Это прекрасная гавань для стоянки судовъ, куда они укрываются

отъ бури. На мысѣ этой гавани горитъ фонарь, освѣщающій въ темное ночное время путь въ гавань. Послѣ получасовой стоянки здѣсь, пароходъ нашъ отправился далѣе, держа путь около берега, въ Кексгольмъ.

Разстояніе между гаванями считается сорокъ верстъ.

Кексгольмъ.

У кексгольмской пристани пароходъ нашъ сгружался и пробылъ около часу. Нужно замѣтить, что пристань эта стоитъ одиноко, въ трехъ верстахъ отъ города. Прежде пароходы приставали у самаго города; но въ настоящее время за мелководьемъ они не могутъ подойти къ городу, почему и устроена эта другая пристань, въ нѣкоторомъ отдаленіи, на болѣе глубокомъ мѣстѣ.

Небольшой городокъ Кексгольмъ довольно древній; прежде онъ былъ русскій и въ немъ даже имѣлъ свое мѣстопребываніе епископъ, затѣмъ не разъ былъ отбиваемъ шведами и много было пролито здѣсь крови христіанской. Въ настоящее время въ городѣ находится православная каменная церковь и древняя, полуразрушенная крѣпость съ древнею же полуразрушенною при ней каменною церковью. Отъ кексгольмской пристани пароходъ направился проливами между живописно расположенными скалами въ Кроноборгъ.

Отъ Кексгольма до Кроноборга считается около пятнадцати верстъ.

Кроноборгъ.

Небольшой финскій уѣздный городокъ Кроноборгъ находится на берегу широкаго залива, среди высокихъ каменныхъ горъ; жители въ немъ преимущественно финны, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Въ городѣ имѣется только одна деревянная кирка; православныхъ же церквей нѣтъ, да и жителей православныхъ, какъ видится, или совсѣмъ нѣтъ, или весьма мало. Сообщеніе водою съ этою мѣстностію удобно, а потому здѣсь устроена пристань и нашъ пароходъ заходилъ сюда именно для того, чтобы сдать и принять грузъ; пробывъ у кроноборгской пристани съ небольшимъ полчаса, онъ снова двинулся въ путь и пошелъ обратно, по тому же проливу въ открытое озеро, направляясь теперь уже прямо на Валаамъ.

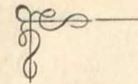
Выѣхавъ изъ Кроноборгскаго пролива, который протекаетъ среди высокихъ, красиво расположенныхъ и убранныхъ роскошною лѣсною зеленью скалистыхъ горъ, на протяженіи четырнадцати верстъ, мы быстро поплыли по открытому озеру. Слѣва виднѣлась кайма финскаго берега, отъ котораго мы теперь постепенно удалялись; справа же привлекали наше вниманіе своими чудными формами небольшіе островки. Ближайшій изъ нихъ къ берегу, называемый „Сѣнной“, въ древности, какъ гласитъ преданіе, принадлежалъ

Валаамскому монастырю; но, въ эпоху раззоренія Валаама шведами, этотъ островъ перешелъ во владѣніе финновъ, которые владѣютъ имъ и въ настоящее время. На этомъ островѣ и понынѣ существуетъ фундаментъ какого-то древняго каменнаго зданія; это заставляетъ предполагать, что въ древности здѣсь вѣроятно былъ скитъ Валаамскій и въ немъ жили иноки.

Монастырскіе острова.

Далѣе, вправо, виднѣются три небольшіе острова, принадлежащіе нынѣ Валаамскому монастырю и которые также во время годинъ запустѣнія и тяжкихъ испытаній для Валаама отошли было отъ монастыря къ финнамъ; но въ 1866 году Высочайшимъ указомъ, путемъ покупки, они были возвращены уже навсегда къ своему законному владѣльцу—Валаамскому монастырю.

Эти островки въ настоящее время приносятъ монастырю значительную пользу; около нихъ ловится въ изобиліи разныхъ породъ и сортовъ рыба, между которыми замѣчательны лосось, палья, налимъ, сиги. Рыба эта идетъ на продовольствіе братіи и многочисленныхъ посѣтителей монастыря. Попадаются часто и тюлени, но монастырь ловлею ихъ не занимается. Первый изъ этихъ острововъ, къ которому мы подъѣзжали, именуется:



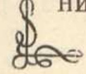
Островъ Элай.

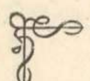
Окружность этого острова не болѣе полутора верстъ; поверхность низменная, лѣсу и вообще какой-либо растительности почти совсѣмъ нѣтъ—песокъ и мелкій камень, поросшій мхомъ и травой; но за то—достоинство его—это „отмели“ вокругъ него, на которыхъ изобильно ловится рыба: палья и сиги. На островѣ построенъ деревянный домъ, въ которомъ помѣщаются монастырскіе рыбаки, пріѣзжающіе сюда въ опредѣленное для того время, обыкновенно въ іюлѣ и сентябрѣ, для ловли названной рыбы. Здѣсь же построена и деревянная часовня въ честь Св. Великомученика Димитрія Солунскаго, въ которой пріѣзжіе рыбаки совершаютъ свои моленія ко Господу.

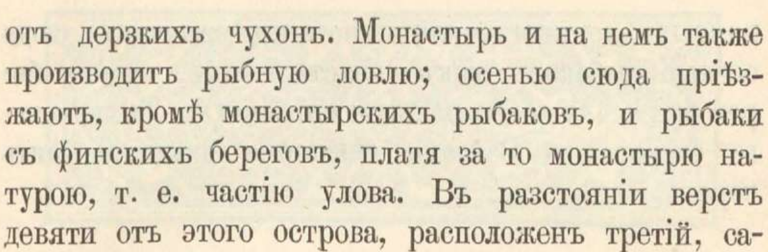
Отъ Валаама до сего островка считается двадцать пять верстъ. На разстояніи шести верстъ отъ этого острова находится другой еще островокъ, ближе къ монастырю, именуемый:

Островъ Мигорка.

Островъ этотъ имѣетъ въ окружности также около полутора верстъ; онъ представляетъ собою скалистую возвышенность, покрытую можжевеловымъ кустарникомъ, со скуднымъ сѣнокосомъ. Жилья здѣсь нѣтъ, кромѣ одной рыбацкой избы. Была на немъ поставлена деревянная часовня въ честь Св. Великомученика Георгія, но, къ несчастію, уничтожена огнемъ





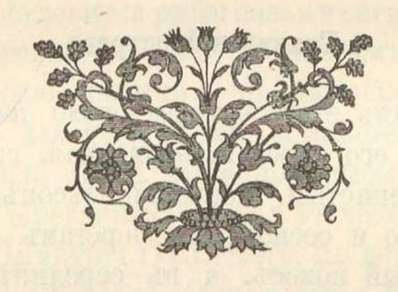


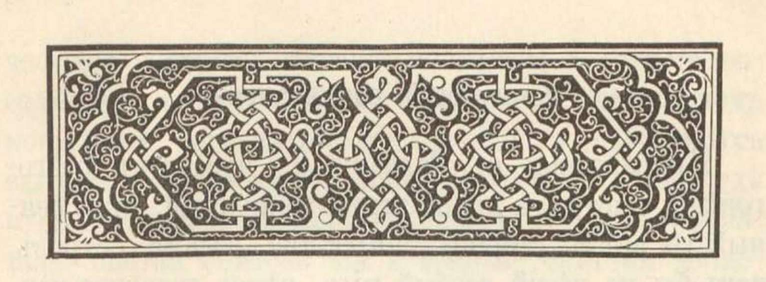
отъ дерзкихъ чухонъ. Монастырь и на немъ также производитъ рыбную ловлю; осенью сюда пріѣзжаютъ, кромѣ монастырскихъ рыбаковъ, и рыбаки съ финскихъ береговъ, платя за то монастырю натурою, т. е. частію улова. Въ разстояніи верстъ девяти отъ этого острова, расположенъ третій, самый большой изъ этихъ островов, носящій имя:

Тихвинскій островъ.

Окружность этого острова около шести верстъ, поверхность его плоская, низменная, грунтъ песчаный и каменистый, поросшій лѣсомъ, преимущественно елью и сосною; по берегамъ его производится скудный покосъ, а въ серединѣ перекопано торфяное болото подъ пашню и покосъ. Прежде островъ этотъ назывался „Вошаннымъ“, но, по присоединеніи къ Валааму, онъ былъ посвященъ имени Божіей Матери Тихвинскія, въ честь Св. иконы Ея, которая, по преданію, проходила вблизи этого острова по воздуху чрезъ Ладожское озеро, и островъ сталъ называться Тихвинскимъ. На берегу же при маленькой бухтѣ поставлена деревянная часовня въ честь Тихвинскія Божія Матери съ небольшимъ Ея образомъ; близь часовни построенъ деревянный домъ со всѣми необходимыми службами, для жилья въ немъ монастырской братіи, ведущей хозяйство острова; ихъ обыкновенно на островѣ проживаетъ постоянно человѣкъ восемь. Далѣе по берегу, не въ далекомъ разстояніи, находится нѣсколько небольшихъ дере-

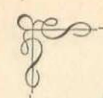
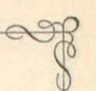
вянныхъ домиковъ, для прiюта прiѣзжающихъ сюда осенью рыбаковъ, какъ монастырскихъ, такъ и береговыхъ, для ловли пальи и сиговъ. Отъ Тихвинскаго острова до Валаама считается двадцать пять верстъ.





Валаамъ.

„Вотъ и Валаамъ... Слава Богу, слава Богу!" послышались снова радостные возгласы на пароходѣ. За двадцать пять верстъ уже ясно рисовался этотъ обширный, величественно-красивый островъ, какъ-бы плавающій въ широкихъ ладожскихъ водахъ; ярко блестѣла на немъ златая глава монастырской колокольни, высившейся среди Валаамскихъ горъ и лѣсовъ. Еще ближе, верстъ за пять до Валаама, вправо, виднѣлся возвышенный столбъ, также какъ-бы плавающій по водамъ озера: это маякъ, высокое каменное зданіе, воздвигнутое на небольшомъ островкѣ; на верху этого зданія горитъ постоянно фонарь, показывающій путь судамъ, плавающимъ по озеру. Здѣсь живутъ неотлучно до пяти человѣкъ финновъ, на обязанности которыхъ лежитъ содержать въ исправности освѣщеніе фонаря и въ случаѣ необходимости оказывать помощь судамъ.

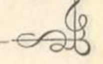



Историческія воспоминанія.

Приближаясь къ Валааму, съ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли мы на этотъ священный, окруженный со всѣхъ сторонъ широкими водами островъ, какъ-бы на нѣкій особый міръ, нѣкое духовное царство, совершенно удаленное отъ соприкосновенія съ міромъ. Прочитавъ заранѣе исторію его *), намъ было понятно, что эта священная мѣстность предопредѣлена Богомъ отъ вѣка для жительства Богоизбраннымъ святымъ людямъ. Здѣсь со временъ апостольскихъ, какъ гласитъ преданіе **), насаждена была истинная, святая, православная во Христа вѣра, которая затѣмъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, хранилась, утверждалась, возрастала, процвѣтала и по сіе время благодатію Божіею сіяетъ во всемъ своемъ величіи. Иноческое сословіе поселилось здѣсь со временъ Преподобныхъ Сергія и Германа, жившихъ на семъ островѣ, какъ предполагаютъ, еще въ десятомъ столѣтіи, слѣдовательно Валаамъ существуетъ около девяти сотъ лѣтъ! Такое продолжительное время процвѣтанія вѣры православной христіанской и иночества на островѣ ознаменовано многими достопримѣчательностями и вразумительными событіями. Иночество, а съ нимъ и самая обитель святая Валаамская возростала до самаго цвѣтущаго состоянія: братство ея преумножалось, обитель разцвѣтала и называлась

*) Исторія Валаамскаго Монастыря, изд. 1889.

**) См. Исторію Валаамскаго Мон., изд. 1889 г., стр. 16 и 17.



честною Лаврою, окрестныя страны и острова населялись иноками; кромѣ общежитія при самомъ монастырѣ, образовалось до двѣнадцати уединенныхъ скитовъ, расположенныхъ на разныхъ островахъ, гдѣ пустынножительствовали подвижники. Такъ процвѣтала святая обитель эта и озаряла свѣтомъ добродѣтельнаго житія и правыя вѣры во Христа окрестныя страны въ XIV и XV столѣтіяхъ, около 1500 года въ особенности. Но слава и величіе обители временами измѣнялись, были для нея годины тяжкаго испытанія, когда она доходила почти до совершеннаго своего уничтоженія и полнаго запустѣнія. Съ нашествіемъ шведовъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, на Корельскія страны и на Валаамскую мирную обитель находили лютыя искушенія и невзгоды. Такъ, въ 1578 году, шведы, плѣнивъ 20-го февраля Корелію, напали и на Валаамскій монастырь, разграбили скудные пожитки иноковъ, пожгли огнемъ смиренныя ихъ келіи, а самихъ порубили мечемъ.

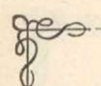
Игуменъ Макарій съ тридцатью четырьмя достоблаженными иноками палъ подъ мечемъ шведовъ за твердость въ православной вѣрѣ. Святыя имена ихъ доселѣ молитвенно произносятся въ монастырскомъ помянникѣ; затѣмъ въ 1611 году шведы вновь разрушили обитель Валаамскую до основанія, начинавшую было послѣ перваго погрома воскресать. Послѣ того болѣе ста лѣтъ святая обитель находилась въ запустѣніи. Страшный 1611 годъ, казалось, кровію угасилъ ее навсегда; но прошло сто лѣтъ, и мощнымъ мановеніемъ Великаго Петра этотъ свѣтильникъ мо-

нашества снова возженъ на святыхъ горахъ своихъ, при священной могилѣ своихъ святыхъ первоначальниковъ.

Промыселъ Божій снова возстановилъ и возвеличилъ святую Валаамскую обитель, вложивъ благія мысли помазаннику своему Императору Петру 1-му возобновить таковую и общежитіе при ней, къ чему и приступлено было въ 1715 году. Съ того времени она благодатію Божіею и подъ благотворнымъ кровомъ Благочестивѣйшихъ Государей возрастаетъ и процвѣтаетъ.

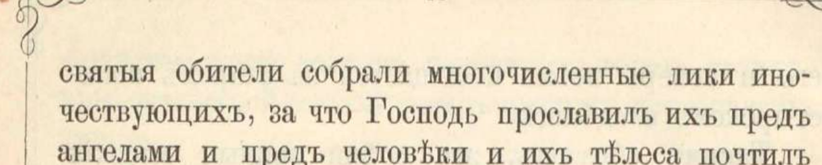
Коль дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, являяй силу въ немощныхъ, смиренныхъ и безоружныхъ инокахъ и дѣлаяй ихъ побѣдителями надъ вооруженнымъ и непримиримымъ супостатомъ шведомъ.— Не дивно то, что столь свирѣпыя волны Ладожскаго озера, вѣчно сражающіяся съ крѣпкими скалами Валаама, не двинули ихъ ни мало съ мѣста; но то дивно, какъ не смогъ столь свирѣпый нападающій, не разъ ополчавшійся своею сильною вооруженною рукою, пошатнуть православіе или уничтожить иночество на священномъ Валаамѣ? Но что еще дивнѣе: самъ вѣнценосный ихъ начальникъ король Магнусъ, воевавшій на жителей Валаама, этихъ мирныхъ исповѣдниковъ имени Божія, былъ силою Всемогущаго плѣненъ самъ въ иночество.

Разбитый волнами флотъ его погибъ въ озерѣ, самъ же король Магнусъ, спасенный иноками отъ потопленія, принялъ въ обители православіе и въ схимѣ святой скончался съ именемъ Григорія; могила



его и теперь всѣми посѣщается на старомъ монастырскомъ кладбищѣ.

Такимъ образомъ, эти всѣми зримыя высокія горы Валаама, во многовѣковомъ своемъ существованіи, освятились кровію иноковъ, замученныхъ на сихъ горахъ за правую и святую вѣру во Христа. Всѣ эти тихія пустыни и дремучіе лѣса оросились теплыми слезами блаженныхъ подвижниковъ, доблестно стоявшихъ противу козней невидимаго врага. Пещеры горъ огласились молитвенными ихъ воплями и священными ихъ пѣснопѣніями. Много пролито здѣсь поту достоблаженныхъ подвижниковъ, трудившихся въ подвигахъ благочестія. Эти Божіи люди, пришедшіе въ милотяхъ и козіихъ кожахъ, скитавшіеся въ пустыняхъ, пещерахъ, горахъ и пропастяхъ земныхъ, ихъ же во истину, по слову Апостола, *не бѣ достоинъ весь міръ*,—эти люди не только здѣсь поревновали своему спасенію, но послужили усердно спасенію ближняго, далеко отъ своего роднаго края. Многіе изъ этихъ обитателей пустынь безлюдныхъ и вертеповъ Промысломъ Божіимъ изведены были отсюда далеко, на служеніе церкви Христовой, и какъ-бы мысленныя звѣзди угасли люди Божіи. въ преподобіи и правды съ горъ Валаама возсіяли они не только въ разныхъ странахъ Россіи, но и далеко за предѣлами ея—въ Сѣверной Америкѣ, на Алеутскихъ островахъ; повсюду трудясь въ проповѣди слова Божія, они просвѣтили свѣтомъ Христовой вѣры тысячи язычниковъ, сокрушили идоловъ, раззорили капища, устроили храмы Божіи и во



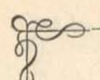
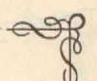
святыя обители собрали многочисленные лики иночествующихъ, за что Господь прославилъ ихъ предъ ангелами и предъ человѣки и ихъ тѣлеса почтилъ на землѣ нетлѣніемъ*).

Итакъ, садъ, его-же насади Отецъ небесный на горахъ Валаамскихъ, не искоренился, но принесъ плодъ обильный, хотя претерпѣлъ многія нападенія и озлобленія, и будучи обильно напоенъ благочестіемъ, приноситъ и по сіе время плодъ нескудный—мужей совершенныхъ въ жизни духовной. Благодатію Божіею святая обитель возблагоухала вновь и теперь возростаетъ, укрѣпляется, множится и цвѣтетъ, какъ кринъ.

Въѣздъ въ Монастырскій проливъ.

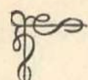
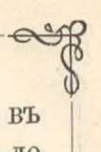
Пока мы занимались историческими бесѣдами о Валаамѣ, пароходъ нашъ между тѣмъ, миновавъ Никоновскіе острова и Предтеченскій, со скалы котораго издалека осѣнялъ путниковъ величественный бѣлый каменный крестъ и ярко надъ зеленью лѣса блестѣли золотые кресты скитской церкви,—тихимъ ходомъ вступалъ въ Монастырскій проливъ; раздался громкій свистокъ, возвѣщая обитателямъ Валаама о прибытіи гостей. Взорамъ нашимъ открылась теперь дивная картина: васъ встрѣчаетъ здѣсь совершенно новая природа, которой не случалось видѣть путешествовавшему лишь по Россіи: природа дикая, угрюмая, но самою этою своею дикостью привлека-

*) Смотри о семъ въ книгѣ: «Валаамскіе Подвижники», изд. 1891 г.

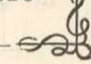



ющая взоры. Вы видите отвѣсныя, высокія, голыя скалы, гордо выходящія изъ воды: онѣ стоятъ какъ исполины на стражѣ. Вы видите крутизны, покрытыя лѣсомъ, мирно склоняющимся къ озеру. Проливъ, огражденный и защищенный этими гранитными самородными стѣнами отъ бурь и непогодъ, тихо катитъ свои чистыя какъ зеркало воды, даже и въ то время, когда на озерѣ свирѣпствуетъ страшная, ладожская буря. По истинѣ замѣчателенъ видъ Монастырскаго пролива при самомъ въѣздѣ въ него съ озера и благочестивый путникъ невольно приходитъ въ истинный восторгъ, производимый и красотою мѣстности, и открывающеюся Святынею, и концомъ продолжительнаго, иногда, въ непогоду, труднаго и опаснаго пути обширнымъ и бурнымъ Ладожскимъ озеромъ. На правой (западной) сторонѣ пролива предъ взорами путниковъ—высокая и крутая гора мыса Скитскаго острова, покрытая довольно рослымъ лѣсомъ. На лѣвой сторонѣ онъ видитъ небольшой Никольскій островъ и на немъ легкой и изящной отдѣлки церковь славнаго въ моряхъ покровителя и чудотворца Святителя Николая, изображеніе котораго, въ рѣзномъ видѣ поставленное въ лѣвой сторонѣ храма, благословляетъ десницею своею всѣхъ приходящихъ съ вѣрою и совершающихъ на себѣ крестное знаменіе. Храмъ этотъ стоитъ на открытой вершинѣ скалы и весь видѣнъ.

Съ чувствомъ особаго благоговѣнія, съ радостными лицами всѣ, какъ кто умѣлъ, обратились молитвенно ко храму святому, усердно благодаря Господа и Свя-

тителя Николая за благополучное прибытіе свое въ предѣлы святой обители. Отъ скитской церкви до монастырской пристани пароходъ идетъ по излучистому проливу съ полторы версты весьма тихо и осторожно, такъ какъ множество мелкихъ островковъ заграждаютъ здѣсь путь, оставляя лишь тѣсный проходъ между собою и береговыми скалами; нужна большая опытность капитана—пройти эти фермопилы; малѣйшая оплошность и пароходъ ударитъ носомъ въ скалу или сядетъ на мель, хотя у скалъ и на фарватерѣ пролива глубина въ нѣсколько саженей. Здѣсь картина нѣсколько измѣняется: съ правой стороны дремучій лѣсъ на каменныхъ громадныхъ уступахъ, выходящихъ отвѣсно изъ темныхъ водъ. Этотъ лѣсъ и эти камни отражаются густою тѣнью въ водахъ пролива, отчего вода тутъ особенно мрачна и ландшафтъ принимаетъ грозный видъ; впереди проливъ постепенно расширяется и образуетъ овалъ (продолговатый полукругъ) значительнаго размѣра. Обращаетесь къ противоположной сторонѣ: налѣво передъ вами святая обитель съ ея храмами и монастырскими постройками. Какъ легкое бремя, лежитъ обитель на плечахъ гиганта—высокой, длинной гранитной скалы. Скала эта прежде покрыта была бѣловатымъ мхомъ, но братія впослѣдствіи счистила весь мохъ, гранитъ теперь свободенъ отъ сѣдинъ, висѣвшихъ на смугломъ челѣ этаго гиганта и онъ теперь еще величественнѣе и грознѣе въ обновленной своей юности и наготѣ. Изъ трещинъ скалы выросли липы, клены, вязы; по скалѣ вьется плющъ, а подъ скалою руками иноковъ разве-



денъ фруктовый садъ, надъ которымъ колеблются и шумятъ зеленѣющія вершины деревъ, готовыхъ тотчасъ съ суровой и хладной скалы низринуться въ садъ, но глубоко ушедшіе въ скалу корни удерживаютъ ихъ... Разительная, великолѣпная, величественная картина! И какъ пріятно видѣть селеніе человѣка, его руку, клочекъ земли, политый его потомъ, украшенный его трудами, среди огромныхъ массъ этой дикой, могучей природы. Невольно вырвутся изъ устъ слова псалмопѣвца: дивны дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси!

На только что описанной нами скалѣ подъѣзжающіе на пароходѣ видятъ, какъ мы уже говорили, храмы святой обители и зданія монастырскія, расположенныя въ четвероугольникѣ. Первѣе всего, ближе къ озеру, на самомъ краю скалы, спокойно, величаво стоитъ машинно-механическій трехъ-этажный домъ и, спустя длинныя свои ноги въ проливъ, таскаетъ оттуда посредствомъ паровой машины воду на самый верхъ, въ самый верхній этажъ, откуда затѣмъ посылаетъ ее не только по всему монастырю, но и далѣе за его предѣлы. Отъ нижняго этажа этого дома спускаются по уклону горы къ водѣ небольшія окошечки, освѣщающія подземный ходъ, проложенный порогомъ изъ внутренности дома, до самаго колодца, находящагося въ каменной скалѣ, ниже уровня воды; но эти интересные предметы будемъ разсматривать своевременно.

Далѣе, въ этой же обращенной къ проливу сторонѣ по одной линіи находится старое монастырское

кладбище съ нѣсколькими богатыми монументами и большимъ гранитнымъ заупокойнымъ общимъ крестомъ; кладбище это обнесено высокою каменною оградою съ башнями по угламъ; еще далѣе по этой же линіи представляются глазамъ путниковъ два двухъ-этажные, каменные флигеля, соединенные между собою каменною оградою съ воротами и составляющіе вмѣстѣ съ этою стѣною западную сторону внѣшняго четыреугольника собственно монастырскихъ зданій. У подножія громадной скалы, на которой расположены эти постройки, на особой отдѣльной небольшой каменной скалѣ поставлена часовня въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы и въ память окончательнаго избавленія святой обители Валаамскія отъ дерзкихъ набѣговъ враждебныхъ шведовъ и перенесенія мощей Преподобныхъ изъ Новгорода обратно въ обитель.

Миновавъ эту часовню, пароходъ нашъ кончилъ свой путь и тихо сталъ приставать къ монастырской гавани (это было почти три часа пополудни). „Слава Богу, теперь на Валаамѣ!", слышалось со всѣхъ сторонъ на пароходѣ и многочисленная толпа счастливыхъ путешественниковъ, крестясь, спѣшно стала выходить на монастырскій берегъ, а съ берега одни стали тихимъ шагомъ подниматься по гранитной лѣстницѣ, устроенной по крутому скату горы, на обширной площади которой стоитъ монастырь; другіе же потянулись на эту гору съ южной ея стороны, крутою отлогостію, ѣздовой дорогой. У самой пароходной пристани находится часовня въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; у этой часовни, когда при-

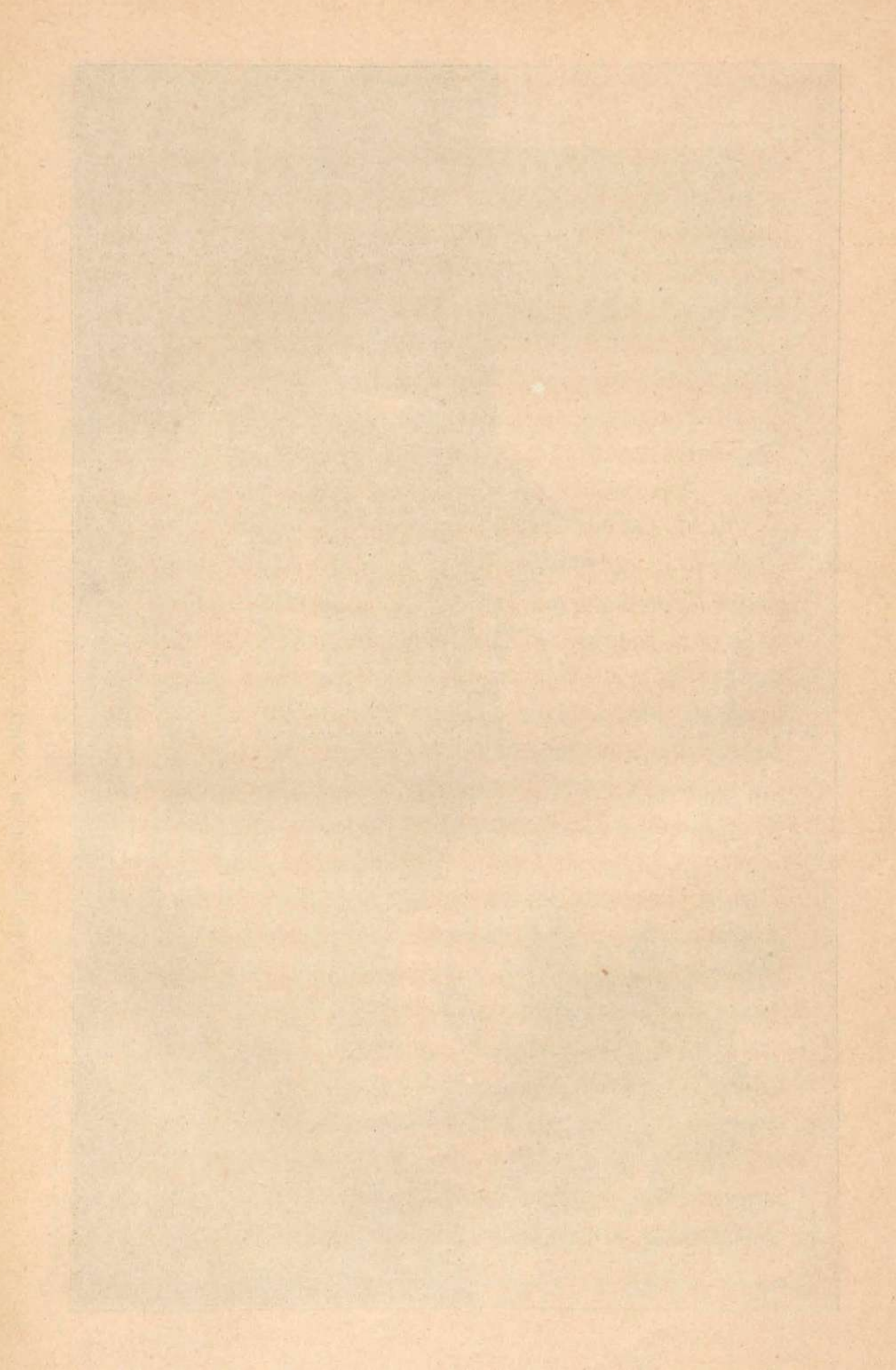
ходятъ пароходы, располагаются повозки для багажа и колясочки, которыя гостепріимная братія радушно предлагаетъ нѣкоторымъ изъ прибывающихъ посѣтителей, чего и мы удостоились.

Монастырская гостинница.

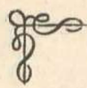
Достигнувъ гостинницы, всѣ богомольцы немедленно были размѣщены въ приличныя помѣщенія. Отвели и намъ весьма приличный и замѣчательный чистоты нумеръ. Расположившись въ немъ, мы сочли обязанностью первый нашъ путь совершить въ монастырь, поклониться святынѣ: Угодникамъ Божіимъ Сергію и Герману, Валаамскимъ Чудотворцамъ, нетлѣнно почивающимъ на мѣстѣ отстроеннаго соборнаго храма подъ спудомъ. Съ чувствомъ особаго благоговѣнія къ святому мѣсту, мы вышли изъ гостиннаго дома. Путь отъ гостинницы до монастыря, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, пролегаетъ аллеею изъ липовыхъ, кленовыхъ и ясневыхъ деревъ.

Прямо противъ гостинницы красуется, по этой аллеѣ, мраморная часовня, именуемая „Знаменская", въ честь иконы Знаменія Божіей Матери. Часовня эта воздвигнута вся изъ мрамора при игуменѣ Дамаскинѣ въ 1865 году въ память посѣщенія Валаамской обители Государемъ Императоромъ Александромъ II-мъ съ Августѣйшимъ Его Семействомъ въ 1858 году. Часовня эта весьма своеобразной и замѣчательной архитектуры: она открыта съ трехъ

сторонъ, безъ оконъ и дверей, передняя часть поддерживается двумя мраморными изящнаго вида колонами, полъ изъ каменной плиты, а верхъ увѣнчанъ пирамидальнымъ, нѣсколько усѣченнымъ куполомъ съ золоченнымъ на немъ крестомъ; внутри ея, въ овальную восточную, единственную стѣну, вдѣланы три иконы: въ срединѣ Знаменія Божіей Матери, а по сторонамъ ея иконы Преподобныхъ Сергія и Германа и тезоименитныхъ особъ царствующаго дома, посѣщавшихъ Валаамъ. Надъ аркою часовни въ куполѣ, на большомъ вызолоченномъ медаліонѣ, сдѣлана золотыми буквами надпись слѣдующаго содержанія: „въ память Высочайшаго посѣщенія Валаамскаго монастыря въ 1858 году Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Императрицею Маріею Александровною съ Ихъ Августѣйшимъ Семействомъ воздвигли настоятель монастыря Игуменъ Дамаскинъ съ братіею“. Противъ самой часовни на обширной площадкѣ, предъ южной стороной зданій монастыря, стоитъ гранитный памятникъ, на которомъ записано золотыми буквами посѣщеніе Валаамской обители Высочайшими особами въ разное время. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этого памятника, къ западу, поставлены, на полированномъ разноцвѣтнаго камня столбѣ, солнечные часы.



Видъ Валаамскаго монастыря съ южной стороны.



Валаамская обитель.

Зданія монастырскія состоятъ изъ расположенныхъ четыреугольникомъ каменныхъ, не высокихъ двухъ этажныхъ корпусовъ, заключенныхъ одинъ внутри другого; въ корпусахъ этихъ отдѣльными келіями живетъ братія. Посрединѣ внутренняго четыреугольника стоитъ величественный двухъ-этажный каменный храмъ, съ высокою при немъ каменною-же колокольнею.

Пройдя первый корпусъ крытымъ проходомъ у Святыхъ воротъ въ южной сторонѣ его, подъ церковью Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, а затѣмъ также второй внутренній корпусъ воротами, расположенными противъ первыхъ, Святыхъ воротъ, и весьма не далеко отъ нихъ, мы достигли вновь выстроеннаго соборнаго храма, гдѣ въ церкви нижняго этажа подъ спудомъ почиваютъ нетлѣнно мощи угодниковъ Божіихъ Сергія и Германа, Валаамскихъ Чудотворцевъ. Надъ самымъ мѣстомъ ихъ успокоенія поставлена

величественная серебряная многоцѣнная рака, у которой многія и безчисленныя совершались и по нынѣ совершаются чудеса и исцѣленія, съ вѣрою и благоговѣніемъ къ нимъ приходящимъ *). Поклонившись съ чувствомъ благоговѣнія Угодникамъ Божіимъ, мы попросили отслужить у раки ихъ молебенъ, что было безъ промедленія исполнено.

Совершивъ этотъ долгъ христіанской вѣры, мы возвратились обратно въ гостинницу. Подкрѣпившись чайкомъ, осматривали замѣчательное зданіе гостинницы, которое оказалось дѣйствительно на столько образцовымъ по устройству своихъ помѣщеній и по своимъ порядкамъ, что рѣдко гдѣ въ монастыряхъ можно встрѣтить подобное.

Зданіе гостинницы каменное, на гранитномъ фундаментѣ, о двухъ этажахъ, съ мезониномъ и подвальнымъ помѣщеніемъ. Расположено оно четыреугольникомъ, въ серединѣ котораго находится большой, почти квадратный, со всѣхъ сторонъ замкнутый дворъ.

Украшено зданіе это во фронтѣ иконою Преподобныхъ Сергія и Германа и вверху вмѣсто флага увѣнчано гранитнымъ крестомъ. Входъ въ гостинницу открываетъ красивый каменный съ колоннами портикъ на западной ея сторонѣ. Зданіе все снаружи оштукатурено и отъ монастыря находится саженяхъ въ тридцати, къ югу-востоку.

Внутри корпусовъ гостинницы сѣвернаго, южнаго

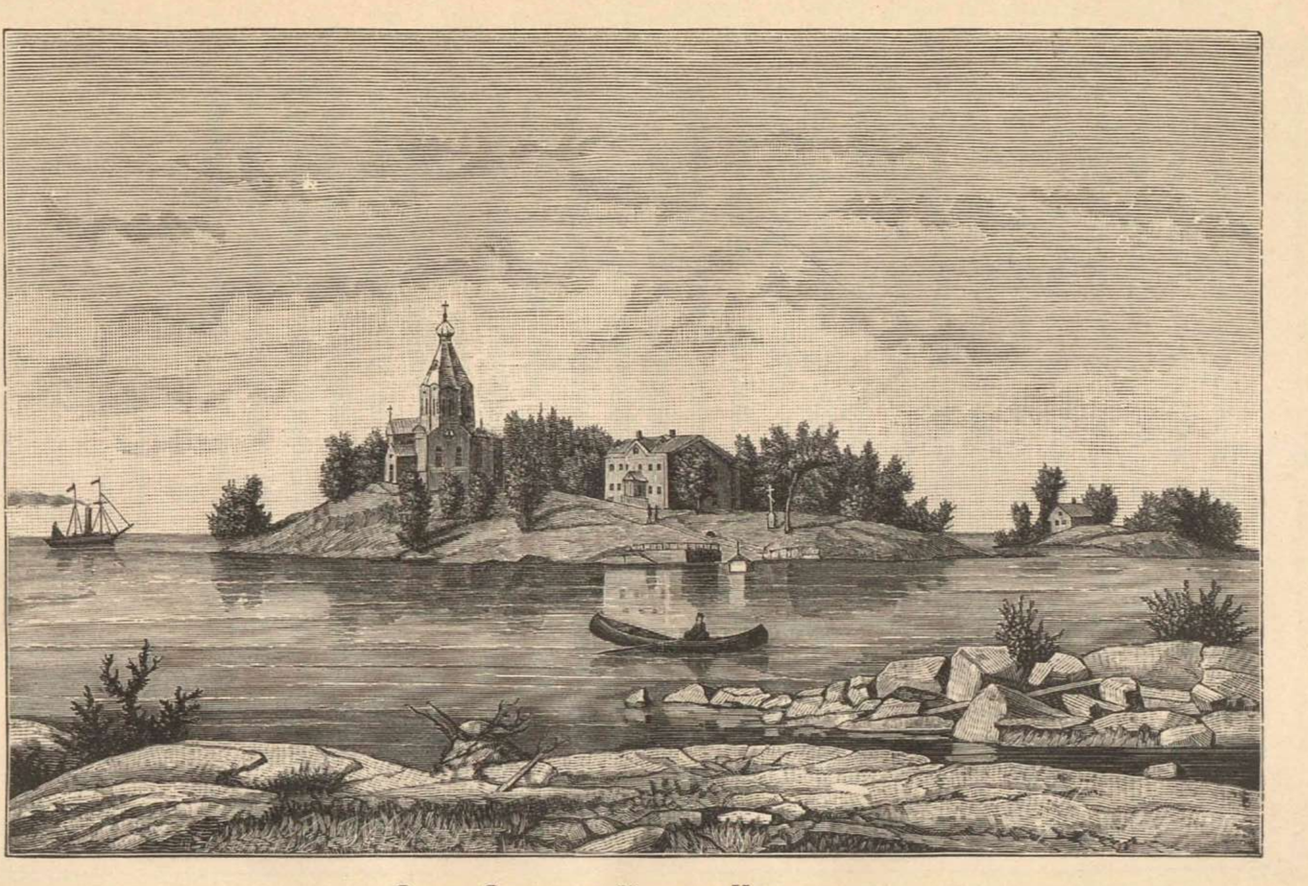
*) См. О жизни и чудесахъ Преподобныхъ. Изд. 1892 г.

и западнаго, посрединѣ каждаго этажа идутъ коридоры свѣтлые и широкіе, выстланные путиловскою плитою; по обѣимъ сторонамъ этихъ корридоровъ расположены келіи. Всѣхъ нумеровъ келій считается болѣе 200 (есть маленькія, для двухъ человѣкъ, есть и большія, человѣкъ на 7—8 и даже больше, на 15—20 человѣкъ). Содержатся онѣ въ исправности и весьма чисто. Въ каждой келіи икона, столъ, мебель, старинная, но весьма приличная, въ нѣкоторыхъ даже роскошная, кровати или койки, снабженныя матрасами, подушками, простынями, одѣялами, и все это чисто и прилично. Кромѣ того, нѣсколько старинныхъ картинъ—двѣ или три, непремѣнно украшаютъ каждую почти келію, между которыми есть и замѣчательныя. Лѣстницы, соединяющія этажи, всѣ плитныя, удобныя и хорошо освѣщены; особенно хороша главная широкая, входная лѣстница, ведущая съ просторной входной площадки перваго этажа во второй этажъ

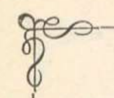
Кромѣ келій, въ зданіи же гостинницы помѣщаются три большія трапезы, на 500 человѣкъ, для женщинъ; мущины-же кушаютъ вмѣстѣ съ братіею въ монастырской трапезѣ. Въ подвальномъ этажѣ находится особая большая трапеза для простонародія изъ финновъ, кореловъ, олонцевъ, стеченіе которыхъ въ праздникъ Преподобныхъ 28 іюня и другіе нѣкоторые дни доходитъ очень часто до 4,000 человѣкъ. Тутъ-же въ подвалѣ устроены большіе мѣдные кубы для кипятку на заварку чая; кубы эти снабжаетъ водопроводъ, равно какъ и по всему гостин-

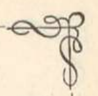
ному дому проведена вода, такъ что большія умывальницы при ретирадахъ наполняются обильно и не оскудно водою; кромѣ того, устроены краны, гдѣ каждый можетъ пользоваться водою. Всѣ приспособленія по водопроводу, трапезамъ и кухнямъ устроены исключительно средствами и силами монастырской братіи. Въ зимнее время въ одной изъ трапезъ помѣщается школа на пятьдесятъ человѣкъ, для малолѣтнихъ послушниковъ и дѣтей окрестныхъ жителей Финляндіи. При гостинницѣ-же въ четыреугольникѣ ея корпуса находятся: прачешная, ледникъ и другія хозяйственныя службы.

Когда мы осматривали гостинницу, раздался по корридору громкій звонокъ. На вопросъ нашъ: „куда это звонятъ?"—намъ отвѣчали: „приглашаютъ въ Никольскій скитъ на молебенъ, поблагодарить Святителя Николая за благополучное путешествіе. Пожалуйте на пристань, въ скитъ и обратно повезутъ на лодкахъ". Спѣшно стали выходить богомольцы изъ келій и выйдя изъ гостинницы, торопливо спускаться подъ гору къ пароходной пристани. По примѣру прочихъ и мы пошли тѣмъ-же путемъ. Къ пристани поданы были большіе катера; когда всѣ размѣстились, эта маленькая флотилія тронулась монастырскимъ проливомъ по направленію къ Никольскому острову.



Скитъ Святителя Николая Чудотворца.





Скитъ Святителя Николая.

Отъ пристани проливомъ до Никольскаго острова не болѣе полуверсты. Катера шли на веслахъ: привычные, умѣлые валаамцы, отчасти послушники, отчасти монахи—такъ ловко и искусно работали веслами, какъ впору только настоящимъ матросамъ, и наши большіе катера быстро скользили по зеркальной поверхности залива, встрѣчая ежеминутно живописные ландшафты. Никольскій островъ, на которомъ помѣщается скитъ Святителя Николая, расположенъ при самомъ устьѣ Монастырскаго пролива, онъ очень невеликъ, отдѣленъ отъ большаго монастырскаго острова съ юга не широкимъ, около ста саженъ, проливомъ, съ другихъ сторонъ онъ омывается Ладожскимъ озеромъ и Монастырскимъ проливомъ.

Подъѣхавъ къ пристани, устроенной на югозападной сторонѣ острова, богомольцы, которыхъ набралось до трехъ сотъ человѣкъ, высадившись изъ лодокъ и перегоняя другъ друга, пошли въ гору, такъ-какъ храмъ скитскій стоитъ на довольно высокой горѣ. Во храмѣ іеромонахъ, облачившись въ ризы, началъ предъ храмовымъ изображеніемъ Святителя Николая молебное пѣніе, за которымъ вычитывались всѣ заздравныя записочки богомольцевъ. Образъ, предъ которымъ служатъ здѣсь молебны, представляетъ большую, въ ростъ человѣка, вырѣзанную изъ дерева фигуру, довольно рѣдкаго типа:

въ архіерейскомъ полномъ облаченіи, въ митрѣ, съ мечемъ въ правой и церковью въ лѣвой рукахъ, что символически изображаетъ ревность Святителя Николая по церкви Божіей, отъ которой онъ мечемъ слова Божія отсѣкалъ всѣ вредныя еретическія богохульства; ликъ Святитель имѣетъ очень строгій, ноги его обуты въ шитые золотомъ туфли, къ которымъ и прикладываются набожные поклонники.

Изображеніе это весьма древняго происхожденія, но съ котораго именно времени оно на островѣ находится, положительно сказать трудно; по описямъ монастырскимъ оно значилось еще въ 1825 г., по прежнимъ старымъ описямъ украшало собою бывшую на островѣ до построенія здѣсь храма часовню, но мало кто изъ постороннихъ зналъ о немъ. Извѣстною стала эта икона очень недавно и вотъ по какому случаю: у часовни, гдѣ находилось это рѣзное изображеніе Святителя Николая, снаружи была кружка для доброхотныхъ подаяній. Въ одну изъ осеннихъ темныхъ ночей сторожъ услышалъ отчаянный крикъ. Прибѣжавъ къ тому мѣсту, откуда раздался голосъ, онъ увидѣлъ около кружки на землѣ лежащаго человѣка безъ чувствъ; оказалось, что это былъ чухонецъ. Когда этотъ послѣдній пришелъ въ чувство, то чистосердечно разсказалъ, что онъ имѣлъ намѣреніе похитить церковную кружку; но едва успѣлъ онъ только прикоснуться къ ней, какъ изъ стѣны вышелъ грозный старикъ съ мечемъ въ рукѣ и удержалъ его руку, послѣ чего онъ отъ испуга лишился чувствъ. Удивленные этимъ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ иноки

тщательно осмотрѣли часовню; но никого кромѣ рѣзнаго изображенія Святителя Николая, который, по словамъ виновнаго, былъ схожъ съ явившимся ему старцемъ, въ часовнѣ не нашли. Ясно стало, что старецъ, вразумившій святотатца, былъ Святитель Николай и что чудо было отъ этого рѣзнаго изображенія его. Въ чувствахъ благодарной радости братія валаамская рѣшилась чтить образъ этотъ чудотворною Святынею. Образъ этотъ и понынѣ чтится не только братіею и мѣстнымъ населеніемъ, но и по всей окрестности, извѣстенъ до такой степени, что даже финны-лютеране нерѣдко пріѣзжаютъ къ Валааму въ своихъ рыбацкихъ лодкахъ, чтобы поставить свѣчу Святителю Николаю.

По окончаніи молебна, приложившись съ чувствомъ благоговѣнія къ стопамъ Святителя, богомольцы разбрелись по острову, большая-же часть изъ нихъ, сгруппировавшись на расположенномъ предъ церковью гранитномъ парапетѣ, любовались открывающимся отсюда прекраснымъ видомъ на широкое Ладожское озеро и чрезвычайно красивый монастырскій проливъ. Мы между тѣмъ занялись внимательнымъ осмотромъ храма и всего Никольскаго скита, описаніе котораго считаемъ не лишнимъ здѣсь помѣстить.

Небольшой островъ, на которомъ помѣщается Никольскій скитъ, прежде назывался Крестовымъ, а со времени построенія на немъ храма во имя Святителя Николая называется Никольскимъ. На вершинѣ этого острова стояла часовня во имя же

Святителя Николая; въ часовнѣ этой на всѣ стороны были сдѣланы окна и въ темныя ночи зажигался фонарь для освѣщенія воднаго пути къ монастырю; свѣтъ фонаря далеко былъ видѣнъ съ озера и плавающимъ судамъ оказывалъ не малую пользу. Случайно посѣтилъ этотъ островъ извѣстный с.-петербургскій купецъ Николай Назаровичъ Солодовниковъ и ему было сдѣлано предложеніе соорудить на мѣстѣ часовни—храмъ во имя Святителя Николая, которое онъ самъ носитъ. Слово благое пало на добрую почву, и въ 1853 году, иждивеніемъ его, Солодовникова, на островѣ томъ воздвигнутъ былъ во имя Святителя Николая небольшой, но прекрасный храмъ, русской архитектуры, составляющей смѣсь византійской съ готическою.

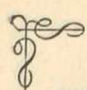
Сооруженіе храма съ изящною церковною утварью и священными золотой парчи облаченіями стоило Солодовникову до 50.000 рублей. Зданіе этого златоглаваго храма каменное и увѣнчано золоченными же крестами. На небольшой при самой же церкви колокольнѣ девять колоколовъ, въ которыхъ вѣсу всего 300 пудовъ. Планъ храма составленъ архитекторомъ А. М. Горностаевымъ. Иконостасъ въ храмѣ весьма изящной работы, весь вызолоченъ; иконы всѣ отличнаго греческаго письма; особенно цѣнны и прекрасны хоругви золотаго фриза. За лѣвымъ клиросомъ обращаетъ на себя вниманіе храмовое рѣзное, прилично раскрашенное изображеніе Святителя Николая, о которомъ мы только что сообщали

читателю. Храмъ этотъ освященъ 23-го іюля 1853 года настоятелемъ о. Дамаскинымъ соборнѣ.

Въ лѣтнее время въ этой церкви по четвергамъ совершается литургія и ежедневное чтеніе псалтири, за которымъ поминаются имена живыхъ о здравіи и усопшихъ объ упокоеніи, какъ монастырской братіи, такъ и благотворителей, записавшихъ свои и родныхъ своихъ имена для вѣчнаго или временнаго поминовенія.

Близъ храма, къ югу отъ него, на отдѣльномъ невысокомъ пригоркѣ, находится каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ помѣщается скитская братія въ числѣ десяти человѣкъ. Домъ этотъ построенъ въ 1858 году, на суммы доброхотныхъ дателей, по плану того же архитектора А. М. Горностаева. Во второмъ этажѣ этого зданія, въ сѣверовосточной части его, находится домовая церковь въ честь Преподобнаго Іоанна Дамаскина, устроенная на суммы, пожертвованныя благотворительницею М. С. Пучковой и освященная Игуменомъ Дамаскинымъ въ 4-й день декабря 1865 года.

Служба въ ней и неусыпное чтеніе псалтири совершается и въ зимнее время, такъ какъ она теплая и для скитянъ, здѣсь живущихъ, весьма удобно совершать въ ней свое непрестанное церковное служеніе и бдѣніе. Богомольцевъ въ эту церковь не допускаютъ, во избѣжаніе нарушенія безмолвія братіи, по намъ, по снисходительности путеводителя нашего, удалось побывать. Церковь эта небольшая, она помѣщается въ одной комнаткѣ, но примыкаю-

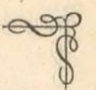


щія къ ней комнаты, въ случаѣ надобности, могутъ быть открыты и церковь тогда дѣлается многовмѣстительна. Въ церкви одинъ иконостасъ, небольшой, но весьма приличный, голубаго фона съ позолотою.

Около дома въ ложбинѣ разведенъ фруктовый садъ, тутъ-же воздѣлывается скитянами и огородъ, для собственнаго употребленія. Съ сѣверовосточной стороны садъ и огородъ защищены каменною стѣною. По юго-западной сторонѣ острова, на возвышенномъ пригоркѣ, стоитъ большой каменный крестъ, какъ-бы встрѣчающій и осѣняющій проѣзжающихъ по заливу путниковъ. Близъ креста, на голомъ камнѣ, совершенно непонятно какъ гнѣздится небольшимъ стволомъ своимъ, почти надъ самымъ проливомъ, склоняясь, столѣтняя изогнутая сосна, замѣчательный имѣя видъ—подобіе зонта.

Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности Никольскаго скита и острова, мы стали спускаться подъ гору къ лодкамъ. Между тѣмъ и прочіе спутники наши, насладившись прекрасными видами дивныхъ окрестностей Святаго острова, также тихими стопами направлялись къ пристани, гдѣ размѣстившись по лодкамъ, съ какимъ-то особымъ тихимъ, благодатнымъ чувствомъ благоговѣнія къ Господу, дивному во Святыхъ Его, поплыли проливомъ на противоположный скитскій берегъ, отстоящій отъ Никольскаго острова на четверть версты. Прибывъ къ пристани и выбравшись на берегъ, мы отправились пѣшкомъ по дорожкѣ, окаймленной густымъ лѣсомъ, къ скиту „Всѣхъ Святыхъ“.

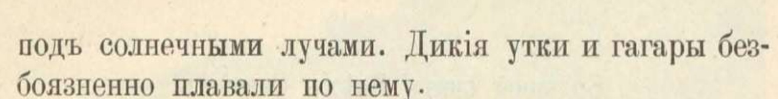
Большой скитъ во имя Всѣхъ Святыхъ.



Большой скитъ Всѣхъ Святыхъ.

Хотя отъ монастыря до скита Всѣхъ Святыхъ идетъ прекрасная и удобная ѣздовая дорога — на протяженіи трехъ съ небольшимъ верстъ, равно и проливомъ можно проѣхать, сдѣлавъ путь не болѣе также трехъ верстъ, но мы, какъ вообще всегда богомольцы, изъ Никольскаго скита—отчасти для сокращенія пути, а отчасти, чтобы выиграть время, до скита Всѣхъ Святыхъ, направились именно сказаннымъ выше кратчайшимъ путемъ — воднымъ. Высадившись изъ лодокъ на берегъ, мы по дорогѣ, густымъ и дремучимъ лѣсомъ, пошли по высокой горѣ и благорастворенный воздухъ свѣжаго сосноваго лѣса благотворно повѣялъ на насъ своимъ здоровымъ и пріятнымъ ароматомъ, ландыши и фіалки, пестрѣвшія по пригоркамъ, издавали также чудное благоуханіе. Неутомимые дрозды и другіе пернатые пѣвцы лѣсовъ, порхая невозмутимо по мирному валаамскому лѣсному царству, усладительно напѣвали на разные тоны свои вечернія пѣсенки.

Въ этомъ земномъ раю, мы, утомленные жаркими лучами іюльскаго солнца, отрадно прохладились благотворною свѣжестію лѣснаго пути. Переваливъ чрезъ гору, стали мы спускаться по ея уклону и взорамъ нашимъ представилась теперь новая чудная картина валаамской дивной природы: обширный скитскій заливъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими, поросшими густымъ лѣсомъ горами, ярко блестѣлъ



подъ солнечными лучами. Дикія утки и гагары безбоязненно плавали по нему.

Дорога къ скиту, окаймленная здѣсь лишь линіею зеленыхъ дубовъ, пролегала теперь среди луговъ, на которыхъ въ это время монастырская братія убирали душистое сѣно.

Вскорѣ на возвышенности горы, среди вершинъ рослаго лѣса, ярко заблестѣли золотыя главы скитскаго храма, а затѣмъ между деревъ показался и самый скитъ. Скитъ этотъ, обнесенный массивною, въ девяносто сажень въ окружности, каменною оградою, съ одноэтажными каменными корпусами, которыхъ мы насчитали до восьми, съ высокою двухъэтажною пятиглавою церковью и другими каменными постройками, выглядывалъ настоящимъ монастыремъ. Пространство внутри ограды между строеніями занято превосходно распланированнымъ и обработаннымъ фруктовымъ садомъ и ягодными кустарниками; за оградой самой стѣны воздѣланъ прекрасный огородъ.

Высокій, глухой, обширный лѣсъ ограждаетъ скитъ со всѣхъ сторонъ. Какая тишина! Какое глубокое уединеніе! Какой благодатный миръ можетъ наполнить утомленную душу среди этого ничѣмъ не нарушаемаго покоя! Да, въ этомъ своемъ видѣ скитъ Всѣхъ Святыхъ представляетъ неоспоримо всѣ условія для невозмутимой, молитвенно-созерцательной жизни, не подавляя духа суровостію обстановки, а напротивъ—мягкостію окружащей природы возвышая его и настраивая на самые выспренніе религіозные порывы и вдохновенія.

Женщинъ въ этотъ скитъ не пускаютъ; входъ имъ сюда дозволяется одинъ только разъ въ годъ— въ первое воскресенье послѣ Троицы, т. е въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, когда совершается сюда со многимъ великолѣпіемъ крестный ходъ; вслѣдствіе чего и теперь молебенъ служили внѣ скитской ограды предъ особою часовнею.

Умилительно было видѣть, какъ многочисленная толпа богомольцевъ, подъ открытымъ небомъ, колѣнопреклоненно возносила молитвы къ тезоименнымъ своимъ небеснымъ покровителямъ. Какъ величаво и торжественно раздавались среди лѣса, вблизи этого мѣста молитвеннаго уединенія, старинныя молебныя пѣснопѣнія, таинственно повторяемыя лѣснымъ эхомъ.

По окончаніи молебна, почти всѣ присутствующіе пошли въ часовню, предъ которою на открытомъ воздухѣ совершалось молебствіе, приложиться къ святымъ иконамъ. Часовня эта небольшая, каменная, внутри ея въ каменномъ, изящной работы полированномъ иконостасѣ изъ разноцвѣтнаго валаамскаго гранита, поставлены: Распятіе, икона Всѣхъ Святыхъ и икона преподобныхъ Сергія и Германа. Иконостасъ отдѣланъ братіею собственными средствами и трудами.

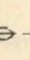
За часовнею, почти у самой ея юго-восточной стѣны, межъ зеленыхъ лиственницъ покоится въ невозмутимой тишинѣ любитель безмолвія, прозорливый старецъ іеросхимонахъ отецъ Антипа, проявившій предъ блаженною кончиною своею даръ про-

зорливости, какъ объясняется надписью на гранитной плитѣ его могилы, огороженной желѣзною рѣшеткою. Старецъ этотъ двадцать лѣтъ прожилъ въ скиту Всѣхъ Святыхъ въ великихъ подвигахъ; молитва была непрестаннымъ его занятіемъ; постъ его превосходилъ мѣры человѣческихъ силъ; такъ, въ великій постъ, первую недѣлю онъ совершенно не вкушалъ пищи, а въ обыкновенные дни только два раза въ недѣлю. Нравъ его былъ кротокъ, всегда онъ себя укорялъ и ставилъ ниже всѣхъ. Первоначально отецъ Антипа подвизался на Аѳонѣ; но судьбами Божіими приведенный на Валаамъ, возлюбилъ этотъ благодатный островъ паче Аѳона и здѣсь провелъ большую половину своей подвижнической жизни. Родомъ онъ происходилъ изъ молдаванъ. Упокой его Господи со всѣми Святыми Своими *).

Осмотрѣвъ часовню и ея окрестности, женщины, какъ неимѣющія права входа во внутрь скита — за скитскую ограду, "пошли во-кругъ его, а мы, мужчины, хотя и сами недостойны, дерзнули войти во внутренность сего святилища. Не лишне считаемъ здѣсь описать внутреннее благоустройство скита.

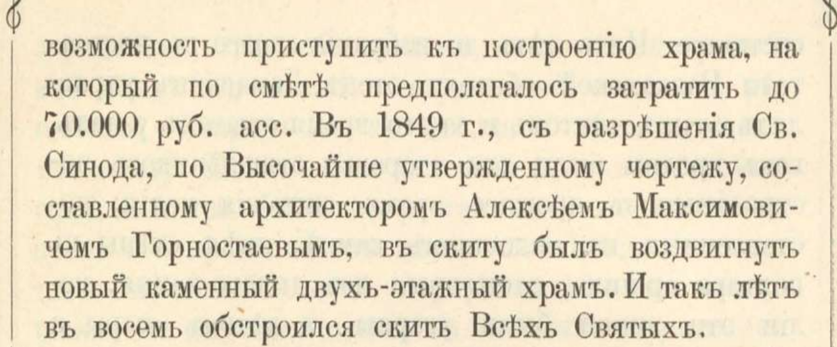
Скитъ этотъ „Всѣхъ Святыхъ“ устроенъ еще при игуменѣ Назаріѣ, старцѣ великомъ сердцемъ и умомъ, управлявшемъ обителію Валаамскою съ 1781 года по 1801 годъ. Затѣмъ Игуменъ Дамаскинъ, также старецъ замѣчательный, привелъ его въ настоящее

*) Жизнеописаніе отца Антипы, смотри особую брошюру. Изданіе Валамскаго монастыря 1883 г.



состояніе. Пять лѣтъ до избранія своего въ настоятели Валаамской обители отецъ Дамаскинъ управлялъ этимъ скитомъ и за это время опытомъ узналъ, какъ вредны были для здоровья отшельниковъ построенныя въ прежнее время скитскія келіи; поставленныя на сплошномъ камнѣ, имѣя стѣны въ полтора аршина, сложенныя изъ дикаго камня, келіи эти зимой были угарны, а лѣтомъ сыры и имѣли крайне тяжелый воздухъ. Объясняя эти неудобства Высокопреосвященному Митрополиту Серафиму, отецъ Игуменъ Дамаскинъ вмѣстѣ со старшею братіею просилъ 31 декабря 1840 года благословенія владыки построить въ скиту новыя келіи каменныя и каменную же ограду, иждивеніемъ фридрихсгамскаго купца Ѳедора Ѳедоровича Набилкова, пожертвовшаго на этотъ предметъ 10,000 рублей ассигнаціями. Преосвященнѣйшій благословилъ и въ 1844 году скитскія келіи и ограда были совершенно окончены постройкою.

Обновились келіи—нужно было обновить и скитскій храмъ, въ стѣнахъ котораго оказались значительныя трещины. На эту потребность отозвались благотворители со всѣмъ усердіемъ. Ѳ. Ѳ. Набилковъ пожертвовалъ 15,000 р., да отъ разныхъ лицъ поступило до 18,000 руб. ас. Сверхъ того, многія лица выразили готовность пожертвовать до 20,000 р., какъ только послѣдуетъ архипастырское благословеніе на построеніе церкви. При такихъ денежныхъ средствахъ и при значительномъ количествѣ находившагося на лицо строительнаго матеріала, открылась



возможность приступить къ построенію храма, на который по смѣтѣ предполагалось затратить до 70.000 руб. асс. Въ 1849 г., съ разрѣшенія Св. Синода, по Высочайше утвержденному чертежу, составленному архитекторомъ Алексѣемъ Максимовичемъ Горностаевымъ, въ скиту былъ воздвигнутъ новый каменный двухъ-этажный храмъ. И такъ лѣтъ въ восемь обстроился скитъ Всѣхъ Святыхъ.

Теперь опишемъ осмотрѣнный нами скитскій храмъ.

Среди скитскаго довольно обширнаго двора возвышается двухъ-этажный каменный храмъ византійской архитектуры. Всѣ кресты и главы его мѣдные, позолоченные чрезъ огонь; на восьмигранной колокольнѣ его находится двѣнадцать колоколовъ, въ которыхъ вѣсу 450 пудовъ. Въ нижнемъ этажѣ устроена церковь во имя Всѣхъ Святыхъ; въ верхнемъ—во имя Всѣхъ небесныхъ Силъ Безплотныхъ. Входъ въ нижнюю церковь съ двухъ сторонъ: съ сѣверной и южной; въ верхній же съ каменнаго крыльца ведетъ широкая, сажени въ $1\frac{1}{2}$, изъ плитъ лѣстница.

Нижняя церковь теплая, иконостасъ въ ней деревянный, раскрашенный подъ орѣхъ, съ дорическими, мѣстами вызолоченными, колоннами. Иконы въ ней отличной работы петербургскаго мастера В. М. Пѣшехонова. На четырехъ столбахъ храма размѣщены во весь ростъ живописные образа великихъ свѣтилъ монашества—трудъ монастырской братіи. За обоими клиросами, въ раздѣланныхъ подъ орѣхъ рѣзныхъ, украшенныхъ золотомъ иконостасахъ

находятся: на правой сторонѣ образъ Воскресенія Христова съ двунадесятыми праздниками, въ серебряной вызолоченной ризѣ,—приношеніе купеческой жены Шатиловой, а на лѣвой икона Тихвинской Божіей Матери, писанная въ мѣру Чудотворно-явленной, въ серебряной же, мѣстами вызолоченной ризѣ, украшенная разными каменьями—даръ почетной гражданки Одинцовой.

Невысокая, освященная шестью окнами церковь эта, съ ея скромными украшеніями, трогательно говоритъ о смиренномъ шествіи Святыхъ къ небу, памяти которыхъ она посвящена и располагаетъ къ тихой, умиленной молитвѣ. Въ ней совершается очередное неусыпаемое чтеніе псалтири, за которымъ поминаются имена живыхъ и усопшихъ, какъ братій, такъ и благотворителей, поусердствовавшихъ записать имена свои для вѣчнаго или временнаго поминовенія. Освящена церковь эта отцемъ Игуменомъ Дамаскиномъ и благочиннымъ монастырей отцомъ Архимандритомъ, впослѣдствіи Епископомъ Игнатіемъ—въ 18 день августа 1849 года.

Верхняя церковь ярко освѣщена дневнымъ свѣтомъ съ боковъ съ пролетнаго купола. Иконостасъ весь вызолоченъ, красивыя рѣзныя Царскія врата вѣнчаетъ большое сіяніе, среди котораго находится икона Святыя Троицы; иконы всѣ писаны по золотому фону золотистыми красками, работы Пѣшехонова; заклиросные вызолоченные иконостасы украшаютъ въ серебряныхъ ризахъ иконы Господа Вседержителя и Тихвинскія Божія Матери. На хра-

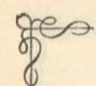
мовыхъ столбахъ помѣщены отличнаго иконнаго письма образа вселенскихъ Іерарховъ и всероссійскихъ Святителей; въ вершинѣ купола — Іисусъ-Христосъ и двѣнадцать всехвальныхъ учениковъ Его; на четырехъ аркахъ Святые Евангелисты. На западной стѣнѣ надъ входными дверьми изображены мироносицы, пришедшія ко гробу зѣло рано; по боковымъ стѣнамъ лики Преподобныхъ. Вся стѣнная живопись писана масляными красками, монастырскою братіею-живописцами въ 1887 году. Полъ церкви выстланъ путиловскою плитою.

За алтаремъ снаружи церкви въ нижней стѣнѣ надъ тремя могилками почившихъ старцевъ поставленъ каменный изъ чернаго полированнаго гранита крестъ, въ три аршина вышиною.

Храмъ этотъ торжественно освященъ въ 19 день іюля 1850 года, при соборномъ торжественномъ служеніи братіи Валаамской, высокопреосвященнымъ Никаноромъ, Митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ.

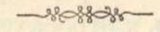
Пища, какъ мы узнали, въ этомъ скиту постоянно постная, круглый годъ и даже три дня въ недѣлю совсѣмъ безъ масла; а скоромное масло или рыбу въ этомъ скиту вкушать совершенно не дозволяется, хотя бы и въ великіе праздники.

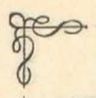
Осмотрѣвъ скитскіе храмы съ прилегающими къ нимъ строеніями, насколько то дозволяли скитскіе порядки, часть богомольцевъ отправилась въ монастырь пѣшкомъ по широкой и удобной дорогѣ. Вначалѣ дорога эта пролегаетъ густымъ лѣсомъ и пред-

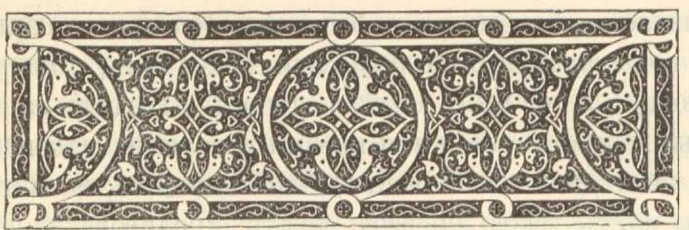


ставляетъ изъ себя какъ-бы аллею обширнаго парка, то подымающуюся по невысокимъ холмамъ, то спускающуюся по нимъ, затѣмъ дорога выходитъ на открытое мѣсто и стелется нивами и полями, наконецъ въ послѣдней своей части, ближайшей къ монастырю, идетъ узкою полосою между проливомъ и громадными, почти голыми, весьма живописно расположенными гранитными скалами.

Отъ скита до монастыря этою дорогою считается не болѣе трехъ верстъ съ небольшимъ и на ней путникъ встрѣчаетъ, идя отъ скита, первѣе всего величественный сѣраго гранита большой крестъ, какъбы осѣняющій и хранящій прохожаго отъ вражей силы, затѣмъ онъ проходитъ мимо часовни, небольшой, деревянной, поставленной въ честь Владимірскія Божіей Матери, и тремя мостами, между которыми Владимірскій мостъ, находящійся у означенной часовни и ведущій чрезъ проливъ, обращаетъ на себя вниманіе своею грандіозностію:— онъ весь изъ мѣстнаго валаамскаго камня, съ каменными-же воротами, красивой, своеобразной архитектуры и весьма гармонируетъ съ окружающею его мѣстностію. Мы же съ другою, несравненно большею частію богомольцевъ, въ лодкахъ, почти тѣмъ-же путемъ, какимъ прибыли въ скитъ, возвратились къ монастырской пристани и, вышедши на берегъ, стали подниматься на гору къ гостинному дому. Монастырскій колоколъ уже призывалъ на вечернюю молитву.







Церковное Богослуженіе:

Малая вечерня.

Малая вечерня въ субботу на воскресный день и вообще на праздники начинается въ пять часовъ пополудни. Обыкновенно въ началѣ ея читаются: девятый часъ, затѣмъ предначинательный псаломъ: „Благослови, душе моя, Господа“ и „Господи, воззвахъ“, послѣ чего поются стихиры, на четыре,—на два клироса и стиховны такъ-же обоими клиросами. По Отпустѣ читается малое повечеріе, за которымъ послѣ прочтенія „Символа вѣры“ тотчасъ-же на клиросѣ запѣваютъ: „Іисусе сладчайшій, спаси насъ, грѣшныхъ“—чѣмъ начинается чтеніе каноновъ, которыхъ вмѣстѣ вычитывается три: Іисусу Сладчайшему, Божіей Матери и Ангелу Хранителю.

Умилительно въ это время раздаются и услаждаютъ душу на обоихъ клиросахъ припѣвы этихъ ка-

ноновъ: „Іисусе сладчайшій, помилуй насъ грѣшныхъ“, „Пресвятая Владычице Богородице, моли о насъ грѣшныхъ“, „Святіи Ангели Господни, хранители наши, молите о насъ грѣшныхъ“; при слушаніи этихъ умилительно-трогательныхъ припѣвовъ рѣдкій изъ молящихся не сдѣлаетъ на себѣ съ чувствомъ особаго благоговѣнія крестнаго знаменія, прося у Господа, Божіей Матери и Святыхъ небесныхъ безплотныхъ силъ себѣ спасенія.

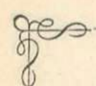
По окончаніи шестой пѣсни канона, читается акафистъ на дни воскресные Спасителю, а по прочимъ днямъ недѣли—Божіей Матери. При чтеніи акафиста, также какъ и кановновъ, на клиросахъ поютъ окончательные стихи икосовъ и кондаковъ: или „Іисусе Сыне Божій, помилуй мя“, или „Радуйся Невѣсто Неневѣстная“ и аллилуіа; послѣ акафиста дочитываются остальныя пѣсни кановновъ и заканчивается малое повечеріе.

Послѣ этого повечерія, братія прямо изъ церкви идетъ въ трапезу ужинать, куда приглашаются и миряне мужчины, женщины-же вкушаютъ трапезу въ гостинницѣ въ особо для нихъ устроенной трапезной. Все служеніе малой вечерни продолжается полтора часа, отъ 5 до 6½ часовъ пополудни. Ужинъ продолжается съ полчаса; во время его наблюдается глубокое молчаніе и только звучный, на особый распѣвъ голосъ чтеца возвѣщаетъ трапезующей братіи или добродѣтели и подвиги Святыхъ угодниковъ Божіихъ, или толкованія на Святое Евангеліе и праздникъ.

Братская трапезная расположена по одной линіи съ церковью, стѣна объ стѣну; но чтобы попасть въ нее, необходимо выйти изъ церкви и внутреннимъ дворомъ пройти сажени четыре — пять. По окончаніи ужина, почти при самомъ выходѣ братіи изъ трапезной, ударяютъ въ большой соборный колоколъ ко всенощной.

Всенощное бдѣніе.

Сряду же послѣ вечерней трапезы, какъ мы уже сказали, началось всенощное воскресное Богослуженіе. Ровно въ 7 часовъ вечера раздался первый ударъ въ большой тысячепудовый соборный колоколъ, именуемый Андреевскимъ, густой, протяжный звукъ котораго волною катился въ пространствѣ, какъ будто всколыхнувъ неподвижный воздухъ. Тишина въ воздухѣ, послѣ знойнаго длиннаго дня, стояла удивительная, и скоро все стихло. Но вотъ звукъ повторился явственнѣе, но и этотъ, также какъ первый, прокатившись крупною волною, куда-то унесся, исчезъ, словно растаялъ въ воздухѣ—и снова пауза, длинная, торжественная. Наконецъ раздался третій ударъ и начался благовѣстъ ко всенощной. Мѣрно и плавно гудѣлъ этотъ колоколъ-гигантъ — густымъ, мягкимъ, бархатнымъ тономъ; какъ волны полились его могучіе звуки, раскатились по заливу, по лѣсу и по безбрежной поверхности многоводнаго озера.



Горное эхо повторяло величавые удары колокола и вся окрестность наполнилась безпрерывнымъ, неумолкаемымъ звукомъ, вся ожила, заговорила и какъ отъ Апостола Андрея, водрузившаго крестъ на горахъ Валаамскихъ и просвѣтившаго этотъ край, во всю землю изыде вѣщаніе и въ концы вселенныя глаголы Его, такъ и отъ колокола сего, не только на всю Валаамскую землю исходитъ вѣщаніе, но и далеко за предѣлы озера—въ Финляндіи и Кореліи, за сорокъ верстъ, слышится звонъ его. И что за чудная музыка въ этихъ нескончаемыхъ звуковыхъ волнахъ! Какое православное сердце, заслыша этотъ призывный звукъ благовѣста, не забьется благоговѣйнымъ трепетомъ, чья рука не поспѣшитъ сдѣлать крестное знаменіе!.. Даже на людей чужестранныхъ и иновѣрцевъ звукъ этотъ производитъ неотразимое впечатлѣніе: финны и корелы, по ихъ собственнымъ словамъ, огласившись этимъ благодатнымъ потрясающимъ душу звукомъ, исполняются какимъ-то непонятнымъ душевнымъ волненіемъ и невольно, обнаживъ головы, сердцемъ и умомъ молитвенно возносятся ко Творцу всея твари.

Призывно радостно гудѣлъ колоколъ святой обители Валаамской; богомольцы торопливо изъ гостинницы, чрезъ святыя монастырскія ворота, направлялись въ церковь. Вскорѣ храмъ наполнился молящимися, братіею и богомольцами, началось всенощное богослуженіе, которое здѣсь совершается со всею точностію по церковному уставу. Напѣвъ знаменный или такъ называемый „столповой“, старинно-русскій,

Клиросы наполнены братіею, въ составъ которыхъ входятъ не только собственно пѣвчіе, но и всѣ остальные чины монастырскаго церковнаго причта: іеродіаконы, іеромонахи, не исключая и отца намѣстника; на клиросѣ слышны прекрасные голоса, звучные и сильные, въ особенности басы. У каждаго клироса свой регентъ, называемый здѣсь стариннымъ пѣвческимъ словомъ „головщикомъ“. Затѣмъ необходимымъ лицомъ въ составѣ хора при такомъ знаменномъ напѣвѣ является „канонархъ“, имѣющій здѣсь не формальнос, казовое, а дѣйствительное, практическое значеніе, въ особенности при пѣніи „подобныхъ“, гдѣ не точно только продиктованная строка можетъ повести къ большому замѣшательству.

Пѣніе валаамское, тоны напѣвовъ его столповыхъ, знаменныхъ, величественны, заунывны и протяжны. Эти самые протяжные тоны, а не иные, и должны раздаваться въ этой обители, которой самыя зданія, жилища и мѣстность, окружающая ее, какъ-бы назначены для думъ глубокихъ и размышленій. Эти тоны—въ согласіи съ дикою, величественно-строгою природою, съ громадными массами сѣраго гранита, съ темнымъ лѣсомъ, съ глубокими водами! „Господи помилуй“, подобно вѣтру пустынному—такъ оно умилительно и протяжно. Пѣснь „Тебе поемъ“ оканчивается протяжнымъ, красивымъ, переливающимся звукомъ, постепенно стихающимъ, теряющимся незамѣтно подъ сводами храма. Когда же братія запоетъ на вечернѣ „Господи, возвахъ къ Тебѣ, услыши мя“, то громкіе звуки несутся къ небу, увлекая

мысль и желаніе молящихся. Знатокъ пѣнія быть можетъ найдетъ въ пѣніи валаамскомъ много недостатковъ въ исполненіи, но онъ же и признаетъ глубокое набожное чувство, которое трогаетъ душу, заставляя переживать минуты высокаго религіознаго восторга, истиннаго наслажденія, которыя остаются навсегда неизгладимыми въ сердцѣ вѣрующаго человѣка.

Всенощная.

Служеніе всенощной началось обычнымъ порядкомъ *). Избранные стихи 103 псалма пѣли на оба клироса, тоже и „Блаженъ мужъ"; положенные стихи въ первой „славѣ" пѣли также на оба клироса, а послѣднія двѣ славы читаны были чтецомъ. Стихиры пѣли по канонарху, на оба клироса всѣ сполна, какъ положено въ уставѣ на десять.

На Валаамѣ, кромѣ пѣваемыхъ повсюду восьми гласовъ, стихиры поются еще и на „подобны" сихъ гласовъ, которые едва-ли гдѣ въ Россіи, кромѣ Валаама, поются. А потому мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія: эти подобны поются по исчисленію степеней, а именно:

Перваго гласа два подобна именуемые:

„Небесныхъ чиновъ"—на 6-ть степеней.

„Всехвальніи мученицы" на 9-ть степеней.

*) Зимою всенощная совершается на Валаамѣ по утрамъ и начинается въ часъ ночи.

Вторaго гласа два подобна, именуемые:
„Доме Ефрафовъ“ на 5-ть степеней.
„Егда отъ древа“—безъ числа.
Третьяго гласа подобныхъ не поютъ.
Четвертаго класа три подобна, именуемые:
„Яко добля“ на 9-ть степеней.
„Далъ еси знаменіе“ на 9-ть степеней.
„Хотѣлъ слезами“ на 9-ть степеней.
Пятаго гласа одинъ подобенъ, именуемый:
„Радуйся“—безъ числа.
Шестаго гласа два подобна, именуемые:
„Все отложше“ на 12 степеней.
„Тридневенъ“ на 6-ть степеней.
Седьмаго гласа подобновъ не поютъ.
Восьмаго гласа одинъ подобенъ, именуемый:
„О преславнаго чудесе“ на 9-ть степеней.

Всѣ эти подобны отмѣнно, отлично, розно отъ своихъ коренныхъ гласовъ гармонируются. Далѣе всеношная шла обычнымъ чередомъ; послѣднюю стихиру оба клироса пѣли совокупно, соединившись на серединѣ церкви. Послѣ догматика разлилось сладкозвучное, плавное пѣніе „Свѣте тихій“.

Литія на Валаамѣ неизмѣнно выполняется за каждой всеношной; рáвно каѳизмы вычитываются обѣ сполна. Положенные послѣ каѳизмъ сѣдальны поются сидя, за исключеніемъ конoнарха, переходящаго отъ клироса къ клиросу. Прочитанное въ алтарѣ Святое Евангеліе вынесено было на середину церкви, къ которому сначала подходила братія, по старшинству по-парно, и прикладывалась, а затѣмъ допущены

были приложиться къ нему и міряне, прежде мужчины, а потомъ женщины.

Въ это время началось чтеніе канона, за которымъ на обоихъ клиросахъ припѣвали пророческія пѣсни. Припѣвъ этихъ пророческихъ пѣсней также едва-ли гдѣ можно нынѣ услышать, не только въ мірскихъ приходскихъ церквахъ, но и въ обителяхъ иноческихъ по Россіи; на Валаамѣ же они исполняются по уставу сполна.

Таинственный смыслъ ихъ привлекаетъ вниманіе слушателя, особенно—въ первый разъ присутствующаго при пѣніи ихъ и внимающаго вообще церковному богослуженію.

Пѣсней этихъ девять—онѣ изображаютъ собою порядокъ небесной девятичной іерархіи и небеснаго пѣснопѣнія, и каждая имѣетъ свое значеніе; такъ:

Первая—есть пѣснь Маріамы, сестры Моисеевой, воспѣтая по переходѣ израильтянъ чрезъ Чермное море и которая начинается: „поимъ Господеви, славно бо прославися“.

Вторая—Моисеева, по переходѣ іудеевъ чрезъ пустыню; начало ея: „вонми небо и возглаголю“; эта вторая пѣснь хотя положена, но она никогда не поется, кромѣ вторника св. четыредесятницы, потому что она не есть пѣснь Богу, но воззваніе и угроза іудеямъ, изобличеніе ихъ нечестія и предсказаніе казней, имѣющихъ ихъ постигнуть.

Третья—пѣснь благодарственная Анны, матери пророка Самуила, когда она разрѣшилась отъ неплодства священнымъ плодомъ, сыномъ своимъ Са-

муиломъ. Пѣснь эта прообразовала Церковь, сначала неплодствующую, но потомъ, по обѣтованію, воздѣлавшую и родившую іереевъ, подобно Самуилу, чрезъ іереевъ царей, какъ, напримѣръ, Давида, отъ него апостоловъ и іерарховъ, чрезъ нихъ же и христіанскихъ царей. Пѣснь эта начинается: „утвердися сердце мое въ Господѣ".

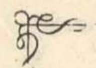
Четвертая пѣснь—пророка Аввакума, который изъ Ѳоманъ видѣлъ Бога, грядущаго изъ горы пріосѣненныя, то есть видѣлъ грядущее отъ востока незаходящее Солнце Христа, родившагося отъ Дѣвы. Начинается она словами: „Господи, услышахъ слухъ Твой и убояхся".

Пятая пѣснь—Исаіи, который предвозвѣстилъ чудо—„яко се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Эммануила".

Шестая пѣснь—пророка Іоны, который тридневнымъ своимъ пребываніемъ во чревѣ китовѣ прообразовалъ тридневно Погребеннаго и Возставшаго; начинается она: „возопихъ въ скорби моей къ Господу Богу".

Седьмая пѣснь—трехъ отроковъ, неопаленныхъ въ пещи, что было образомъ Божественнаго воплощенія; начальныя слова ея: „благословенъ еси Господи, Боже Отецъ нашихъ".

Восьмую пѣснь составляетъ славословіе этихъ трехъ святыхъ отроковъ, къ которому они призывали всякое созданіе, ясно показывая, что они знали снизшедшаго Бога и оросившаго ихъ въ пещи по образу священнѣйшаго крещенія; начинается она



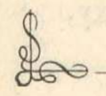
такъ: „благословите вся дѣла Господня, Господа пойте и превозносите Его во вѣки".

Наконецъ *девятая* пѣснь заключаетъ въ себѣ пророчество Захаріи, которое онъ произнесъ по рожденіи сына своего, Крестителя, который по званію своему былъ предшественникомъ благодати; начинается пѣснь эта словами: „благословенъ Господь Богъ израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ".

Эти девять пѣсней, какъ тройственный образъ Пребожественной Троицы, церковь поетъ всякій день въ канонахъ, какъ пѣсни побѣдительныя и выражающія благодать Божію.

Всенощная закончилась послѣ перваго часа хвалебною пѣснею въ честь Божіей Матери: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная". Былъ двѣнадцатый часъ въ концѣ; такимъ образомъ это всенощное богослуженіе, начатое, можно сказать, съ пяти часовъ—продолжалось около семи часовъ, что далеко нелегко было для многихъ изъ богомольцевъ, непривыкшихъ къ такимъ продолжительнымъ молитвеннымъ бдѣніямъ.

Возвратившись въ гостинницу, сладко и скоро заснули мы, утомленные этимъ молитвеннымъ подвигомъ; на душѣ было легко, весело, спокойно; хорошо бы и всегда такъ молиться, но духъ бодръ, плоть же немощна.

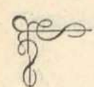
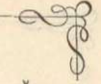


Ранняя Литургія.

Недолго пришлось намъ послѣ всенощной почивать сладкимъ сномъ; въ половинѣ пятаго часа утра раздался по корридору гостинницы знакомый уже намъ звонокъ, созывающій снова на молитву, теперь къ ранней обѣднѣ. Скоро проснулись, быстро собрались и спѣшно пошли мы въ церковь. Колоколъ собралъ уже не мало братіи и богомольцевъ. Литургія началась ровно въ пять часовъ; за обѣдней читалась масса поминальныхъ записокъ, почему она и продолжалась до семи часовъ утра. Послѣ Литургіи тотчасъ же начался молебенъ Божіей Матери и Преподобнымъ Сергію и Герману, за которымъ также читалось множество записокъ о здравіи. Въ восемь часовъ все кончилось и мы возвратились въ гостинницу подкрѣпиться чайкомъ.

Поздняя литургія.

Ровно черезъ часъ, въ девять часовъ утра, раздался благовѣстъ къ поздней литургіи. Какъ и вчера, мѣрно и плавно загудѣлъ своимъ густымъ, бархатнымъ тономъ большой тысячепудовый колоколъ, сзывая богомольцевъ въ храмъ Божій. Вскорѣ церковь наполнилась молящимися. Литургія началась обычно. Пѣніе стройное, протяжное располагало душу къ молитвѣ. Блаженни и тропари пѣлись по канонарху,

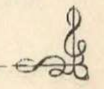
прочее все обычно совершалось—столповымъ напѣвомъ, весьма приличествующимъ пустынной обители.

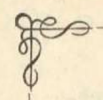
Послѣ этой литургіи всегда по воскреснымъ днямъ служится соборнѣ молебенъ, по окончаніи котораго, приложившись ко святому кресту, тотчасъ-же всѣ изъ церкви пошли съ „Пречистою" въ трапезу.

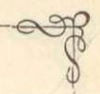
Шествіе въ трапезу съ Пречистою.

„Пречистая"—это большая просфора, изъ которой изъята частица въ честь Всесвятой Богоматери, которую очередной іеромонахъ, облеченный въ эпитрахиль, идя въ парѣ съ сослужащимъ іеродіакономъ, несетъ на папагіарѣ, т. е. особомъ блюдѣ. Имъ предшествуютъ съ пѣніемъ псалма: „вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во вѣкъ и вѣкъ вѣка". Клиросные идутъ также попарно.

Торжественный протяжный напѣвъ и высокія слова псалма въ соединеніи съ трогательнымъ обрядомъ шествія неизъяснимо пріятны для сердца. За Пречистою слѣдуетъ съ жезломъ въ рукѣ Настоятель въ мантіи; позади-же его, какъ за своимъ пастыремъ, шествуютъ по-парно, въ глубокомъ молчаніи, по старшинству, сначала священнослужители, затѣмъ старцы и братія-монахи также въ мантіяхъ. Въ это время совершается трезвонъ во всѣ колокола.







Трапеза.

Придя въ трапезу обычнымъ порядкомъ, братія садятся по чину, по старшинству, но не ранѣе того, какъ иноки пропоютъ установленныя молитвы и очередной іеромонахъ благословитъ кушанье.

Пища для всѣхъ общая. На трапезѣ для каждаго брата ставится глиняная тарелка монастырскаго издѣлія, кладется ложка и кусокъ хлѣба, въ столѣ имѣется для каждаго салфетка, между двухъ солонокъ помѣщается металлическая чаша съ квасомъ и ковшъ. Одна чаша съ кушаньемъ служитъ для четверыхъ, сидящихъ по два, другъ противъ друга. Когда иноки, послушники и богомольцы откушаютъ первое блюдо, по звонку первосѣдящаго новоначальные изъ братіи идутъ за слѣдующими кушаньями на кухню, которая тутъ-же рядомъ и, ставя принесенное ястіе на столъ, произносятъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ";— „аминь" — отвѣчаетъ имъ старшій братъ и отдаетъ бывшее до того блюдо.

Денная трапеза братіи всегда состоитъ изъ четырехъ блюдъ. Обыкновенно подаются: холодное, щи, уха или супъ, такъ называемая похлебка, и каша. По большимъ праздникамъ бываютъ пироги, лѣтомъ прибавляется еще пятое блюдо—яблоки или ягоды, которыхъ въ валаамскихъ садахъ и лѣсахъ имѣется въ изобиліи.

Во все продолженіе трапезы, въ праздничные

дни, одинъ изъ священнослужителей особымъ напѣвомъ читаетъ приличныя поученія или житія святыхъ. Въ трапезѣ хранится глубокое молчаніе.

Говоря о пищѣ братіи, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ кушанья приготовляютъ въ хорошемъ вкусѣ, но только по монастырски, безъ особыхъ приправъ. Жареной рыбы или чего-либо подобнаго за монастырской трапезой никогда не бываетъ. Количество же и нѣкоторое разнообразіе въ пищѣ допускается съ тою цѣлію, чтобы каждый братъ могъ имѣть хоть одно блюдо по своей натурѣ, такъ какъ при большихъ трудахъ братіи невозможно оставить ихъ при ограниченномъ столѣ, съ однимъ лишь родомъ пищи.

По окончаніи трапезы поются положенныя молитвы, братія благодаритъ Господа, яко далъ Онъ имъ брашно въ веселіе и молятъ Его благость не лишить ихъ и небеснаго царствія; затѣмъ раздается всѣмъ присутствующимъ кусочками „Пречистая", наконецъ всѣ выходятъ изъ трапезы.

Начатое въ 9 часовъ утра праздничное богослуженіе—литургія съ молебномъ и трапеза—продолжались почти до часу пополудни. Въ гостинницѣ отдохнуть не пришлось, такъ какъ вскорѣ послѣ того какъ пришли мы изъ трапезы вновь раздался звонокъ по корридору, приглащающій богомольцевъ на поѣздку на Святой островъ. Желающимъ ѣхать раздавались въ корридорѣ у выхода изъ гостинницы билеты — по 50 копѣекъ на пароходъ и по 25 копѣекъ за билетъ на лодку. Запасшись билетами, мы

вмѣстѣ съ прочими пошли подъ гору къ пароходной пристани.

Поѣздка на Святой островъ.

Быстро наполнялся небольшой монастырскій пароходикъ и двѣ большія лодки богомольцами. Мы заняли мѣсто на пароходѣ. Ждать пришлось не долго; скоро пароходъ, давъ третій свистокъ, принялъ причалъ и сталъ тихо отходить отъ пристани, направляясь по Монастырскому проливу къ озеру и тащя за собой три большія лодки, переполненныя богомольцами, въ которыхъ въ каждой было человѣкъ около ста.

На пароходѣ съ нами ѣхалъ отецъ Намѣстникъ съ пѣвчими, которые, какъ только пароходъ двинулся, запѣли „Достойно есть"; затѣмъ когда подошли къ Покровской часовнѣ, запѣли „Взбранной воеводѣ"; у Никольскаго скита были пропѣты тропарь и кондакъ Святителю Николаю и пароходъ при звукахъ этихъ священныхъ пѣснопѣній вышелъ въ открытое озеро *).

Погода стояла тихая и ясная. Въ гладкой поверхности водъ, какъ въ зеркалѣ, отражались берега острововъ, покрытые то зелеными деревьями, то темносѣрымъ мхомъ. На противоположной сѣверной сторонѣ,—вдали, на двадцатипяти верстномъ раз-

*) Во время пути къ Святому острову пѣлось также стихотвореніе: «О дивный островъ Валаамъ», составленное однимъ изъ иноковъ.

стояніи, представлялись нашимъ взорамъ живописно высящія къ облакамъ громадныя горы финляндскаго берега съ прилегающими къ нему островами. Одинъ изъ острововъ этихъ, ближайшій къ монастырю, лежащій лѣвѣе ихъ всѣхъ, обратилъ особое вниманіе, какъ болѣе другихъ возвышающійся своими гранитными стѣнами. Живописный островъ этотъ принадлежитъ нынѣ монастырю и называется Сергіевскимъ. О немъ спутникъ нашъ о. Г. сообщилъ слѣдующее:

Островъ Св. Сергія.

Островъ Св. Сергія или Сергіевскій такъ называется нынѣ въ честь Преподобнаго Сергія, Валаамскаго Чудотворца; прежде онъ носилъ финское названіе „Путь-Сари“ и только въ 1866 году, по переходѣ его отъ финновъ во владѣніе монастыря, наименованъ былъ островомъ Св. Сергія.

По сказанію исторіи Валаамской обители, островъ этотъ, равно какъ и другіе четыре острова, пріобрѣтенные въ 1866 году монастыремъ отъ финновъ, а именно: Германовскій, Тихвинскій, Мегорка и Елай, издревле составляли полную собственность монастыря и на нихъ безъ сомнѣнія были скиты, въ которыхъ жили иноки валаамскіе, въ уединеніи ихъ ища себѣ спасенія, что доказывается многочисленными фактами, существующими и нынѣ на лицо. Но съ 1611 г., когда шведскій полководецъ де-Лагарди, причинив-

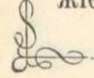
шій столько вреда Россіи, напавъ на св. Валаамскую обитель, почти до основанія разрушилъ ее: св. храмы ея дерзкою рукою безпощадно были истреблены огнемъ, келіи и имущество иноковъ позжены и разграблены, самые же иноки частію посѣчены мечемъ, частію разогнаны далеко отъ обители; когда и всѣ ея—обители святой отростки—скиты, которыхъ на отдѣльныхъ островахъ и въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи насчитывалось въ то время до четырнадцати, и когда св. храмы, то тамъ, то здѣсь освѣщавшіе страну финновъ, были также разрушены,—обитель опустѣла, оставались на островѣ лишь нетлѣнныя мощи ея первоначальниковъ, глубоко скрытыя въ нѣдрахъ земли.

Совершенное запустѣніе этой обители продолжалось слишкомъ сто лѣтъ, пока Господь ни призрѣлъ на смиреніе сего священнаго мѣста блаженнаго успокоенія угодниковъ Своихъ—преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ и не вложилъ блаженной памяти Императору Петру I-му благочестиваго желанія возстановить Валаамскую обитель. Возстановленіе это, по мощному слову Петра, и послѣдовало въ 1715 г.

Въ это-то лютое время совершеннаго запустѣнія Валаама, въ эти годины тяжкаго испытанія св. обители, финны, обитавшіе въ ближайшихъ къ Валаамскимъ владѣніямъ мѣстностяхъ, воспользовались бѣдою своего сосѣда Валаама и въ отсутствіе хозяевъ завладѣли участками земли на финскомъ берегу и островами, принадлежащими раззоренной и осирѣвшей

Валаамской обители, мѣстами жилища ея честной братіи, и даже поселились было на самомъ островѣ Валаамѣ. Съ возстановленіемъ св. обители, они принуждены были покинуть Валаамъ, острова-же и участки земли остались въ ихъ владѣніи и пользованіи и они считали ихъ, хотя и совершенно незаконно и безъ всякаго уважительнаго основанія, своею собственностію. Но пришло время, милость Господня проявилась и на этихъ чадахъ Валаама.

Въ 1866 году о. игуменъ Дамаскинъ путемъ покупки пріобрѣлъ нѣкоторые изъ болѣе приближенныхъ къ Валааму и прежде принадлежавшихъ ему острововъ. Но не скоро и не легко получилъ монастырь право владѣнія и пользованія этою своею вновь пріобрѣтенною собственностію. Когда были совершены купчія съ частными владѣльцами острововъ и дѣло пошло на утвержденіе въ финляндское верховное управленіе,—финляндскій сенатъ вознегодовалъ на этотъ поступокъ легкомысленныхъ продавцевъ и всѣми средствами старался не упускать изъ своихъ рукъ эту свою добычу. Началась упорная и жестокая борьба. Обѣ стороны: о. игуменъ Дамаскинъ и финляндскій сенатъ крѣпко и неутомимо защищали свои права; двѣнадцать лѣтъ тянулась жесточайшая война на бумагѣ, и ни та, ни другая сторона не могла одолѣть одна другую. Обстоятельства наконецъ заставили стороны представить споръ свой на рѣшеніе высшей власти—подать прошеніе на Высочайшее Имя, и вотъ въ 1878 году по милости Божіей, за молитвы святыхъ Его угодниковъ, въ Бозѣ



почивающій Царь-Освободитель Императоръ Александръ II-й, тотчасъ послѣ окончанія славнаго своего дѣла освобожденія славянъ изъ подъ ига послѣдователей Магомета, въ 28 день августа 1878 года, благосоизволилъ порадовать святую обитель милостивымъ гласомъ своимъ, изрѣкая, въ Высочайшемъ Своемъ повелѣніи *): „означеннымъ островамъ быть неотъемлемымъ достояніемъ Валаамскаго монастыря на вѣчныя времена“.

Такимъ образомъ наконецъ монастырь, чрезъ 150 лѣтъ слишкомъ, получилъ обратно въ свое владѣніе издревле принадлежащую ему собственность—родное, дорогое свое дѣтище, похищенное чужеземными иноплеменными руками. Но чужеземецъ еще и теперь не желалъ выпускать изъ своихъ рукъ окончательно этой своей добычи; онъ учреждаетъ во владѣніяхъ Валаамскихъ свою таможню. Эта финляндская таможня крайне стѣсняла и оскорбляла посѣтителей Валаамской обители; но вскорѣ послѣдовалъ конецъ и этому своеволію, не на чемъ не основанному стѣсненію правъ чужой собственности. Въ 1887 году Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, объѣзжая Петербургскій округъ, посѣтилъ вмѣстѣ со своею супругою Валаамскую обитель и его милостивымъ благоволеніемъ финляндская таможня была уничтожена. Такъ кончилась борьба древне-русскаго монастыря съ настойчивымъ финномъ.

*) Острова эти слѣдующіе: св. Сергія, св. Германа, Тихвинскій, Мигорки и Елай.

Затѣмъ обязательный о. Г. объяснилъ намъ географическое положеніе острова и его значеніе для монастыря.

Островъ Св. Сергія находится къ сѣверо-западу отъ Валаама, въ разстояніи отъ него на 18 верстъ, отъ финляндскаго же берега не болѣе одной версты; въ окружности имѣетъ онъ 15 верстъ. Природа его величественная: удивительной красоты гигантскія, каменныя горы, высотою саженей въ 30, отвѣсною стѣною, какъ неприступныя непобѣдимыя крѣпости, стоятъ одна противъ другой. Горы эти на поверхности покрыты зеленѣющими лѣсами и разными растеніями, у подножія же ихъ красивымъ ковромъ стелятся поля и луга съ разнороднымъ лѣсомъ и живописными небольшими озерками, тихія воды которыхъ наполнены разнаго рода мелкою рыбою, по поверхности же водъ здѣсь обитаютъ во множествѣ утки и гнѣздятся гагары цѣлыми семьями. Вокругъ всего острова проложена удобная ѣздовая дорога. Въѣздъ съ озера во внутренность острова открывается широкимъ и глубокимъ заливомъ на протяженіи одной версты. Заливъ этотъ служитъ превосходною гаванью для проѣзжающихъ по озеру судовъ.

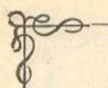
По обѣ стороны устья этого залива возвышаются двѣ громадныя каменныя горы. На одной изъ нихъ, называемой „Елеонскою", стоитъ деревянная часовня во имя Преподобнаго Сергія, Валаамскаго Чудотворца; на другой же, называемой „Крестовою", стоитъ величественный каменный крестъ высотою въ

10 аршинъ, на двухъ гранитныхъ пьедесталахъ съ высѣченою на нихъ подписью въ которомъ году по Монаршей милости поступили эти острова во владѣніе Валаамскаго монастыря. Крестъ этотъ, видимый въ ясную погоду даже и съ Монастырскаго острова, величественно красуется и показуетъ плывущимъ водяныя ворота во внутренность острова.

Получаемый съ Сергіевскаго острова камень свѣтло-сѣраго цвѣта, превосходнаго качества и извѣстенъ подъ названіемъ: „сердобольскаго гранита". Изъ этого гранита сооруженъ Николаевскій мостъ въ С.-Петербургѣ; отсюда же брали камень и для строющагося храма на мѣстѣ убіенія Государя Императора Александра II; наконецъ и монастырь для новаго своего собора и другихъ нуждъ также постоянно здѣсь ломаетъ сѣрый гранитъ.

На берегу залива находится деревянный, съ принадлежащими къ нему таковыми же службами, домъ, въ которомъ живетъ человѣкъ до семи монашествующей братіи, которые охраняютъ островъ и ведутъ все его хозяйство: обработываютъ поля, занимаются уборкою покосовъ, ухаживаютъ за огородомъ и т. п. Покойный Игуменъ Дамаскинъ предполагалъ на этомъ островѣ устроить скитъ для безмолвнаго уединеннаго пустынножитія; но громадная и капитальная постройка новаго собора привлекла къ себѣ всѣ силы и средства Монастыря.

Затѣмъ обязательный о. Г. указалъ намъ на едва виднѣвшійся въ сѣверо-восточной сторонѣ отъ монастыря островокъ, почти сливавшійся съ высо-



кими горами финляндскаго берега, такъ что и знакомый глазъ съ трудомъ могъ различить его очертанія. Этотъ островъ также принадлежитъ Валааму съ 1866 года и называется Германовскимъ. О немъ о. Г. сообщилъ намъ слѣдующее:

Островъ Св. Германа.

Островъ этотъ прежде назывался „Суска-Сальми", а со времени перехода его въ 1866 г. во владѣніе монастыря, онъ сталъ называться островомъ Св. Германа (Германскимъ) въ честь Преподобнаго Германа Валаамскаго Чудотворца.

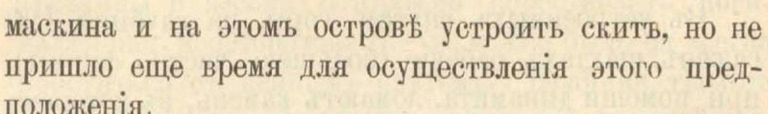
Находится онъ, какъ мы уже объяснили, къ сѣверо-востоку отъ Валаама—на разстояніи отъ него воднымъ путемъ не болѣе 30 верстъ, отъ финскаго-же берега, называемаго Питкарянта, въ 26 верстахъ, и отдѣляется отъ него неширокимъ проливомъ. Окружность острова около десяти верстъ; къ нему на финскомъ берегу принадлежатъ нынѣ небольшіе участки пахотной земли и лѣса. Проливъ, отдѣляющій островъ этотъ отъ материка, хотя не широкъ, но глубокъ, такъ что большія суда могутъ свободно имъ проходить. Устье залива, входъ въ него, какъ-бы заключенъ между высокихъ горъ, на одной изъ которыхъ высится большой деревянный крестъ, показывающій путь ко спасенію, къ тихому приста-

нищу острова отъ гнѣвныхъ осеннихъ водъ бурнаго Ладожскаго озера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы осѣняющій всякое проходящее по озеру судно.

Поверхность острова гориста; въ особенности высится онъ своими каменными гранитными хребтами къ Ладожскому озеру; къ финскому-же берегу онъ отлогъ, спускаясь довольно низко своими богатыми лѣсами, полями и сѣнокосами къ поверхности водъ озера.

Качество камня здѣсь превосходное. Здѣсь производится ломка темно-сѣраго и краснаго гранита, а также черной плиты. Красный и черный камень беретъ отсюда петербургскій скульпторъ Ботта для памятниковъ; отсюда-же взятъ камень въ Петербургъ подрядчиками на новостроющійся храмъ на мѣстѣ убіенія Императора Александра II, и монастырь также много камня ломалъ здѣсь для своего новаго собора и прочихъ монастырскихъ потребъ; преимущественно-же беретъ онъ съ этого острова черный и красный гранитъ и черную плиту.

Для обихода по хозяйственнымъ частямъ острова проживаетъ здѣсь человѣкъ 20-ть монашествующей братіи съ хозяиномъ своимъ—однимъ изъ старцевъ братіи. Для жилья ихъ поставленъ обширный деревянный домъ, вмѣщающій въ себѣ до 20 келій. При немъ устроена часовня во имя Преподобнаго Германа Валаамскаго Чудотворца; для молитвеннаго словословія, въ эту часовню и собирается братія каждое утро и каждый вечеръ на молитвенное правило. Было предположеніе у покойнаго Игумена Да-



маскина и на этомъ островѣ устроить скитъ, но не пришло еще время для осуществленія этого предположенія.

На островѣ построенъ скотный дворъ и многія другія службы и угодья. Братія занимается хлѣбопашествомъ, сѣнокосомъ и другими хозяйственными работами, избытки которыхъ отсылаются въ монастырь.

Въ тридцати верстномъ разстояніи отъ сего острова, финскій берегъ вдается двумя участками земли въ озеро и участки эти принадлежатъ монастырю: одинъ въ шесть, а другой въ три версты въ окружности. Они поросли густымъ лиственно-хвойнымъ лѣсомъ; по нимъ протекаютъ небольшія рѣчки, удобныя для сплава лѣса. Окрестность упомянутыхъ участковъ весьма лѣсиста и необитаема; по этому водятся въ нихъ медвѣди и другіе хищные звѣри; на Валаамскихъ-же островахъ, напротивъ, никакого хищнаго звѣря не обитаетъ.

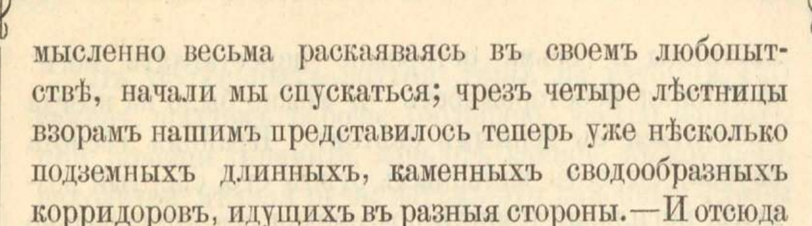
Питкарандскій мѣдный заводъ.

Въ пяти верстномъ разстояніи отъ Германскаго острова, на финляндскомъ берегу, виднѣется Питкарандскій мѣдный заводъ, гдѣ изъ нѣдръ каменныхъ горъ добываются мѣдь и серебро. О. Г. также обязательно познакомилъ насъ и съ этимъ заводомъ, съ большимъ и замысловатымъ дѣломъ добыванія тамъ мѣдной руды.

Въ устроенныхъ внутри горы, на глубинѣ 120 саженъ, шахтахъ рабочіе (большею частію финны), при помощи динамита, ломаютъ камень, въ которомъ находится мѣдная руда; затѣмъ эти каменныя глыбы тутъ же дробятся на мелкія части и паровая машина отсюда по рельсамъ подымаетъ ихъ наверхъ прямо въ плавильный заводъ.

Случилось и мнѣ нѣсколько познакомиться съ шахтами, разсказывалъ намъ о. Г.: — Однажды, въ бытность мою по дѣламъ монастыря на заводѣ, побуждаемый любопытствомъ, рѣшился и я спуститься въ шахту, откуда доставляется руда. Входъ въ нее съ поверхности горы представляетъ изъ себя простое, темное внутри отверстіе, шириною аршина въ полтора, и въ немъ отвѣсныя лѣстницы, по которымъ и спускаются на дно шахтъ. Посмотрѣвъ въ это отверстіе, товарищи мои, которые также было хотѣли спуститься, побоялись этого и отказались отъ спуска, я же съ проводникомъ финномъ, державшимъ въ рукѣ возженный факелъ изъ лучины, и еще однимъ смѣльчакомъ нѣкимъ П., также съ запаснымъ въ рукахъ пукомъ лучинъ для факела рѣшились удовлетворить своему любопытству. Влѣзши въ отверстіе, начали мы свое путешествіе въ преисподняя земли. Впереди, освѣщая намъ путь, ловко, знакомою уже стопою, спускался нашъ опытный проводникъ по висячей, совершенно почти отвѣсной деревянной лѣстницѣ; для насъ же это было дѣло очень нелегкое и крайне рискованное: нужно было крѣпко держаться руками за перекладины висячей

лѣстницы и весьма осторожно переставлять ноги: малѣйшая неосторожность—и можно было на всегда проститься съ деннымъ свѣтомъ. Крайняя тѣснота спуска, сырость каменныхъ стѣнъ его, спертый воздухъ, могильная темнота подземелья все это невольно вселяло особо удручающее чувство безпокойства. Спустившись на три лѣстницы, мы оказались въ какомъ то сводообразномъ каменномъ корридорѣ, темномъ и сыромъ. „Что это?“ спросили мы своего провожатаго финна.—„Это мѣсто откуда извлекали мѣдную руду, отвѣтилъ намъ финнъ,—а теперь здѣсь осталась одна только эта пустота на подобіе каменнаго корридора, выведеннаго сводами, намъ же нужно еще ниже спускаться: работы тамъ, внизу;—пожалуйте, вотъ отверстіе въ полу, послѣдуйте за мною“, и финнъ впереди насъ, съ факеломъ въ рукахъ, началъ спускаться. Мы послѣдовали за нимъ; тяжелое, неопреодолимое чувство страха все болѣе и болѣе увеличивалось. Спускъ этотъ ничѣмъ не отличался особенно отъ перваго—тѣ-же тѣснота, сырость, полный мракъ, тѣ-же висячія деревянныя лѣстницы, по которымъ приходилось намъ карабкаться, почти однихъ и тѣхъ же размѣровъ. Спустившись еще на три такихъ лѣстницы, мы опять попали въ длинный корридоръ,—тьма въ немъ непроглядная-непросвѣтная, по стѣнамъ плѣсень. Подземный страхъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ нами. Финнъ нашъ, подойдя къ спуску, ведущему еще далѣе въ глубь, снова пригласилъ насъ: „пожалуйте сюда, послѣдуйте за мною еще ниже“. Нехотя, скрѣпя сердце,



мысленно весьма раскаяваясь въ своемъ любопытствѣ, начали мы спускаться; чрезъ четыре лѣстницы взорамъ нашимъ представилось теперь уже нѣсколько подземныхъ длинныхъ, каменныхъ сводообразныхъ корридоровъ, идущихъ въ разныя стороны.—И отсюда выбрана также мѣдная руда? спросили мы.

— Да, отвѣчалъ онъ,—а теперь ломаютъ ее еще ниже. Вотъ здѣсь спускъ, послѣдуйте за мною.

— А глубоко еще до того мѣста, гдѣ работаютъ?—спросили мы нашего путеводителя.

— Да еще саженей съ сотню придется спуститься, отвѣтилъ тотъ:—не страшитесь, я доведу. Этотъ путь мнѣ очень хорошо знакомъ, я разика три въ день сбѣгаю туда и обратно—послѣдуйте за мною.

— Нѣтъ, благодаримъ за усердіе, глубже не можемъ спускаться, рѣшительно заявили мы ему;—а лучше ты намъ на словахъ поразскажи, какія работы тамъ идутъ и вообще что тамъ дѣлается.

— Теперь въ нижней шахтѣ, началъ обстоятельно пояснять финнъ,—работаютъ человѣкъ до сотни. Трудная работа: въ каменной горѣ на глубинѣ 120 саженей, сырость, тьма непросвѣтная, спертый удушливый воздухъ, непрестанная, оглушительная пальба отъ взрывовъ динамита, а эти бѣдные труженики, чтобы получить полтину въ день на кусокъ хлѣба себѣ и семейству, съ утра до ночи тамъ, не разгибая спины, работаютъ. А вотъ посмотрите, какъ матеріалъ-руда достается оттуда—и онъ подвелъ насъ къ отверстію вертикальной широкой трубы, въ которой проложены сверху, съ самой поверхности

земли и до самой глубины шахты, въ два ряда рельсы. По этимъ рельсамъ на цѣпяхъ, дѣйствіемъ паровой машины, спускаются и поднимаются средней величины кадки, въ которыхъ и доставляется такимъ путемъ изъ глубины шахты прямо на заводъ мелкій камень съ мѣдною рудою.—Можно и въ этихъ кадкахъ спуститься, добавилъ онъ,—да боязно, чтобы цѣпи не оборвались, тогда и костей не соберешь.

Казалось интересно было бы слушать разсказы его, но сердце наше было не на мѣстѣ; все наше попеченіе, всѣ наши желанія были—какъ бы поскорѣе вырваться на свѣтъ Божій изъ ужаснаго сего подземелья.

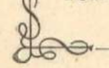
— А какъ глубоко, спросили мы финна,—находимся мы теперь отъ поверхности земли?

— Саженей на двадцать, отвѣчалъ онъ,—и еще саженей сто остается до нижней шахты, гдѣ идутъ теперь работы.

— Такъ веди, голубчикъ, поскорѣе насъ обратно, на свѣтъ Божій; а то, вотъ догоритъ твоя лучина, что мы тогда будемъ тутъ дѣлать? Въ такой темнотѣ чистый адъ!

Финнъ нашъ спокойно отвѣчалъ:—не бойтесь, вотъ еще пукъ лучины въ запасѣ и коробокъ спичекъ въ карманѣ; загаснетъ—снова зажжемъ.

Но утѣшенія эти насъ не успокоили и финнъ долженъ былъ обратно лезть по лѣстницѣ вверхъ; за нимъ полезли и мы. На сердцѣ стало отраднѣе, какъ будто избѣжали какой серьезной опасности; теперь уже въ подземныхъ корридорахъ мы не



останавливались; до насъ доходилъ только глухой гулъ отъ проходящихъ по рельсамъ телѣжекъ съ рудою.

Наконецъ вышли мы изъ подземелья на свѣтъ Божій. Свѣжій, теплый воздухъ пріятно и животворно повѣялъ на насъ; полною грудью радостно вздохнули мы и перекрестившись, съ чувствомъ искренней благодарности, сказали: „Слава Тебѣ, Господи, извелъ насъ изъ тьмы и сѣни смертной“.

Товарищи наши, соскучившіеся ожидать насъ, также обрадовались, увидѣвъ насъ благополучно возвращающихся, и мы всѣ вмѣстѣ отправились осматривать заводскія плавильныя печи.

При осмотрѣ ихъ есть отчего и неробкому человѣку почувствовать немалый страхъ; огромныя пылающія печи, а въ нихъ, какъ огненное море, клокочущая и шипящая расплавленная мѣдь производятъ потрясающее впечатлѣніе на непривычнаго человѣка. Невольно приходили на мысль мученія, уготованныя грѣшнымъ душамъ въ гееннѣ огненной,— „о Господи, избави насъ отъ нихъ“. Но это оставимъ пока и возвратимся къ описанію нашего пути на Св. островъ.

Пока о. Г. разсказывалъ все это, пароходъ нашъ между тѣмъ шелъ озеромъ вдоль сѣвернаго берега Валаамскаго острова, на разстояніи не болѣе одной версты отъ него. Теперь, когда мы обратились въ сторону острова, представилась взорамъ нашимъ весьма красивая мѣстность: къ берегу Валаама, какъ птенцы къ матери, прилегали неболь-

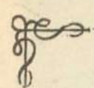
шіе островки, поросшіе лѣсомъ, на самомъ-же берегу виднѣлись деревянныя, довольно крупныя постройки. О. Г. пояснилъ намъ, что первое къ намъ виднѣвшееся въ лѣсу окрашенное деревянное строеніе—кожевенный заводъ, на которомъ братія обдѣлываетъ кожи для своей обуви и овчины для шубъ. За нимъ, вблизи его, расположенъ каменный смолевый заводъ, гдѣ трудами братіи выгоняется изъ сосновыхъ пней смола, скипидаръ и уголь, для чего устроены въ печахъ два большіе желѣзные котла, изъ которыхъ парами выходитъ скипидаръ въ особо для того устроенныя реторты—особыя такіе сосуды, и течетъ смола: сотлѣвшее-же смолье обращается въ уголь. Уголь идетъ въ монастырскую кузницу, смола-же для смазки колесъ и судовъ; скипидаръ почти весь забирается извѣстною торговою фирмою петербургскихъ дрогистовъ „Штоль и Шмидтъ" для лекарствъ. Скипидаръ валаамскій весьма доброкачественъ, мало имѣетъ запаху, такъ-какъ нѣсколько разъ очищается. Всего на смолевомъ заводѣ, въ продолженіи зимы, выгоняется около 500 пудовъ смолы, 150 п. скипидару и 1,000 кулей угля. Распоряжается заводомъ, завѣдуетъ имъ и является производительною силою монастырская братія. Вблизи завода на берегу устроена печь для обжиганія извести изъ мрамора для монастырскихъ потребностей; мраморъ привозится съ финскаго берега.

Далѣе пароходъ шелъ мимо Петровскаго мыса. Здѣсь на берегу виднѣлась деревянная часовня во имя св. мучениковъ Косьмы и Даміана, а близь нея де-

ревянный двухъ-этажный домъ, въ которомъ помѣщаются монастырскіе рыбаки во время лова, для которыхъ устроена хорошая пристань. Ловится здѣсь преимущественно сигъ и ловъ производится въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ самыя темныя ночи, почему сигъ этотъ и называется *черный* сигъ. Удивительна при этомъ смѣлость рыбаковъ: осенью, на холодномъ вѣтру, въ темную ночь, они безбоязненно на бурномъ, обширномъ и глубокомъ Ладожскомъ озерѣ, въ небольшихъ лодкахъ, производятъ свой опасный промыселъ.

Не подалеку отъ Петровскаго мыса, на мысу же, называемомъ Ѳеодоровскимъ, виднѣлась сквозь сосны деревянная же рыбацкая изба. Миновавъ и этотъ мысъ, пароходъ нашъ поровнялся съ оконечностію сѣвернаго берега острова Валаама, называемаго „Чернымъ носомъ“. На берегу этого мыса, у подножія громадной скалы, также виднѣлись небольшія рыбацкія избы, на самой же вершинѣ ея красовался деревянный большой крестъ. Къ этому мысу отъ монастыря ведетъ и сухопутная дорога, длиною въ 7 верстъ.

Кончился берегъ Валаама, пароходъ вступилъ въ проливъ между Валаамомъ и Св. островомъ, шириною въ одну версту. Здѣсь иногда боковой южный вѣтеръ и тряхнетъ пароходъ и публика вспомнитъ Бога, прекратятся праздные разговоры и начнетъ русскій человѣкъ осѣнять себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Но не надолго этотъ страхъ, близокъ теперь Святой островъ и всѣ бодро и съ облегченнымъ



сердцемъ полезутъ на крутизны Свято-островскихъ горъ.

За четверть версты до острова пароходъ нашъ далъ свистокъ и въ отвѣтъ ему почти тотчасъ же на святогорской колокольнѣ раздался звонъ колоколовъ. Святоостровскіе старцы этимъ звономъ изъявляютъ радостную встрѣчу путникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаютъ ихъ на молитвенное словословіе во святой храмъ Божій.

Пароходъ подошелъ къ Святоостровской пристани, находящейся въ сѣверной сторонѣ острова, на открытомъ озерѣ, и публика стремительно двинулась на пристань.

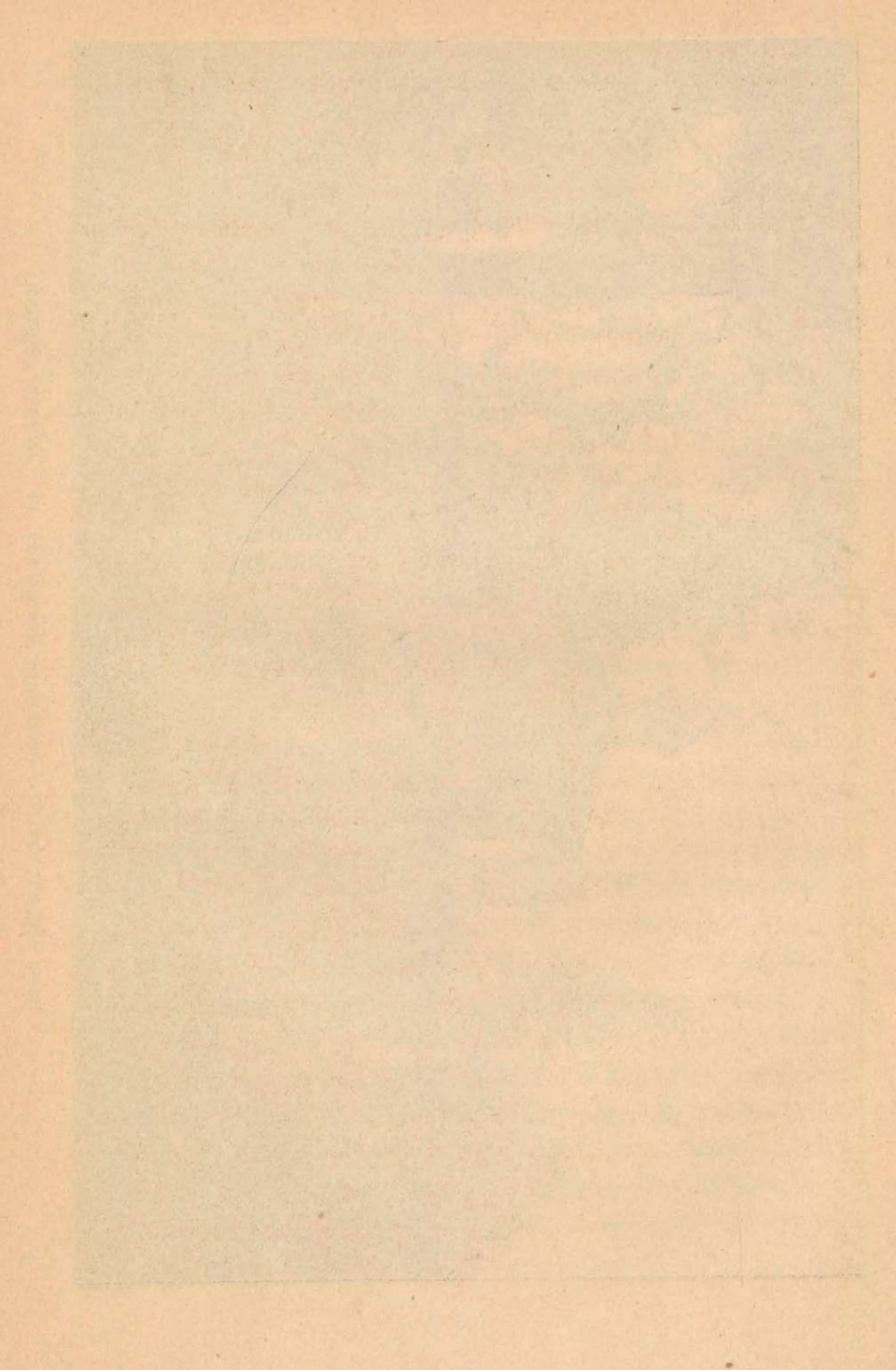
Святый островъ.

Въ окружности Святый островъ имѣетъ около 700 саженъ. Отъ монастыря до острова озеромъ считается семь верстъ. Пароходъ нашъ, съ буксиромъ изъ трехъ большихъ лодокъ, наполненныхъ пассажирами, прошелъ это пространство меньше часа и благополучно доставилъ всѣхъ насъ къ острову.

Спѣшно сошли пассажиры съ парохода и лодокъ на пристань и потянулись длинною вереницею по деревянной отлогой лѣстницѣ вверхъ на гору, гдѣ почтенный старецъ, хозяинъ острова о. А., привѣтливо встрѣтилъ путниковъ и первѣе всего предложилъ посѣтить пещеру Преподобнаго Александра Свирскаго и поклониться святому мѣсту тому. Мно-

гочисленные богомольцы, слѣдуя за нимъ, пошли вправо по тропинкѣ; послѣдовали и мы за общимъ теченіемъ. Тропинка эта узка, пролегаетъ по самому краю обрывистой высокой скалы, и вызываетъ искреннее удивленіе: „Господи, что это за дивная природа!“ слышалось отъ многихъ. Съ невольнымъ страхомъ смотрѣли мы на это величественное созданіе Творческой руки: надъ головами нашими висѣли огромныя массы каменной горы, выдававшіяся на подобіе колоннъ или пирамидъ, какъ бы нагроможденныхъ наскоро сильною рукою, а подъ ногами внизу пропасть и глубина водъ Ладожскаго озера; вотъ того и гляди оборвется такой камень и всѣхъ насъ погрузитъ въ бездну. Съ невольнымъ и благоговѣйнымъ страхомъ прошли мы этотъ удивительный переходъ, дивное твореніе Всевышняго, и выбравшись затѣмъ на вполнѣ безопасную тропу, вскорѣ достигли пещеры Преподобнаго Александра Свирскаго. Усердные богомольцы, шедшіе впереди насъ, тѣснились около ея, ожидая череды войти въ нее. По маловмѣстительности ея, только одинъ человѣкъ могъ находиться въ ней и, поклонившись образу Угодника Божія, долженъ былъ спѣшно выходить изъ нея, уступая мѣсто другому. Пришелъ и нашъ чередъ. Со страхомъ и благоговѣніемъ, преклонивъ главы, вошли мы весьма узкимъ, короткимъ входомъ въ пещерку. Пещерка эта устроена въ разсѣлинѣ каменной скалы и по вмѣстительности такова, что въ ней одинъ только не очень рослый человѣкъ можетъ стоять выпрямившись и дѣлать свободно по-

Скитъ Преподобнаго Александра Свирскаго, на Святомъ островѣ.



клоны. Въ ней поставленъ образъ Преподобнаго Александра Свирскаго, предъ которымъ горитъ лампада. Свѣтъ проникаетъ въ пещеру только чрезъ отверстіе входа и потому внутри ея полумракъ. Невольно приходитъ здѣсь на умъ мысль — какими тѣсными и скорбными путями угодники Божіи шествовали къ вѣчному блаженству, за то и Господь прославилъ ихъ на небеси и на земли почтилъ нетлѣніемъ и чудотворною силою тѣлеса ихъ.

Приложившись съ должнымъ благоговѣніемъ ко святому образу Угодника Божія, мы, не задерживая другихъ, поспѣшили выйти изъ пещерки и по слѣдамъ спутниковъ нашихъ начали подниматься по деревянной, довольно крутой лѣстницѣ еще выше, на самое, такъ сказать, темя горы, гдѣ воздвигнута церковь, поставлены братскія келіи и разведенъ фруктовый садъ и огородъ, подъ защитою лѣса. Церковь въ этомъ скиту небольшая, деревянная, древней русской архитектуры, внутри оштукатурена, а снаружи обшита тесомъ и окрашена масляною краскою. Иконостасъ, паникадило, лампады, подсвѣчники—все, кромѣ священной утвари, вырѣзано и выточено изъ кипариса — приношеніе купца Василія Михайловича Никитина. Иконы всѣ хорошаго древняго письма. Церковь эта снабжена особаго рода ризницею, устроенною изъ шелковой крестчатой матеріи, обложенной, вмѣсто газа, атласною лентою. Простота церкви веселитъ глазъ и сердце, ставитъ посѣтителя на грань древности, переноситъ мысль его ко днямъ Преподобнаго Александра Свирскаго.

Въ церкви этой совершается неусыпное чтеніе псалтири, какъ и въ прочихъ скитахъ, по тому-же чину. Желающіе вписываютъ имена для поминовенія, вѣчнаго или годоваго, чему и мы сдѣлались соучастниками. Тутъ-же предлагаютъ посѣтителямъ книжечки, виды, образки и т. п.

Вскорѣ начался молебенъ на площадкѣ предъ церковью. По многочисленности желающихъ помолиться, церковь не могла всѣхъ вмѣстить, но при хорошей погодѣ на открытомъ воздухѣ пріятно было возсылать хвалебныя и молебныя пѣснопѣнія ко Господу и святымъ Его угодникамъ.

За молебномъ почти каждый богомолецъ подавалъ свою заздравною записочку; по окончаніи молебна, приложившись ко св. кресту, мы осмотрѣли могилу Преподобнаго, находящуюся близь самой церкви, осѣненную нынѣ гранитнымъ крестомъ. По сказанію, могилка эта вырыта самимъ Преподобнымъ, собственными его руками. Затѣмъ, сквозь садъ, мы прошли къ колодцу попить свѣжей святой воды.

Въ саду, на вершинѣ горы, находятся три деревянныхъ домика; въ двухъ изъ нихъ устроены небольшія келіи, съ необходимыми при нихъ службами, для помѣщенія въ нихъ братіи въ числѣ семи человѣкъ, въ третьей братская трапезная и кухня.

Молочной пищи въ скиту этомъ по уставу вкушать никогда не разрѣшается, рыбная-же употребляется иногда, въ положенные дни; рыба ловится самими скитянами около ихъ острова. Фруктовый садъ и огородъ скитскіе воздѣлываются также самими

скитянами и находятся въ совершенно удовлетворительномъ состояніи.

Изъ сада по тропинкѣ подошли мы къ спуску на пароходную пристань, обогнувъ весь островъ. По третьемъ свисткѣ съ парохода, пассажиры всѣ были на своихъ мѣстахъ—кто на пароходѣ, кто на лодкахъ и пароходъ тихо отвалилъ отъ пристани, осторожно буксируя лодки, и поплылъ къ Ильинскому скиту.

Скитъ Св. Пророка Иліи.

Въ трехъ-верстномъ разстояніи отъ Святаго острова, къ востоку отъ монастыря, на отдѣльномъ небольшомъ островкѣ, прежде носившемъ названіе „Лембосъ", а нынѣ зовомомъ Ильинскій, находится скитъ св. Пророка Иліи. Чрезъ четверть часа пароходъ нашъ взошелъ въ гавань Ильинскаго скита и, обогнувъ маленькій островокъ, находящійся посрединѣ пролива, подошелъ къ островской пристани.

Окружность Ильинскаго острова не болѣе двухъ верстъ. Видъ его — величественъ и красивъ: весь онъ и высящаяся на немъ гора покрыты вѣковыми соснами. На южной сторонѣ его, по склону горы, почти въ половинѣ ея, виднѣлась между деревьевъ небольшая деревянная, но прекрасно отдѣланная церковь съ колокольнею, во имя святаго славнаго Пророка Иліи. Отъ пристани, посреди лиственной аллеи, пролегаетъ въ гору тропинка, по которой мы при звонѣ колоколовъ и подошли къ церкви. Снаружи

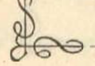
церковь эта украшсна изящною рѣзьбою; внутреннее убранство ея: иконы рѣзной прекрасной работы, иконостасъ не уступаетъ въ благолѣпіи наружному виду храма и все сдѣлано самою монашествующею братіею Валаамской обители.

По маловмѣстительности церкви и здѣсь, какъ на Святомъ островѣ, молебенъ былъ отслуженъ внѣ церкви.

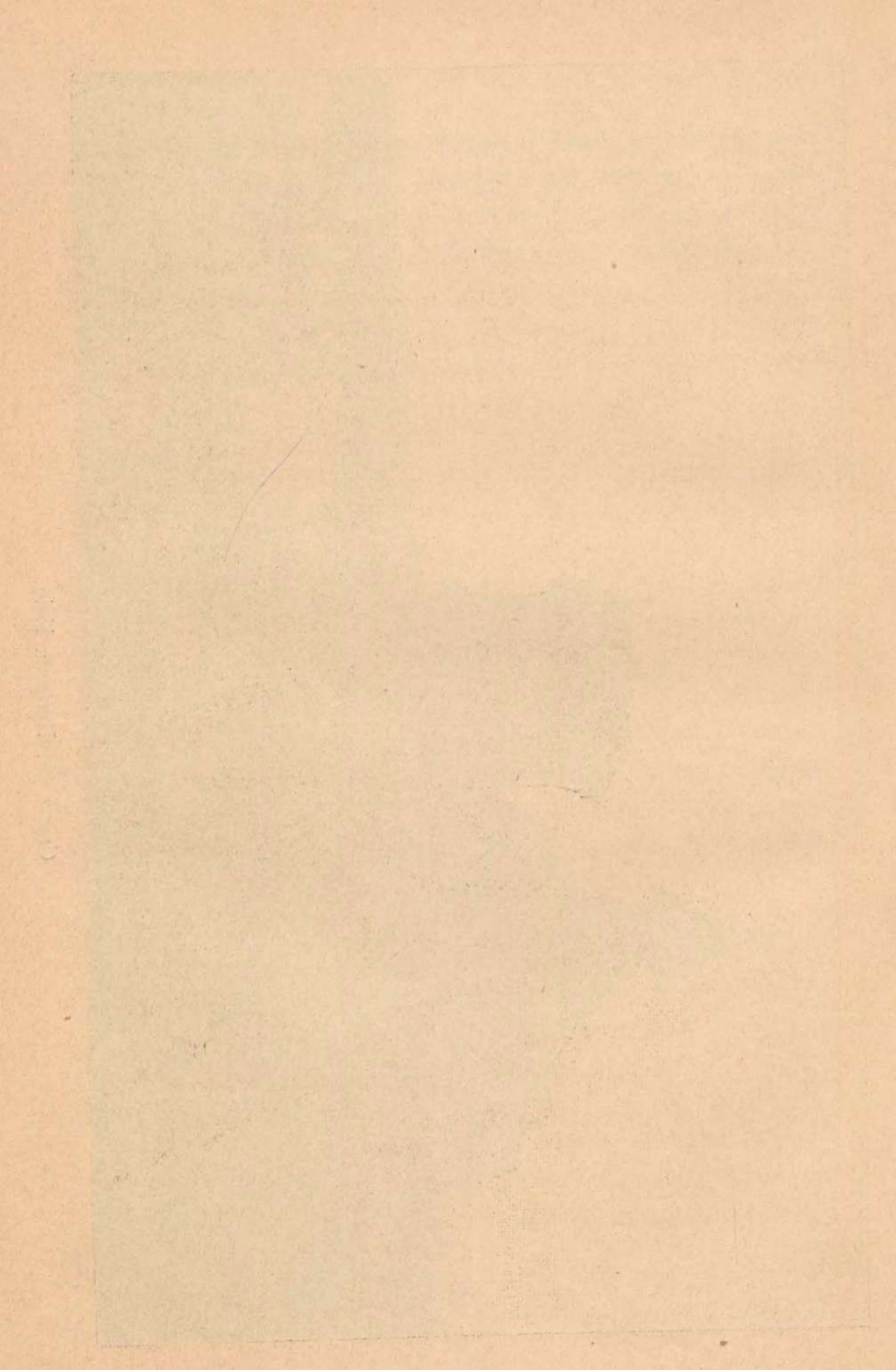
По окончаніи молебна публика, запасшись образками и книжечками, пошла къ колодцу, находящемуся нѣсколько ниже церкви. Колодезь этотъ высѣченъ въ каменной скалѣ и имѣетъ превосходную на вкусъ, всегда свѣжую воду. Верхъ его обдѣланъ красивымъ тесанымъ мраморомъ и по сторонамъ его разведенъ фруктовый садъ и обработанъ огородъ, воздѣлываемые трудами скитской братіи. Близъ церкви, на восточной и западной ея сторонахъ, въ разстояніи 50 саженъ, стоятъ два двухъ-этажные деревянные дома, въ которыхъ отдѣльными келіями живутъ до восьми человѣкъ скитской братіи (одинъ изъ братіи схимонахъ).

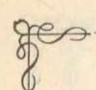
Островъ этотъ, какъ мы говорили выше, назывался прежде „Лембосъ" и только со времени освященія на немъ въ 1867 году, при игуменѣ Дамаскинѣ, церкви во имя Св. Пророка Иліи, сталъ называться Ильинскимъ.

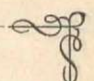
Въ разстояніи двухсотъ саженей къ югу отъ Ильинскаго острова, въ проливѣ, расположенъ небольшой островокъ, называемый „Баіоннымъ"; на немъ поставлена деревянная часовня во имя Св. Пророка



Скитъ св. Пророка Иліи.







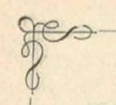
Елисея, славнаго ученика Пророка Иліи, и небольшой деревянный домикъ, въ которомъ живутъ два послушника, наблюдающіе за островомъ и пасущіе монастырскихъ овецъ. На мысу этого острова виднѣется красивый деревянный домъ; въ немъ прежде жили финляндскіе таможенные, но таможня эта съ 1888 года уже не существуетъ, какъ объяснено было выше *). Проливъ между этими двумя островами — Ильинскимъ и Баіоннымъ служитъ превосходною гаванью для плавающихъ по озеру судовъ, будучи защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ.

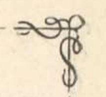
Рядомъ съ Баіоннымъ островомъ есть еще островокъ, называемый „*Чернымъ*"; на немъ никто не живетъ. Далѣе къ востоку виднѣются еще островки: „Сосновый", „Крестовый", „Пальянъ", принадлежащіе также монастырю.

Пока мы разсматривали мѣстность и любовались ея природою, свистки съ парохода начали приглашать пассажировъ къ своимъ мѣстамъ и вскорѣ пароходъ плавно отошелъ отъ пристани Ильинскаго острова, направляясь теперь прямо къ Валаамскому монастырю. Чрезъ часъ пароходъ нашъ уже подходилъ къ монастырской пристани, пѣвчіе заканчивали молитву: „Достойно есть" и путники, благополучно сойдя съ парохода и лодокъ, торопливо поднимались въ гору къ гостинницѣ, желая поскорѣе утолить свою жажду тепленькимъ чайкомъ.

---

*) Смотри историческое воспоминаніе, стран. 62.





Вечерня въ Воскресенье.

Только что успѣли мы подкрѣпиться чайкомъ, по возвращенiи своемъ изъ путешествiя на острова, какъ уже пробило 6 часовъ вечера, а вслѣдъ за симъ, съ послѣднимъ ударомъ часовъ, раздался по корридору гостинницы теперь уже хорошо знакомый намъ звонокъ, сзывающiй гостей къ вечернѣ. Почти тотчасъ же зазвонили и въ монастырѣ на колокольнѣ. Богомольцы группами потянулись изъ гостиннаго дома въ монастырь, къ вечернѣ.

Вечерня будничная шла обычнымъ порядкомъ; стихиры пѣли по канонарху на оба клироса, съ гласовъ переходили на подобны. Замѣтимъ здѣсь только, что, какъ уже выше было объяснено подробно, на Валаамѣ, кромѣ восьми положенныхъ гласовъ, поютъ много подобновъ каждаго гласа и у каждаго подобна есть опредѣленное количество стиховъ.

Послѣ вечерни къ ряду-же начались каноны обычные, т. е. Iисусу Сладчайшему, Божiей Матери, Ангелу Хранителю и Акафистъ Божiей Матери. Вечерня эта съ канономъ продолжалась около двухъ часовъ.

По окончанiи вечерни прямо изъ церкви братiя и богомольцы мужчины идутъ въ трапезу ужинать. Ужинъ обыкновенно продолжается полчаса и состоитъ изъ трехъ блюдъ, всегда почти тоже что и за обѣдомъ, только холоднаго теперь не бываетъ. По окончанiи ужина нѣсколько ударовъ въ маленькiй церковный

колоколъ возвѣщаютъ о началѣ вечерняго правила и братія собирается въ церковь.

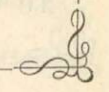
Вечернее правило.

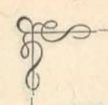
Вечернее правило состоитъ изъ слѣдующихъ молитвословій: по обычномъ началѣ и по „Отче нашъ" читается „помилуй мя, Боже" и „Вѣрую"; затѣмъ совершается 50 поклоновъ поясныхъ съ молитвою: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ". По совершеніи этихъ поклоновъ кладутся три поясные поклона, съ тройнымъ аллилуіа и произносятся затѣмъ трижды слова: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго", съ однимъ только крестнымъ знаменіемъ безъ поклоновъ. Послѣ этого наступаетъ въ церкви совершенное молчаніе. Каждый предстоящій въ храмѣ умственно творитъ въ себѣ со вниманіемъ Іисусову молитву: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго". По окончаніи этой молитвы, чтецъ начинаетъ тройное аллилуіа, съ земными поклонами, по исполненіи которыхъ опять дѣлаются 50 поясныхъ поклоновъ съ молитвою „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ". какъ и ранѣе. Затѣмъ слѣдуетъ опять тройное аллилуіа съ земными поклонами, а засимъ читается: „Богородице Дѣво, радуйся"—пять разъ и „Достойно есть, яко во истину" одинъ разъ, также съ земными поклонами; „Отче нашъ" безъ покло-

новъ; „помилуй насъ, Господи“—40 разъ безъ поклоновъ; „иже на всякое время“ и окончаніе малаго повечерія Нескверная, Неблазная, помянникъ весь до конца и положенныя въ псалтири молитвы на сонъ грядущимъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ молитвъ, чередной іеромонахъ, обращаясь къ предстоящимъ, испрашиваетъ прощеніе, говоря: „благословите мя, отцы святые и братіе, и простите ми грѣшному елика согрѣшихъ во вся дни живота моего въ сей день и часъ, безъ числа согрѣшихъ душею, тѣломъ, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами; благодатію своею Богъ проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ“; каждый-же предстоящій долженъ мысленно въ сердцѣ своемъ повторять тѣ-же слова.

Послѣ этого молитвеннаго обращенія служащаго іеромонаха всѣ присутствующіе въ церкви поочередно одинъ за другимъ, по старшинству, сперва монахи, затѣмъ послушники и рабочіе, а наконецъ миряне желающіе, подходятъ подъ благословеніе его и принявъ благословеніе прикладываются къ ракѣ Преподобныхъ Сергія и Германа. Тѣмъ и заканчивается вечернее молитвенное правило и вообще всякое денное монастырское общественное молитвословіе и церковное служеніе. Братія безмолвно расходятся по келіямъ своимъ, миряне-же направляются прямо на гостинный домъ; прогулка имъ послѣ правила внѣ гостинницы воспрещается, такъ какъ и двери гостинницы въ 10 часовъ ночи уже запираются.





Утреня будничная.

Въ два съ половиною часа ночи на понедѣльникъ по гулкимъ корридорамъ гостиннаго дома раздался громкій звонокъ, возбуждавшій богомольцевъ и вообще обитателей дома сего отъ сна на утреннюю молитву. Весьма тяжело было столичному жителю, непривыкшему въ такой ранній часъ подниматься съ постели на молитву, тѣмъ болѣе послѣ почти цѣлыхъ сутокъ, проведенныхъ на ногахъ и на свѣжемъ вольномъ воздухѣ; но звонкій колокольчикъ въ соединеніи съ неменѣе звонкимъ молитвеннымъ взываніемъ будильщика, нараспѣвъ почти у каждаго номера повторявшимъ: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“, скоро заставили всѣхъ встать съ ложа своего и стряхнуть съ себя грѣховный сонъ лѣности. Минутъ черезъ 10—15 богомольцы спѣшно потянулись одинъ за другимъ въ храмъ Божій къ заутрени.

Утреня будничная на Валаамѣ продолжается около двухъ съ половиною часовъ. Начинается она обыкновенно съ утреннихъ молитвъ, 17-й каѳизмы и полунощницы. Затѣмъ слѣдуетъ обычные псалмы; все совершается по уставу неупустительно: послѣ каѳизмы читается канонъ среди церкви канонархомъ, а по клиросамъ припѣваютъ положенныя пророческія пѣсни, о которыхъ сказано выше (смотри воскресное всенощное), съ нѣкоторымъ лишь измѣ-

неніемъ противъ праздничныхъ пѣсней, какъ то положено по уставу. Утреня заканчивается первымъ часомъ и тотчасъ за нею, безъ перерыва, начинается въ лѣтнее время, въ той же Успенской церкви, ранняя литургія; зимою ранняя литургія совершается, хотя также сряду-же послѣ утрени, но въ церкви Живоноснаго Источника.

Ранняя литургія въ будни.

Ранняя литургія въ будни совершается обычнымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что за нею вычитываются, какъ во время проскомидіи, такъ и на литургіи оглашенныхъ священникомъ и діакономъ много помянниковъ, въ которыхъ, кромѣ монастырской братіи, поминаются имена благотворителей обители и вообще имена лицъ, записанныхъ въ синодики для вѣчнаго или годоваго поминовенія. Затѣмъ въ концѣ литургіи, послѣ заамвонной молитвы, бываетъ на ранней обѣднѣ особая литія о почившихъ, на которой опять поминаются тѣ-же записанныя въ синодики имена покойныхъ.

По окончаніи божественной литургіи, тотчасъ-же, каждодневно въ той же церкви у раки Преподобныхъ совершается братскій молебенъ Божіей Матери и Преподобнымъ Сергію и Герману, за которымъ богомольцы подаютъ заздравныя записочки и служащій іеромонахъ всѣ ихъ вычитываетъ, хотя нерѣдко ихъ бываетъ и довольно много. Кончается все это бо-

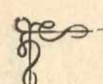
гослуженіе, т. е. ранняя литургія и молебенъ, около восьми часовъ утра. Такъ что съ начала утрени и до окончанія литургіи съ молебномъ проходитъ не менѣе пяти часовъ.

Послѣ ранней обѣдни и общаго братскаго Преподобнымъ молебна, многіе изъ посѣтителей Валаама служатъ, такъ-называемые, заказные молебны и панихиды. Платы опредѣленной за это не установлено, а кто что можетъ—жертвуетъ въ Обитель.

Настоятельское благословеніе богомольцевъ на путь.

По понедѣльникамъ, а равно и другимъ днямъ, когда отъ острова Валаама отходятъ пароходы, богомольцы послѣ ранней обѣдни, прямо изъ церкви, идутъ въ настоятельскія келіи:—уѣзжающіе принять отъ отца Настоятеля благословеніе въ путь, желающіе же погостить еще недѣльку—испросить на это также его благословеніе. Многихъ отъѣзжающихъ о. Настоятель напутствуетъ кого образкомъ, кого крестикомъ, кого книжечкою, кого картинкою или просфорою.

Принявъ благословеніе, богомольцы идутъ въ гостинный домъ по своимъ нумерамъ подкрѣпиться послѣ молитвенныхъ подвиговъ своихъ и трудовъ чайкомъ; по пути многіе изъ нихъ запасаются въ находящемся въ Святыхъ вратахъ помѣщеніи образками, книжками, картинками, ложечками и другими недорогими вещицами монастырскаго издѣлія.



Послѣ чаю, уѣзжающіе начинаютъ, въ ожиданіи прибытія изъ Сердоболя парохода, на которомъ имъ придется ѣхать, укладывать свои вещи.—Не безъ чувства нѣкотораго страха и безпокойства бываютъ у многихъ эти сборы въ путь, въ особенности у непривычныхъ въ путешествіямъ водою.

Въ девять часовъ утра обыкновенно по буднямъ начинается поздняя литургія и продолжается часа полтора.

По окончаніи поздней литургіи къ ряду же бываетъ въ трапе́зѣ обѣдъ, который оканчивается въ будни почти всегда къ половинѣ 12-го часа. Вернувшись изъ трапе́зы, отъѣзжающіе богомольцы спѣшатъ собрать свои вещи и отправить ихъ въ монастырской телѣжкѣ на пароходъ.

Въ исходѣ 12-го часа раздался громкій и продолжительный свистокъ парохода; лѣтомъ по понедѣльникамъ почти всегда около этого времени приходитъ изъ Сердоболя пароходъ. Какъ только долетѣлъ свистокъ до монастыря, все въ немъ и въ особенности въ гостинномъ домѣ пришло въ движеніе. Изъ монастыря и гостиннаго дома начали поспѣшно спускаться подъ гору монахи, послушники, богомольцы, пристань наполнилась народомъ: кто отъѣзжалъ, кто провожалъ, кто встрѣчалъ, кто принималъ и сдавалъ кладь. Вотъ въ рессорной телѣжкѣ подъѣхала къ пристани монастырская почта. Зорко смотритъ начальство монастырское чрезъ посредство братіи, наряженной для того, чтобы на пароходѣ не производилось у пристани продажи пи-

тей и куренія табаку и не произошло-бы вообще чего-либо запрещеннаго уставомъ монастыря.

Около часу дня пароходъ, давъ три свистка, медленно сталъ отходить отъ пристани.

Отъѣзжающіе богомольцы, съ чувствомъ благоговѣнія, въ умиленіи совершаютъ на себѣ крестное знаменіе, прощальные ихъ взоры устремлены на красоты Валаама, мысль ихъ молитвенно настроена, уста шепчутъ имена Преподобныхъ Угодниковъ, и прощаясь съ дивнымъ Валаамомъ, святою обителью его и гостепріимною братіею, многіе утираютъ теплую слезу духовной радости любви и умиленія. Спаси васъ Господи! Счастливаго пути!

Осмотръ монастырскихъ зданій.

Пароходъ вскорѣ скрылся за Никольскимъ скитомъ, мы-же, оставшіеся погостить въ обители, воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ о. Г., направились въ гору и пошли осматривать монастырь.

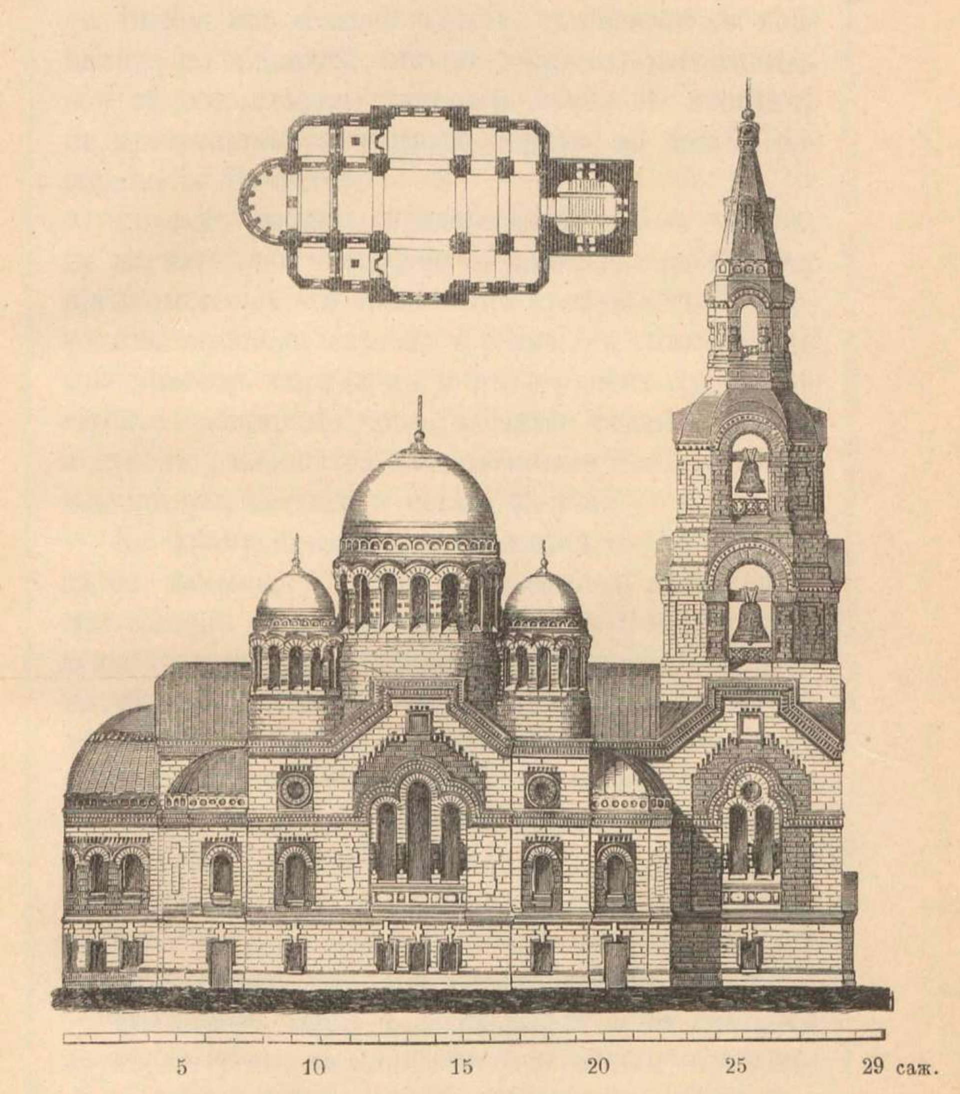
Первымъ долгомъ вошли мы въ строющійся соборъ. Глазамъ нашимъ первѣе всего встрѣтились мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ, Валаамскихъ чудотворцевъ: Сергія и Германа, почивающихъ нетлѣнно подъ спудомъ по правую сторону храма, въ освященной уже нижней церкви во имя сихъ святыхъ.

Приложившись къ ракѣ надъ ихъ мощами, принялись мы за подробный осмотръ церкви: планъ

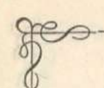
церкви весьма удобный, вмѣстительный; свѣту въ ней изобиліе, потолки сводчатые, при входѣ устроены хоры; потолки и стѣны выкрашены масляной краской съ позолотою и художественно расписаны ликами святыхъ и херувимами. По сводчатому потолку алтаря, по голубому фону, блестятъ золотые лучи, исходящіе отъ Всевидящаго ока.

Въ алтарѣ надъ окнами написаны херувимы, а надъ престоломъ изображенъ голубь (эмблема Духа Святаго). Въ среднемъ сводѣ по уклонамъ написаны четыре Евангелиста; общій же видъ потолка представляетъ глазамъ молящагося небесный сводъ (по голубому фону сіяютъ звѣзды). Помѣщеніе алтаря замѣчательно обширное и свѣтлое. Въ окнахъ алтаря и церкви подоконники изъ валаамскаго гранита чернаго и краснаго цвѣта, полированные; по правую сторону главнаго предѣла предполагается вторичный алтарь.

Иконостасъ, занимающій все поперечное пространство церкви, сдѣланъ изъ сосны и липы, рѣзной, изящной работы, окрашенный голубой краской, рѣзныя же части позолочены съ пунцовымъ оттѣнкомъ. Иконы въ иконостасѣ древнія, находившіяся въ прежнемъ соборѣ, всѣ въ массивныхъ серебряныхъ ризахъ. Въ алтарѣ и на солеѣ полъ паркетный, въ самой же церкви и паперти изъ путиловской плиты шашками. Церковь отапливается шестью желѣзными печами. Живопись, рѣзьба, позолота, столярное, каменное и малярное производство—все труды монастырской братіи.



Новый соборный храмъ въ Валаамскомъ монастырѣ.



Выйдя изъ нижней церкви, съ паперти мы поднялись по обширной свѣтлой и красиво-расположенной въ обѣ стороны широкой, каменной лѣстницѣ въ предполагаемую лѣтнюю церковь во имя Преображенія Господня

Глазамъ нашимъ представилась работа вчернѣ; но внимательное обозрѣніе ея привело насъ къ тому предположенію, что храмъ этотъ превзойдетъ обширностію, высотою, свѣтомъ и величіемъ нижнюю церковь. Своимъ порядкомъ и въ верхнемъ храмѣ построятся обширные хоры, а самыя стѣны, потолки и куполъ распишутся божественными изображеніями изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта.

Къ храму прилегаетъ, составляя съ нимъ одно цѣлое, каменная колокольня, вышиною въ тридцать три сажени, готической архитектуры. Полы на колокольнѣ деревянные, покрытые свинцомъ. Колокольня имѣетъ три яруса, въ нихъ размѣщены послѣдовательно колокола: въ первомъ ярусѣ виситъ такъ называемый Андреевскій колоколъ, вѣсомъ въ тысячу пудовъ; во второмъ ярусѣ меньшіе: одинъ въ пятьсотъ пудовъ, другой въ триста пудовъ, а третій въ полтораста пудовъ и нѣсколько меньшихъ колоколовъ въ томъ-же ярусѣ. Во всѣхъ-же колоколахъ приблизительно вѣсу двѣ тысячи двѣсти пудовъ.

Въ самомъ верху колокольни, т. е. въ третьемъ ярусѣ, устроенъ за стеклами фонарь съ цѣлью осмотра окрестностей острова и самаго озера. Наблюденіе это имѣетъ благое значеніе въ виду неудачь въ плаваніи и пѣшеходовъ въ зимнее время; въ случаѣ

опасности, монастырь оказываетъ немедленную помощь, посылая пароходъ или лошадей.

Спустившись съ колокольни подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ красивыхъ окрестностей монастыря, во дворѣ мы невольно обратили нашъ взоръ на наружный видъ храма и вниманіе наше остановилось на величественномъ видѣ этого удивительнаго, въ столь пустынной, дикой мѣстности, по своей архитектурѣ и вкусу зданія. Пять куполовъ окрашены краскою небеснаго цвѣта и увѣнчаны изящной отдѣлкой, собственной монастырской работы, позолоченными крестами; такой-же крестъ увѣнчиваетъ золотую главку колокольни. Главный входъ въ церковь украшаютъ колонны на пьедесталахъ, сдѣланныя изъ сѣраго валаамскаго гранита, работы иноковъ, самыя-же колонны изъ краснаго гранита и полированы.

Храмъ заложенъ въ 1887 году, 30-го іюня, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александовича и Супруги Его Великой Княгини Маріи Павловны и черезъ пять лѣтъ, 26 іюня 1892 г., нижняя церковь въ немъ освящена также въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

По пути изъ собора мы зашли въ братскую трапезу: глазамъ нашимъ представился весьма обширный залъ, просто, но аккуратно обставленный длинными столами въ три ряда. Въ стѣнѣ, прилегающей къ церкви, размѣщенъ рѣзной иконостасъ, позолоченный, съ иконами художественной кисти (работа монашествующей братіи); иконы находятся подъ

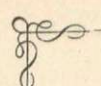
стеклами, по стѣнамъ между оконъ изображены во весь ростъ лики святыхъ. Посреди зала помѣщенъ аналой, для чтенія во время трапезованія, надъ которымъ виситъ стеклянная люстра.

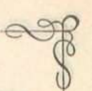
Трапеза вмѣщаетъ двѣсти человѣкъ, каковое помѣщеніе далеко не соотвѣтствуетъ количеству нынѣшняго братства и посѣтителей, приглашаемыхъ дѣлить трапезу съ братіею.

При трапезѣ смежно помѣщается кухня, устроенная со всевозможными приспособленіями и водопроводомъ, проведеннымь прямо къ печи. За кухнею помѣщеніе для погреба и квасной. За квасною. во второмъ наружномъ корпусѣ, хлѣбная съ механическимъ приспособленіемъ мѣсива тѣста. Рядомъ съ хлѣбной имѣется бондарное помѣщеніе для хозяйственнаго обихода; въ верхнемъ этажѣ того-же корпуса помѣщается канцелярія съ келіями для жилья писцовъ.

Изъ канцеляріи прослѣдовали мы въ живописную мастерскую, находящуюся въ томъ же корпусѣ. Она снабжена всѣми необходимыми предметами живописи и приспособлена для студіи живописца и его работы. При мастерской обучаются живописи до двадцати человѣкъ молодежи подъ руководствомъ опытнаго художника изъ монаховъ.

Въ этомъ-же корридорѣ осмотрѣли помѣщеніе фотографіи, такъ-же приспособленной и снабженной всѣми необходимыми для сего дѣла аппаратами и водопроводомъ. Самая фотографія заведена въ монастырѣ для снятія мѣстностей Валаамскихъ остров-



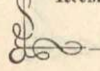


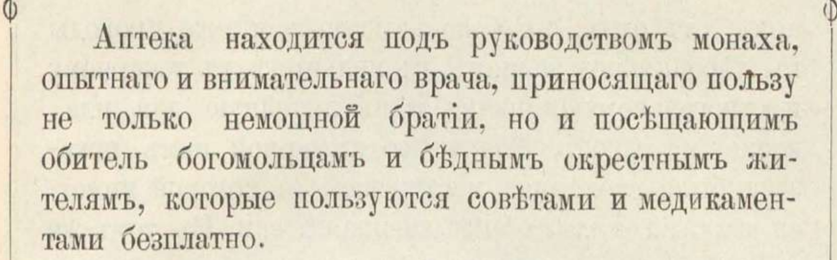
ковъ и пустынь. Въ томъ же флигелѣ расположены одна подъ другой двѣ церкви: верхняя во имя Святой Троицы, а нижняя — во имя Живоноснаго Источника.

Вблизи сихъ церквей пристроивается помѣщеніе для монастырской больницы.

Въ поперечномъ флигелѣ надстроенъ второй этажъ собственно для ризницы, которая нами не осмотрѣна, такъ какъ она въ это время хранилась въ разныхъ мѣстахъ монастыря. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщается библіотека, которая состоитъ изъ двухъ обширныхъ комнатъ, уставленныхъ большими шкафами въ систематическомъ порядкѣ. Библіотека снабжена массой книгъ разныхъ древнихъ и новѣйшихъ духовныхъ произведеній. Всѣхъ томовъ насчитывается до 14,000 экземпляровъ. Въ библіотекѣ мы замѣтили размѣщенныя подъ стекломъ девять серебряныхъ медалей, полученныхъ монастыремъ на выставкахъ огородничества и садоводства и успѣхи въ живописи, а также одну золотую медаль за садоводство. Медали эти получены въ разное время, начиная съ 1865 по 1888-й годъ. Книгами изъ библіотеки, преимущественно въ духѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, братія пользуется безпрепятственно.

Кромѣ упомянутыхъ учрежденій, при монастырѣ въ келейныхъ флигеляхъ размѣщены: рѣзная, позолотная, сапожная и портняжная мастерскія; достойна вниманія въ тѣхъ же флигеляхъ помѣщающаяся аптека; помѣщеніе и ея симметрично расположенные медикаменты не оставляютъ желать ничего лучшаго.





Аптека находится подъ руководствомъ монаха, опытнаго и внимательнаго врача, приносящаго пользу не только немощной братіи, но и посѣщающимъ обитель богомольцамъ и бѣднымъ окрестнымъ жителямъ, которые пользуются совѣтами и медикаментами безплатно.

Водоподъемный машинный домъ.

Изъ аптеки мы отправились тунелью, ведущею отъ внутренняго монастырскаго двора вплоть до машиннаго дома; въ тунелѣ этой проложена водопроводная труба, обложенная досками на протяженіи полутораста саженъ. Полъ тунели устланъ путиловской плитой; освѣщается тунель небольшими окнами къ сторонѣ кладбища. Она служитъ братіи для прохода особенно въ зимнее и ненастное время изъ монастыря въ машинный, рабочій и конюшенный дома и обратно.

Въ машинномъ домѣ встрѣтилъ насъ завѣдующій всѣмъ механизмомъ зданія монахъ и любезно пригласилъ осмотрѣть все устройство дома. Прежде всего вошли мы въ слесарное помѣщеніе, въ коемъ поинтересовались главною силою всего механизма въ домѣ, сердцемъ, такъ-сказать, механической его жизни—это машина въ восемь лошадиныхъ силъ, для поднятія воды изъ озера на высоту 133 футъ; машина эта помѣщена посреди зданія и отъ нея имѣются проводы съ устроеннымъ наверху зданія ба-

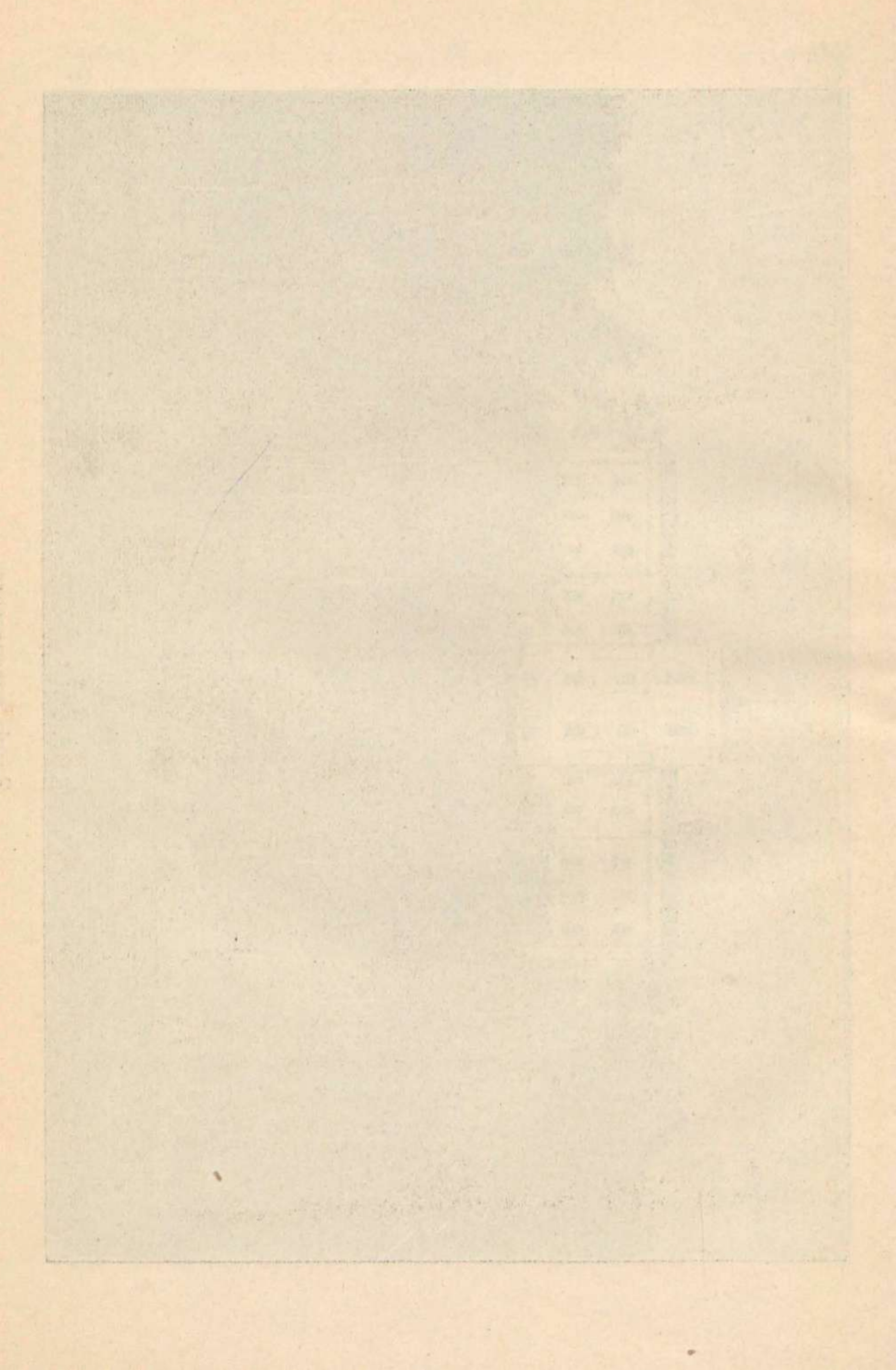
комъ; отъ этихъ-же баковъ идутъ такіе-же проводы къ лѣсопильной машинѣ, къ мельницѣ, къ токарному и строгальному станкамъ и въ литейную для плавленія металловъ. Рядомъ со слесарной намъ показана была столярная мастерская, въ которой имѣется паровая пила, обрѣзывающая доски. Въ томъ-же этажѣ рядомъ со столярной осмотрѣли мы паровую мельницу; а подъ нею спустились въ помѣщеніе лѣсопильнаго станка.

Въ подвальномъ этажѣ зданія размѣщены: кузница, литейная и баня, достойная вниманія опытнаго глаза своею обширностію, удобствомъ и даже изяществомъ; баня вмѣстѣ съ тѣмъ приспособлена для прачешной, съ прибавленіями: паровой бучки и гидравлическаго пресса для выжимки бѣлья.

Изъ подвальнаго помѣщенія мы спустились на значительную глубину въ подземелье, по узкой деревянной лѣстницѣ въ 220 ступеней, освѣщенной маленькими, выходящими къ проливу, по уклону горы, окнами, къ самому колодцу, высѣченному въ скалѣ, ниже уровня озера на три сажени. Чистая вода изъ пролива входитъ въ колодезь этотъ чрезъ пробуравленное въ скалѣ отверстіе, а изъ него поднимается посредствомъ поршня, приводимаго въ движенія паромъ, на верхъ водоподъемнаго дома—въ баки.

Когда мы осмотрѣли все это, проводникъ нашъ для сокращенія пути указалъ намъ въ подземельѣ дверь къ наружному выходу, выйдя которою на свѣтъ Божій, мы очутились у самаго берега пролива;

Зданіе водопровода



насъ обдало свѣжестью лѣтняго воздуха и обогрѣло лучами солнца, послѣ пребыванія въ сырой и сгущенной подземной атмосферѣ.

По берегу прошли мы въ нижній фруктовый садъ, расположенный у подошвы высокой монастырской скалы на самомъ берегу пролива. Садъ этотъ изобилуетъ фруктовыми деревьями, ягодными кустарниками и кедрами. Изъ сада вышли главнымъ ходомъ къ монастырской пристани, откуда поднялись въ гору по направленію къ гостинницѣ, за зданіемъ которой также расположенъ садъ, по правую сторону ея, по уклону горы, изобилующій фруктами.

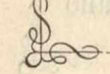
Изъ этого сада направились мы въ третій садъ, такъ-называемый „аптекарскій", разбитый въ сѣверо-восточной сторонѣ отъ гостинницы и отличающійся отъ прочихъ своимъ разнообразіемъ. искуствомъ и порядкомъ. Во всѣ сады и огороды при монастырѣ для поливки проведена изъ машиннаго зданія вода.

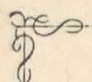
По дорогѣ изъ этого сада къ новому кладбищу, глазамъ нашимъ представились обширныя каменныя зданія, построенныя особнякомъ и своей приличной архитектурой обратившія на себя наше вниманіе. Сопутствующій насъ монахъ объяснилъ, что въ одномъ зданіи хранятся хлѣбъ и продукты, а въ другомъ обширномъ зданіи помѣщаются наемные рабочіе, лошади, экипажи, хозяйственныя мастерскія, съ кухнею и трапезою, снабженными водопроводомъ.

Съ этой дороги мы направились къ монастырю и воротами достигли стараго монастырскаго кладбища, которое весьма симметрично распланировано

на ровномъ мѣстѣ, рядомъ съ монастыремъ, содержится весьма опрятно; есть нѣсколько приличныхъ памятниковъ на частныхъ могилахъ, монашескія же обозначены плитами съ надписями. Самая крайняя отъ монастыря могила, какъ свидѣтельство неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ, приковала наше вниманіе. Мы прочли здѣсь вырѣзанную на камнѣ надпись слѣдующаго содержанія:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году оно землѣ предано,
Магнуса, Шведскаго Короля,
Который, святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григорьемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 году на престолъ возведенъ.
Великую силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ,
Но, преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился.
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дня и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ берегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ,
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ,
Потомъ на мѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы.
Поживъ три дня, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.





Симъ обозрѣніемъ мы ограничились и закончили пріятно проведенный нами день въ стѣнахъ святыя обители.

Пустынька Игумена Назарія.

Пустынька эта находится въ одной верстѣ отъ монастыря по направленію на востокъ. Дорога, ведущая въ пустыньку, начиная отъ гостиннаго дома, весьма живописна и удобна; по обѣ стороны ея весьма живописный ландшафтъ; глаза путника останавливаются на извилистой мѣстности, покрытой какъ бы отдѣльными рощицами, на полянахъ коихъ размѣщены огороды и посѣвы.

Шагахъ въ полутораста отъ гостиннаго дома тянется по обѣ стороны дороги сплошной лѣсъ, въ которомъ, въ лѣвой его сторонѣ, трудами бывшаго о. Игумена Дамаскина, красуется вышеупомянутая пустынька, основанная Игуменомъ о. Назаріемъ

Не широкою ровною дорогою, какъ-бы аллеею обширнаго густаго парка, путникъ совершенно неожиданно подходитъ къ воротамъ пустыни, такъ-какъ она до самой послѣдней минуты прячется въ лѣсу. Свернувъ съ дороги влѣво и войдя воротами въ кедровую аллею, прежде всего онъ замѣчаетъ на правой сторонѣ этой аллеи большой гранитный крестъ, за крестомъ-же расположенъ уютный чистенькій домикъ, который и называется „Пустынькой Игумена Назарія“; передъ флигелемъ разведенъ небольшой садикъ; влѣво, наискосокъ садика, деревянная часо-

венька въ память преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ часовенки, за садикомъ, прельщая глазъ и радуя сердце, красуется небольшая церковь византійской архитектуры, однокупольная, освѣщаемая четырьмя значительной величины венеціанскими окнами, построенная изъ камня и кирпича валаамскаго производства. Внутренность храма настолько изящна и художественна, что не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви воздвигнута арка, надъ которой высится колокольня.

У церкви, близъ алтаря, по лѣвую его сторону, глазамъ посѣтителя представляется могилка Игумена Дамаскина—съ памятникомъ, имѣющимъ видъ креста изъ чернаго валаамскаго гранита съ приличествующею на немъ надписью. Памятникъ обнесенъ рѣшеткою. По правую-же сторону церкви, также у алтаря, другая могила—Игумена Іонафана также съ гранитнымъ крестомъ, обнесеннымъ рѣшеткою.

Выйдя изъ арки подъ колокольней, посѣтитель этого укромнаго уголка спускается подъ гору, на подошвѣ которой симметрично расположены могилки иноковъ, охраняемыя, какъ-бы безмолвною стражею, стройною аллеею изъ разныхъ породъ деревьевъ; на могилкахъ имѣются кресты и камни съ надписями.

Не вдалекѣ отъ кладбища, пониже его, находится обдѣланный мраморомъ колодезь съ водою весьма пріятнаго вкуса.

Церковь во имя Преподобныхъ Отецъ на новомъ кладбищѣ, въ Валаамскомъ монастырѣ.

Отъ колодца подъ гору, по разросшемуся лѣсу, идетъ аллейка къ сохранившейся кельицѣ схимонаха Николая, замѣчательнаго подвижника святыя обители. Эта келія его удостоена была посѣщенія Императоромъ Александромъ I-мъ. За этою кельицею въ нѣсколькихъ шагахъ сохранена и понынѣ его могилка.

Подъ горой, съ лѣвой стороны церкви, разведенъ питомникъ разныхъ хвойныхъ деревъ. Въ лѣтнее время пустынька населена громаднымъ количествомъ бѣлокъ, уничтожающихъ безпощадно кедровые плоды.

Изъ пустыньки мы направили свой путь, по той-же лѣсистой дорогѣ, изъ монастыря далѣе—въ Тростяное.

Тростяное.

Познакомивъ насъ подробно съ священною мѣстностью при пустынькѣ отца Игумена Назарія, нашъ добродушный спутникъ о. Н. пригласилъ насъ совершить путешествіе въ мѣстность, называемую „Тростяное". Мы согласились и, выйдя изъ пустыньки, не торопясь, двинулись по лѣсной дорожкѣ впередъ. На пути пришлось намъ подняться на горку, не-вдалекѣ отъ пустыньки схимонаха Николая. Затѣмъ мы завернули влѣво, на нѣсколько сажень въ глубь лѣса, къ могилкѣ схимонаха Серафима. Какое уютное мѣсто мирнаго покоища этого дивнаго старца; здѣсь онъ подвижнически жилъ, тутъ-же поло-

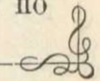
жилъ и останки свои. Прахъ его покоится подъ тѣнью елей, въ каменномъ склепѣ; на могилѣ лежитъ камень съ надписью, которую, какъ говоритъ преданіе, онъ собственноручно вырубилъ, съ означеніемъ года и мѣсяца своей кончины. Тутъ-же виднѣется и его бесѣдочка, огражденная окаціей, мѣсто-же келіи его поросло теперь лѣсомъ.

Дивное мѣстечко—высокій пригорокъ, окруженный съ трехъ сторонъ густымъ лѣсомъ, съ южной-же стороны—возвышенность горы, равняющаяся вершинѣ лѣса, ярко озаряется лучами солнца. Хорошо было спасаться здѣсь отцу Серафиму въ пустынной тишинѣ; но еще лучше ему теперь, пребывающему душею въ небесныхъ обителяхъ. Миръ праху твоему, старче Божій!

Возвратившись на прежнюю дорожку, мы стали спускаться по уклону горы и пошли по ровной дорожкѣ, окаймленной чащею зеленаго лѣса.

Это пріятное путешествіе такъ насъ обрадовало, что мы забыли все мірское, какъ будто-бы находились гдѣ-то въ иномъ мірѣ. Пріятный и теплый вѣтерокъ, освѣжаемый зеленью лѣса, постоянно намъ сопутствовалъ; яркія лучи солнца сквозили между зеленыхъ листьевъ; дрозды и другіе лѣсные пернатые пѣвцы громко напѣвали свои простенькія пѣсни. Но вотъ на пути, у каменной скалы, подъ вѣтвями вѣковыхъ елей, пріютилась скромная деревянная часовня во имя Псково-Печерскія иконы Богоматери.

Поклонившись святынѣ, мы пошли вправо по



дорожкѣ, къ высокой горѣ, на возвышенности коей стоитъ высоко надъ озеромъ деревянный крестъ, идущая-же влѣво дорожка ведетъ къ Черному носу.

Отъ креста этого предлежалъ намъ путь въ Тростяное, куда мы прибыли чрезъ полчаса времени. Здѣсь находится часовня во имя Преподобнаго Савватія, Соловецкаго чудотворца; она стоитъ на самомъ бережку островка, окруженная со всѣхъ сторонъ водой; окрестность ея весьма живописна: небольшіе островки, какъ-бы дѣтеныши около матки, плаваютъ около берега, широкій проливъ далеко тянется по берегу и на немъ вдали между островками виднѣется Святой островъ, а за нимъ влѣво Ильинскій, справа-же виденъ мысъ острова Авраамскаго скита; ближе, на небольшомъ островкѣ, красуется часовня Преподобнаго Нила Столбенскаго. Спутникъ нашъ о. Н. отслужилъ въ часовнѣ молебенъ угоднику Божію. Часовенка деревянная, изящно выстроенная на подобіе небольшой церковьки съ колокольнею, но безъ колоколовъ; иконы въ ней хорошаго письма. Мы взошли на колокольню, откуда представился глазамъ нашимъ очень красивый видъ окружающей часовню мѣстности. При часовнѣ находятся два домика, одинъ для пристанища рыбаковъ, а другой для монастырской фермы. Въ лѣтнее время здѣсь пасутся коровы и для молочныхъ продуктовъ устроены всѣ приспособленія, весьма въ приличномъ и чистомъ видѣ.

Обратный путь нашимъ проводникомъ былъ избранъ иной, хотя не столь удобный какъ первый,

но зато посокращеннѣе; пройдя зимняковскими лугами, черезъ огородъ, мы достигли прямо гостиннаго дома. Почувствовавъ нѣкоторую усталость, мы напились чаю, отдохнули и оправились въ церковь къ вечернѣ—вознести молитву благодарности Царю Небесному за благополучное и отрадное путешествіе.

Поѣздка въ скитъ святаго Іоанна Предтечи.

День не совсѣмъ ясный, по небосклону пробѣгали небольшія тучки; видно—будетъ дождь.

Нашъ спутникъ, достоуважаемый о. Г., войдя къ намъ въ келью, привѣтливо предложилъ намъ совершить сегодня путешествіе въ скитъ св. Іоанна Предтечи, помолиться этому великому во пророцѣхъ пустыннику и постнику,—къ тому-же и день-то былъ постный—среда.

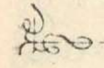
— Но, вотъ, отецъ, у насъ со вчерашнихъ путешествій довольно ноги-то сказываются, да къ тому-же и службу-то постояли.

— Не бойтесь, господа, сегодня поѣдемъ на лодкѣ—ногамъ отрадно будетъ.

Скоро собрались мы въ путь и спустились къ пристани. Монастырская братія, въ бѣлыхъ балахонахъ, на головахъ широкія шляпы и съ граблями въ рукахъ, усѣвшись въ большую лодку, поѣхали по Монастырскому проливу.

— Куда это?

— На покосъ.



Скитъ св. Пророка Іоанна Предтечи.

Видно, что клиросные: чудное гармоническое пѣніе далеко разносилось по водамъ и наполняя густые лѣса, сливалось съ пѣніемъ пернатыхъ лѣсныхъ пѣвцовъ. Они пѣли догматикъ: „въ Чермнемъ морѣ“.

Намъ подана была другая небольшая лодка, въ которую мы усѣлись и быстро поплыли по Монастырскому проливу въ открытое озеро. Лодка наша быстро скользила между высокихъ скалъ и мелкихъ островковъ и мы скоро, миновавъ Никольскій скитъ, вступили въ обширное Ладожское озеро. Вѣтерокъ зашумѣлъ, тучки быстрѣе забѣгали по небу. Лодку нашу стало покачивать.

— Не опасно-ли, отецъ?

— Ничего,—попутный, скорѣе донесетъ, отвѣчалъ нашъ спутникъ.

Быстро подъ опытными веслами и рулемъ монастырской братіи пронесло нашу лодку по крутымъ волнамъ и мы скоро были у пристани Предтеченскаго острова.

Крутая гора, покрытая вѣковымъ лѣсомъ; по ней ровная, но трудная дорожка, ведетъ на самый верхъ ея къ церкви. Мы сочли своею обязанностью первымъ дѣломъ посѣтить храмъ, поклониться святому мѣсту и потомъ осмотрѣть всѣ окрестности его.

Храмъ двухъ-этажный, имѣющій низъ каменный, а верхъ деревянный; верхняя церковь во имя св. Іоанна Предтечи, нижняя — во имя трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Просто, но изящно отдѣланы обѣ церкви. Въ верхней иконостасъ рѣзной—хоро-

шей работы, не крашенъ, но покрытъ только лакомъ—весьма сообразно пустынному мѣсту и посвященію. Въ алтарѣ Распятіе—„Голгоѳа“, во весь ростъ, чудной работы. На паперти, въ небольшомъ иконостасѣ, древнія иконы, равно и на колокольнѣ древній, вылитый еще при Борисѣ Годуновѣ, колоколъ въ 70 пудъ, привезенный вмѣстѣ съ этою церковью изъ Ладоги, съ Васильевскаго погоста. При нашествіи шведовъ на Валаамъ разбѣжавшіеся съ острова Валаама монахи устроили себѣ въ Васильевскомъ погостѣ при г. Ладогѣ эту церковь, которая и существовала тамъ вѣковое время до 1858 года, когда Игуменъ Дамаскинъ, какъ достопримѣчательность, хотя и обветшавшую, но драгоцѣнную для Валаама, перевезъ ее оттуда и, возобновивъ, поставилъ ее здѣсь—на Предтеченскомъ островѣ, посвятивъ ее великому пророку и угоднику Божію св. Іоанну Предтечѣ.

Нижняя церковь, какъ мы уже сказали, во имя Трехъ Святителей. Она теплая, уютная, и старцамъ весьма отрадно въ ней, въ зимнее суровое время, совершать свое молитвословіе. Они ежедневно собираются сюда, изъ своихъ отшельническихъ пустынь, на общую молитву и богослуженіе.

Рядомъ съ храмомъ находится настоятельская келія, на случай пріѣзда Игумена, для совершенія здѣсь праздничныхъ богослуженій. За алтаремъ вырытъ глубокій колодезь со свѣжею водою, изъ котораго напояется фруктовый садъ, разбитый съ южной стороны церкви.

Калиточкой въ деревянномъ заборѣ вышли мы изъ сада на крутой обрывъ горы, на которомъ высится надъ озеромъ, какъ бы осѣняя воды его и путниковъ по нимъ, съ вѣрою на него обращающихъ очи свои, большой каменный крестъ. Отсюда дивный видъ на открытое озеро и на Никоновскіе острова, которые какъ-бы ограждаютъ эту гавань отъ волнъ бурнаго Ладожскаго озера, далеко растягиваясь линіями и представляя зрѣнію очаровательный видъ.

Долго любовались мы съ этой высокой горы на скромно въ этотъ разъ волнующееся озеро и затѣмъ по тропинкѣ спустились внизъ, на дорожку, препоясывающую посрединѣ гору, на которой построенъ этотъ скитъ. Миновавъ нѣсколько небольшихъ, расположенныхъ по одиночкѣ на этой дорожкѣ отшельническихъ деревянныхъ келій, мы вышли опять на тотъ путь, по которому прибыли съ озера въ скитъ, и спустились къ лодкѣ.

Почтенный старецъ, хозяинъ скита, проводилъ насъ до самой пристани. Мы спросили его, сколько здѣсь живетъ братіи?

— Восемь человѣкъ, всѣ они живутъ въ отдѣльныхъ кельяхъ, по пустынямъ.

Намъ потомъ разсказывалъ нашъ проводникъ, что здѣсь жилъ старецъ схимникъ болѣе 30-ти лѣтъ, который молчалъ 14-ть лѣтъ, не говоря ни съ кѣмъ, а только въ церкви пѣлъ и читалъ весьма пріятнымъ голосомъ. Теперь старецъ этотъ уже имѣетъ

болѣе 80-ти лѣтъ и находится въ монастырской больницѣ—на покоѣ.

Отъ Предтеченской пристани мы отправились на лодкѣ между островов въ Никоново, къ часовнѣ св. Апостола Андрея Первозваннаго, которая стоитъ на высокой горѣ, откуда мы долго любовались дивными окрестностями сего священнаго мѣста. Здѣсь предполагается построить скитъ и церковь во имя св. Апостола Андрея, — но когда это осуществится — Богу вѣсть,—еще не нашелся такой благотворитель.

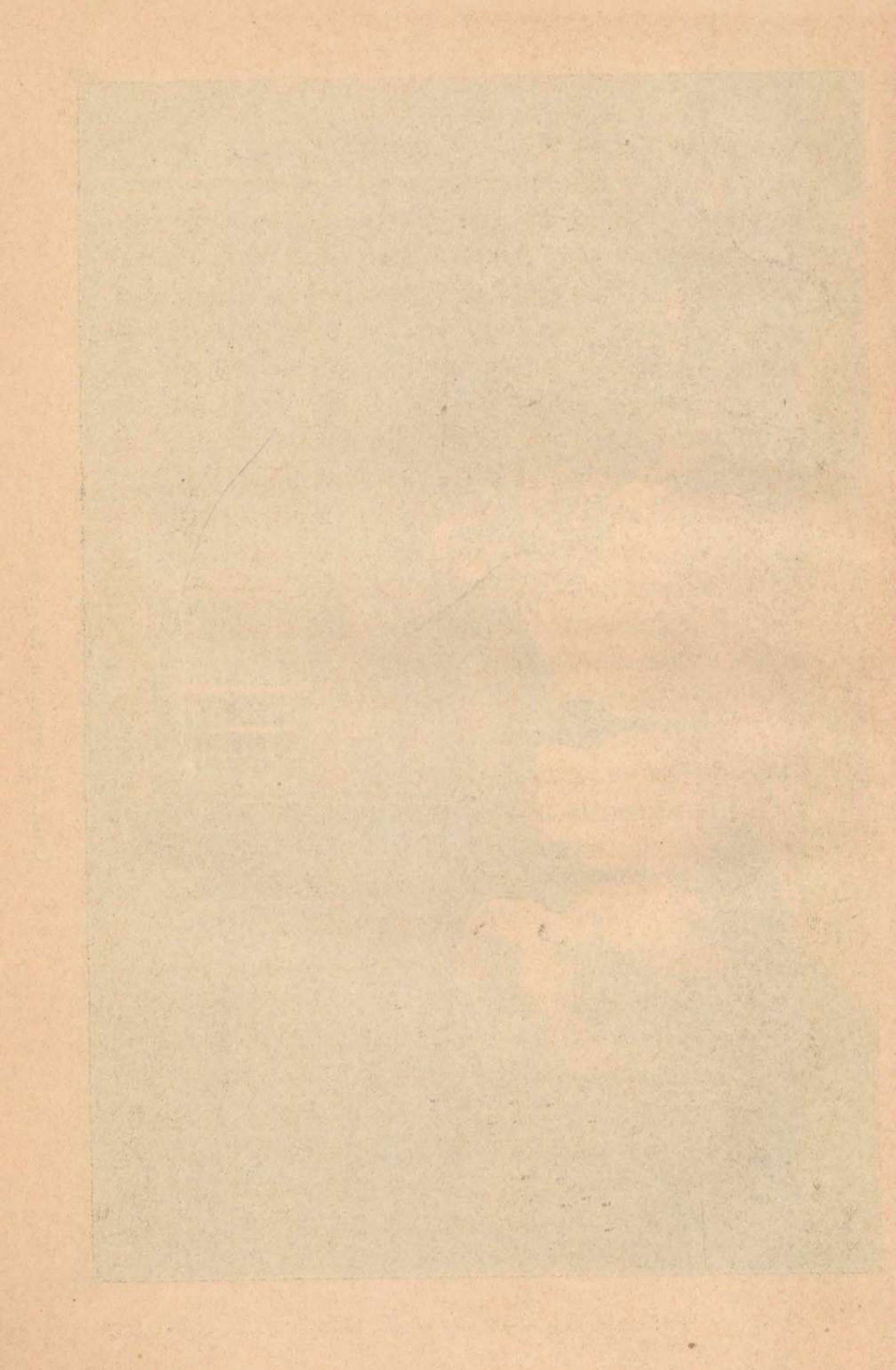
Отсюда можно и сухимъ путемъ пройти къ монастырю не болѣе семи верстъ; но мы, побeрегая свои ноги, утомленныя накaнунѣ, усѣлись въ лодку и поплыли въ обратный путь къ монастырю, но уже не озеромъ, а проливомъ—такъ называемымъ „Московскимъ"; когда достигли монастырской пристани, солнце уже склонялось къ западу.

Пора и намъ на покой. А вотъ и къ вечернѣ въ колоколъ ударили: полезно помолиться—возблагодарить Господа за истекшій день и испросить благословенія Его на грядущую нощь и день.

Скитъ Коневскія Божія Матери.

На слѣдующій день—въ четвертокъ—намъ предстояло путешествіе въ Коневскій скитъ. Послѣ полудня масса богомольцевъ собралась на монастырской пристани, разсѣвшись въ большія лодки, въ которыхъ и мы также пріютились и поплыли внутрь

Скитъ Коневской Божiей Матери.



острова по Монастырскому проливу. Изгибистый, узкій проливъ вывелъ насъ изъ-подъ каменнаго моста въ широкое разлитіе водъ. Дивная картина! Внутрь обширнаго острова Валаама разлились изъ Ладожскаго озера въ разныя направленія широкіе проливы, красиво окаймленныя зеленью береговъ и по которымъ весьма удобенъ путь къ скитамъ и другимъ хозяйственнымъ заведеніямъ монастыря. Мы заѣхали на „Бобылекъ“ къ часовнѣ Смоленской Божіей Матери; здѣсь, отслушавъ краткій молебенъ, отправились мы на тѣхъ-же лодкахъ далѣе—къ пристани Коневскаго скита. Съ пристани этой—зеленою аллею изъ дубовыхъ и вязовыхъ деревъ, протяженіемъ менѣе одной четверти версты, добрались мы до цѣли нашего путешествія.

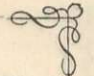
Поразительно величественный видъ мѣстности Коневскаго скита привлекъ къ себѣ все наше вниманіе. Безъ преувеличенія можно сказать, что трудно передать перомъ все благолѣпіе природы этой святой мѣстности. Одно скажу, вмѣстѣ съ Пророкомъ Давидомъ: „дивны дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси“. Вся эта мѣстность окружена какъ-бы крѣпостями—высокими, поросшими густымъ лѣсомъ, величественно строгими горами.

На каменномъ пригоркѣ, у берега довольно обширныхъ озерковъ, прилегающихъ къ этому мѣсту и наполненныхъ разныхъ породъ рыбою, въ аллеяхъ зеленыхъ деревьевъ, красуется церковь Богоматери; вмѣстимость ея невелика, но она преукрашена благолѣпотами: рѣзной золоченный иконостасъ съ пре-

краснаго письма иконами, украшаетъ внутренность церкви. На небольшой церковной колокольнѣ имѣется нѣсколько колоколовъ вѣсомъ до 200 пудовъ, которые торжественно теперь звонили, собирая богомольцевъ на молебенъ, который отслуженъ былъ провожавшимъ насъ іеромонахомъ. За молебномъ подавались многочисленныя заздравныя записочки молящимися.

По окончаніи молебна, намъ предложили идти въ пустыньку Игумена Дамаскина, расположенную невдалекѣ отъ церкви за мостикомъ. Пустынька эта—келлія о. Игумена, смиренно ютится у высокой каменной скалы, на бережкѣ озерка:—по всему видно. что здѣсь обиталъ великій подвижникъ.

Войдя въ келью, мы въ подробности осмотрѣли ея достопримѣчательности—мѣсто подвиговъ знаменитаго свѣтильника монашества — Игумена Дамаскина. Здѣсь четыре маленькія комнатки: одна, въ которой онъ занимался рукодѣліемъ, другая — поменьше, въ ней подвижникъ писалъ книги, въ третьей, еще меньшей, отшельникъ молился; въ четвертой стоитъ деревянный некрашеный гробъ, въ которомъ строгій пустынножитель, для памяти смертной, полагалъ на краткія отдохновенія многотрудное тѣло свое. Вотъ наслѣдство доблестнаго воина Христова! Здѣсь онъ уединялся до настоятельства своего на Валаамѣ—около семи лѣтъ. Отсюда онъ выступилъ съ силою духовною въ служеніе настоятельства св. Валаамской обители и совершилъ великія дѣла въ благоустройствѣ какъ духов-

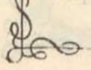


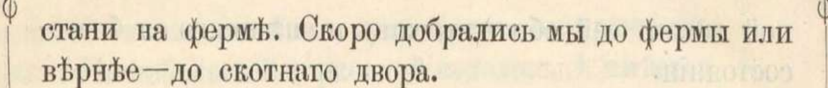
ной жизни сей обители, такъ и внѣшняго ея благосостоянія.

Когда затѣмъ возвращались мы изъ келліи о. Дамаскина обратно къ церкви, при переходѣ по деревянному мостику, соединяющему два смежныхъ озерка, намъ указали на двухъ постоянныхъ обитателей этой пустыни—на пару гагаръ. Птицы эти устроили свое гнѣздо у самой дороги, на голомъ камнѣ, близъ воды; они настолько смѣлы, что не боятся многочисленныхъ прохожихъ, весьма часто и близко мимо ихъ проходящихъ. Объ нихъ повѣствуютъ, что эти двѣ птицы живутъ здѣсь болѣе 50-ти лѣтъ. Прилетая раннею весною—они живутъ здѣсь все лѣто до поздней осени, какъ въ своемъ собственномъ помѣстьѣ, ни на кого никакого вниманія не обращая, на зимовку-же улетаютъ въ теплыя страны, уводя съ собою и своихъ лѣтняго вывода птенцовъ: оставивъ этихъ послѣднихъ тамъ—заграницей, сами вдвоемъ снова слѣдующею весною прилетаютъ сюда на свое пустынное обитаніе.

Раскланявшись съ пустынножителями, которыхъ здѣсь обитаетъ только двое, въ двухъ небольшихъ деревянныхъ домикахъ, пріютившихся къ скаламъ близъ церкви, мы пошли уже отъ церкви инымъ путемъ на ферму, которая отъ скита находится въ разстояніи полуверсты и расположена почти на самомъ берегу пролива.

Масса посѣтителей тянулись, одни за другими, по лѣсной дорогѣ къ фермѣ; лодки-же, на которыхъ мы сюда прибыли, приказано было подать къ при-





стани на фермѣ. Скоро добрались мы до фермы или вѣрнѣе—до скотнаго двора.

Монастырская ферма.

Грандiозная и замысловатая постройка скотнаго двора съ его механическими приспособленiями весьма заинтересовала насъ и всю толпу спутниковъ нашихъ. Мы внимательно и съ удовольствiемъ стали осматривать всѣ достопримѣчательности этого зданiя.

Каменный двухъ-этажный домъ съ подвальнымъ для машинъ помѣщенiемъ и мезониномъ для водовмѣстилищныхъ баковъ служитъ, независимо отъ прямой цѣли молочнаго хозяйства, еще и для жилья братiи, которой здѣсь почти всегда находится, для ухода за скотомъ и его молочными продуктами, до 12-ти человѣкъ.

Въ верхнемъ этажѣ живетъ братiя и здѣсь-же для нея устроена молельная комната. Въ нижнемъ этажѣ находятся кухня, трапеза и комнаты-камеры для производства и храненiя молочныхъ скоповъ; вездѣ образцовая чистота. Въ подвальномъ помѣщенiи поставлена паровая машина, поднимающая изъ колодца въ три сажени глубиною, сдѣланнаго въ каменной скалѣ подъ самымъ зданiемъ посредствомъ пороха, воду на верхъ зданiя въ мезонинъ съ бакомъ, а оттуда чрезъ подземныя чугунныя трубы вода протекаетъ на коровникъ для пойла скота. Въ колодезь чистая вода добывается изъ про-

ливовъ по проложеннымъ въ скалѣ трубамъ (изъ колодца въ глубинѣ его пробуравлено отверстіе въ проливъ и въ это отверстіе вложены трубы). Эта-же паровая машина, накачивающая воду въ баки, сбиваетъ масло, мелетъ на муку картофель и строгаетъ лучину для покрытія крышъ.

Въ этомъ-же подвальномъ помѣщеніи находится отдѣльное рыбоводное заведеніе,—здѣсь разводится изъ икры рыба палья (форели) и сиги. Крайне интересно, какъ эти малютки, сотнями тысячъ выйдя изъ икрянаго заключенія на свѣтъ Божій, цѣлыми тучами суетятся, чувствуя себя, что онѣ что-то значущее, живое, сущее. Около полугода находятся онѣ въ помѣщеніи, а потомъ ихъ пускаютъ на волю въ проливъ или откармливаютъ въ садкѣ.

Молоко, масло, творогъ и прочіе молочные продукты идутъ для продовольствія братіи.

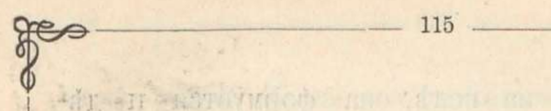
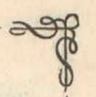
Для коровъ помѣщеніе очень обширное, каменное, со всѣми удобствами. Кормъ имъ подвозятъ по рельсамъ и кладутъ въ чугунныя корыта, для каждой особо, къ которымъ онѣ и привязаны цѣпью. Надъ головами ихъ обширный сѣновалъ. Всего рогатаго скота здѣсь обыкновенно насчитывается около сотни головъ.

Нелегкій трудъ братіи на скотномъ дворѣ значительно упрощается и ослабляется механическими приспособленіями, весьма практичными и удобными. Такъ изъ погребовъ или камеръ, гдѣ хранятся молочные скопы, проложены рельсы, по которымъ подвозятъ на пристань къ лодкѣ кадки, бочки и т. п.

съ продуктами фермы. Здѣсь, посредствомъ особо устроенной подъемной машины, одинъ человѣкъ легко поднимаетъ и опускаетъ изъ лодки и въ лодку тяжелый грузъ. Затѣмъ грузъ этотъ перевозится въ лодкѣ къ монастырю, гдѣ на пристани также устроена подъемная машина. Весь механическій паровой двигатель устроенъ на фермѣ этой исключительно монастырскою братіею, поэтому, хотя на первый взглядъ, устройство это должно было-бы стоить громадныхъ денегъ, но такъ какъ все это устраивалось домашними средствами монастыря, то и обошлось оно сравнительно весьма недорого.

Обозрѣвъ въ подробности скотный дворъ, мы разсѣлись по лодкамъ и живописнымъ проливомъ прибыли къ монастырю, благодаря Бога за пріятную дневную прогулку.

Скитъ преп. Аврамія Ростовскаго.

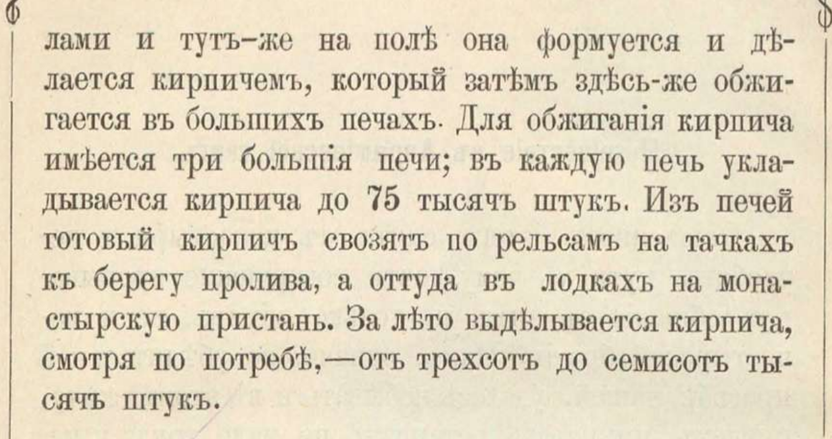



Путешествіе въ Авраміевскій скитъ.

Отдаленность этого скита отъ монастыря и неудобства пути къ нему почти совершенно прерываютъ общеніе съ нимъ не только мірянъ, но и монастырской братіи. Намъ, однако, по убѣдительной просьбѣ нашей, удалось побывать и въ этомъ скиту, причемъ пришлось претерпѣть не мало труда и неудобствъ на пути, который пришлось совершить и пѣшкомъ, и въ лодкѣ.

Скитъ этотъ расположенъ къ югу отъ монастыря, на отдѣльномъ островкѣ. Сухимъ путемъ до него насчитывается восемь верстъ, но безъ лодки все-таки туда попасть невозможно, такъ какъ онъ отдѣляется отъ монастырскаго острова проливомъ. Воднымъ-же путемъ до него еще дальше и представляется еще болѣе неудобствъ и затрудненій. Нашъ проводникъ предложилъ намъ совершить путешествіе это чрезъ кирпичный заводъ—и вотъ мы, усѣвшись въ небольшую лодку, поплыли Монастырскимъ проливомъ, тѣмъ-же путемъ, какимъ ѣхали въ Коневскій скитъ, но скоро уклонились влѣво—къ кирпичному заводу, который кстати и осмотрѣли.

Кирпичъ выдѣлывается на Валаамѣ изъ валаамскаго-же матеріала наемными мастерами. Глина здѣсь синяго цвѣта; добывается она въ изобиліи на поляхъ; мѣсятъ ее въ громадныхъ кадкахъ лошадиными си-



лами и тутъ-же на полѣ она формуется и дѣлается кирпичемъ, который затѣмъ здѣсь-же обжигается въ большихъ печахъ. Для обжиганія кирпича имѣется три большія печи; въ каждую печь укладывается кирпича до 75 тысячъ штукъ. Изъ печей готовый кирпичъ свозятъ по рельсамъ на тачкахъ къ берегу пролива, а оттуда въ лодкахъ на монастырскую пристань. За лѣто выдѣлывается кирпича, смотря по потребѣ,—отъ трехсотъ до семисотъ тысячъ штукъ.

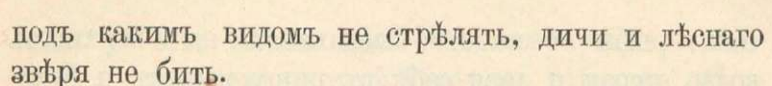
Отъ кирпичнаго завода мы поплыли далѣе на лодкѣ по „Лещевскому“ проливу, протекающему въ глубь острова и весьма живописно обрисовываемому окраинами роскошно зеленѣющихся береговъ, разнообразіе очертаній и красокъ которыхъ представлялось намъ во всемъ своемъ великолѣпіи: мѣстами высились громадныя, величественныя каменныя горы, рядомъ съ ними стлались зеленые луга, за ними виднѣлись рослые лѣса. Отъ береговъ отдѣляются небольшія островки, на которыхъ уединенно, никѣмъ нетревожимые, обитаютъ утки и гагары.

Невыразимо-пріятно было наслаждаться созерцаніемъ этой величественной красоты природы, плывя посреди пустынной тишины. по невозмутимо-спокойнымъ водамъ, по которымъ не только птицы безбоязненно плавали, но и самые водяные обита-

тели—рыбы—беззаботно выскакивали на поверхность воды, играя и ловя себѣ въ пищу мошекъ и букашекъ. Но вотъ насталъ конецъ такому тихому наслажденію, намъ предстоялъ теперь трудъ весьма нелегкій: нужно было готовиться къ дальнѣйшему и съ не малымъ трудомъ сопряженному путешествію.

Доѣхавъ до мостика на устьѣ пролива, отъ котораго въ озеро идетъ, у подошвы обрывистой высокой каменной скалы, небольшая канавка,—мы, раскланявшись здѣсь со своими гребцами и простившись съ лодкой, отправились въ предлежащій намъ путь пѣшкомъ.

Путь нашъ сперва шелъ по дорожкѣ глухимъ лѣсомъ. Жилья здѣсь нѣтъ, кругомъ все тихо, только то тамъ, то здѣсь раздаются разнообразные напѣвы пернатыхъ жителей лѣсовъ, крики утокъ и гагаръ; кое-гдѣ покажется сѣрый заяцъ, да перебѣжитъ иногда длиннохвостая желтая лисица. Попадаются нерѣдко и быстроногіе олени—они здѣсь совершенно безбоязненно встрѣчаются съ человѣкомъ, никто ихъ не преслѣдуетъ, не пугаетъ, жизнь имъ здѣсь спокойная, безопасная, человѣкъ ихъ не тревожитъ, звѣря хищнаго нѣтъ. Они какъ-бы увѣрены въ святости и нерушимости изданнаго Святою обителью закона, чтобы на Валаамѣ изъ огнестрѣльнаго оружія ни



подъ какимъ видомъ не стрѣлять, дичи и лѣснаго звѣря не бить.

Но вотъ взорамъ нашимъ изъ-за чащи лѣса вдругъ представилась дивная картина величественной природы: надъ поверхностію рослаго лѣса высоко, подъ облака, поднималась гигантская скала. Главу ея, покрытую, какъ шапкою, вѣковыми соснами, вѣнчалъ деревянный большой крестъ. У подножія ея разливалось довольно большое озерко, берега котораго, какъ дорогимъ пестрымъ одѣяніемъ, покрыты рослою травою. У обрыва горы, надъ самымъ озеркомъ, какъ-бы въ воздухѣ висѣли огромные камни, отставшие отъ горы. Того и гляди, оборвется такая глыба,—страшно было и смотрѣть на нихъ. Долго любовались мы этою дивною картиною природы и съ умиленіемъ взирали на эту гору и на крестъ Господень; но взойти на нее прямо, подойти къ кресту, не было никакой возможности; крутизна и высота страшная, а обходить далеко мы полѣнились. Поклонившись издалека кресту Господню, отправились мы въ дальнѣйшій путь.

— Какъ эта мѣстность называется? — спросили мы у нашего спутника о. Н.

— Это—„скала у Глухаго озерка“ именуется,— отвѣтилъ онъ.

— Далеко-ли еще до Авраміевскаго скита?

— Еще версты четыре.

— Ну, помоги Господи!.. ноги-то уже начали сказываться...

Путешествіе пріятное, но довольно утомительное,

въ особенности для изнѣженнаго мірянина. Отъ жары перепотѣли преизрядно, да къ тому-же и солнце свое дѣло совершало нелѣностно — припекало насъ нещадно; спасибо привѣтливому лѣсу, который давалъ намъ прохладу густою своею тѣнью.

Ровная дорожка, по которой мы шли, часто развѣтвлялась куда-то въ разныя стороны. Мы обогнули какой-то заливъ, чрезъ который, какъ объяснилъ намъ нашъ проводникъ, нѣкогда былъ построенъ мостъ, но буйныя волны Ладожскаго озера разбросали его до основанія; наконецъ мы добрались до берега, гдѣ стояли рыбацкія избы. Слава Богу! — теперь недалеко. Къ счастію нашему, и лодка стояла здѣсь на берегу; безъ нея напрасно-бы трудились, путешествуя въ этотъ скитъ: въ него безъ лодки попасть невозможно. Усѣвшись въ лодку, мы поплыли.

Широкое озеро открыто красовалось передъ нами, тихо поплескивая своею поверхностію, позлащенною солнечными лучами. Справа, на разстояніи одной версты, виднѣлся „Дивный островъ". Безошибочно названъ онъ—дивнымъ! Какъ плавучая крѣпость—со всѣхъ сторонъ онъ неприступенъ: на поверхность его можно взобраться только съ большимъ трудомъ и немалымъ рискомъ. Слѣва отъ него тянутся одинъ за другимъ небольшіе островки. Наконецъ узкимъ

проливомъ добрались мы до скитской пристани и, оставя лодку, пошли на гору, въ Авраміевскій скитъ—къ церкви.

Небольшой островъ этотъ, поросшій съ сѣверной стороны густымъ лѣсомъ, южною своею стороною открыто и безбоязненно смотритъ на широкое, часто грозное, водное пространство Ладожскаго озера. На плоской поверхности острова, среди широкой и ровной площади, стоитъ небольшая деревянная церковь, а около нея, на разстояніи 50 саж., находятся три деревянныхъ домика—для жилья скитской братіи: вотъ и вся постройка Авраміевскаго скита.

Внутренность церкви просто, но изящно отдѣлана и чисто содержится. Иконостасъ рѣзной, во всю ширину стѣны раздѣланъ подъ орѣхъ и покрытъ лакомъ; въ немъ иконы въ серебряныхъ ризахъ. У жертвенника въ иконѣ хранится частица святыхъ мощей Іакова Боровичскаго. Все это благолѣпіе алтаря Господня пожертвовано въ скитъ купцомъ Тюменевымъ. Тутъ же, близъ церкви, выстроенъ тѣмъ же благодѣтелемъ и домъ, для собственнаго временнаго здѣсь его пребыванія. Другіе два дома занимаетъ братія.

Угодникъ Божій Препод. Авраміи въ 960 году жилъ и подвизался на Валаамѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ исторія *). Затѣмъ Преподобный этотъ, постриженникъ Валаамской святой обители,

*) Смотри Валаамскій монастырь и его подвижники, изд. 1889 г., стр. 19.

промысломъ Божіимъ, изведенъ былъ съ острова Валаама въ Ростовъ (Ярославской губ.), для просвѣщенія тамъ язычниковъ. Игуменъ Дамаскинъ, почтившій многихъ Святыхъ созданіемъ въ честь и память ихъ храмовъ на Валаамѣ, почтилъ и сего угодника Божія, Преп. Аврамія, какъ нѣкогда на Валаамѣ обитавшаго, воздвигнувъ въ честь его св. храмъ, при которомъ устроилъ и скитъ для безмолвнаго обитанія пустыннолюбцевъ.

Гостепріимный и радушный хозяинъ этого скита о. А. угостилъ насъ вкуснымъ квасомъ, и мы, прохладившись имъ и поклонившись Святынѣ, пустились въ обратный путь къ монастырю.

Переѣхавъ на лодкѣ съ острова на берегъ, теперь избрали мы путь къ монастырю иной, кратчайшій, сравнительно съ тѣмъ, какимъ пришли сюда, но все-таки пришлось сдѣлать пѣшкомъ около восьми верстъ.

По пути издали еще увидѣли мы знакомую уже намъ исполинскую скалу у „Глухаго озера", на вершинѣ которой стоялъ большой деревянный крестъ. Хотя мы чувствовали теперь усталость болѣе прежняго и намъ предстоялъ еще далекій путь до монастыря, но на этотъ разъ мы не прошли мимо этой скалы—и поднялись ко кресту. Что за роскошная панорама открывается отсюда! Съ высоты ея, точно

съ облаковъ, смотришь на землю. Какія дивныя картины: то услаждаешь зрѣніе, смотря на зеленѣющія вдали роскошные луга, на блестящія, позлащенныя солнцемъ тихія воды озерка, красиво окаймленныя берегомъ; то вдругъ леденѣетъ сердце при взглядѣ съ высоты ея внизъ. Поистинѣ красота природы этой мѣстности невыразима и кажется не отвелъ бы глазъ отъ этой роскошной картины; но время торопило насъ домой.

Спустившись съ горы, мы пошли по гладкой дорожкѣ. Миновавъ часовню Казанскія Божія Матери, стоящую на пути у чащи лѣса, мы увидѣли уже высокую монастырскую колокольню, а затѣмъ, пройдя широкое Германовское поле, достигли и гостиннаго дома.

Утомленные долгимъ и труднымъ путемъ и измученные жарою, съ нетерпѣніемъ ждали мы, скоро-ли намъ подадутъ самоварчикъ—омочить изсохшія уста наши. „Слава Тебѣ, Господи!"—этимъ заключили мы наши дальнія путешествія по священнымъ мѣстамъ Валаама. Утѣшились и просвѣтились духомъ, но плотію порядочно поутомились. Время и отдохнуть.

Слѣдующій субботній день уже никуда не ходили, кромѣ храма Божія. Со вчерашняго путешествія ноги еще стонали, да къ тому же слѣдовало поберечь себя къ предстоящей воскресной службѣ, ко-

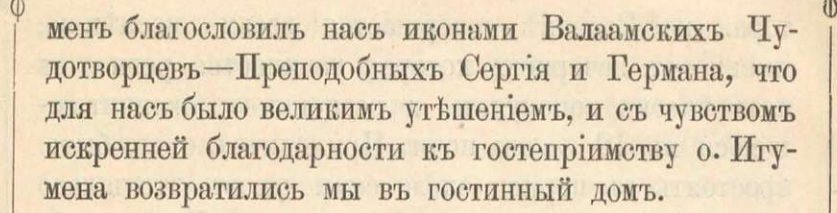
торая на Валаамѣ совершается весьма неспѣшно, именно съ вечернею, которая начинается ровно въ пять часовъ пополудни, и всенощною, оканчивающеюся въ 12 часовъ ночи. Приходится, стало быть, простоять въ церкви около семи часовъ, что далеко не легко; разумѣется—ревнующимъ по Бозѣ поспѣшествуется во благое—и тяжелое бываетъ имъ легкимъ.

Въ этотъ субботній день два большихъ пассажирскихъ парохода послѣ полудня прибыли къ монастырской пристани, и многочисленная масса петербургской публики наполнила гостинный домъ. Добро пожаловать, дорогіе гости!—намъ же время уже во свояси.

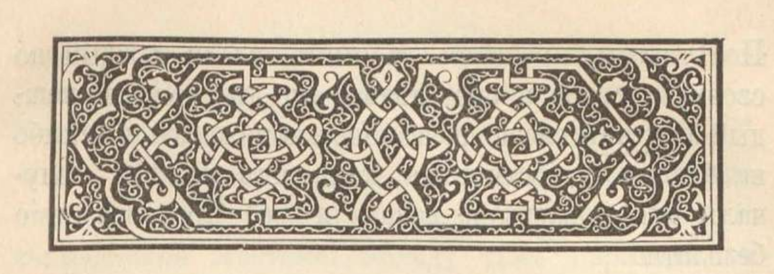
Въ воскресенье, по окончаніи всего праздничнаго воскреснаго богослуженія, послѣ полудня пригласилъ насъ гостепріимный отецъ Игуменъ къ себѣ на чашку чаю, вмѣстѣ съ тѣмъ побесѣдовать съ нами въ свободный часъ на пользу и благословить насъ на путь, такъ-какъ въ понедѣльникъ, когда отъѣзжающіе богомольцы приходятъ къ настоятелю за благословеніемъ, отецъ Игуменъ положительно не имѣетъ времени раздѣлить къ кѣмъ-либо бесѣду.

За чаемъ подали намъ плоды валаамскихъ садовъ и огородовъ. Земляника до того крупна, что въ столицѣ и не видывали такой, ее на фунтъ идетъ только восемь ягодинъ; арбузы на Валаамѣ ростутъ не крупные, но очень сладкіе, которыхъ мы съ удовольствіемъ покушали въ гостяхъ у о. настоятеля.

Въ незабвенную память, при прощаніи о. Игу-



менъ благословилъ насъ иконами Валаамскихъ Чудотворцевъ—Преподобныхъ Сергія и Германа, что для насъ было великимъ утѣшеніемъ, и съ чувствомъ искренней благодарности къ гостепріимству о. Игумена возвратились мы въ гостинный домъ.



Отъѣздъ съ Валаама.

Въ понедѣльникъ утромъ—общій напутственный и заказные частные молебны отслужены. Около полудня наблюдающіе съ монастырской колокольни возвѣстили публикѣ, что пароходъ изъ Сердоболя приближается къ Монастырскому проливу. Дѣйствительно, чрезъ полчаса раздался съ парохода громогласный свистокъ, оповѣщающій, что пароходъ входитъ уже въ Монастырскій проливъ.

Богомольцы засуетились: пошли сборы отъѣзжающихъ и хлопоты провожающихъ. Поданы были повозки для багажа и дрожки для немощныхъ спуститься къ пароходной пристани. Потянулись вереницами къ пароходу мужчины и женщины, и младъ и старъ. О. гостинникъ, стоя съ покрытою пеленою тарелкою на нижнемъ корридорѣ, противъ главнаго входа въ гостинницу, провожаетъ своихъ гостей.

Посѣтители, прощаясь съ нимъ, клали каждый по своему усердію и средствамъ, кто-что могъ, но каждый считалъ своею обязанностью положить что-либо на блюдце о. гостинника, такъ-какъ каждый получалъ отъ монастыря келью и все продовольствіе безплатно.

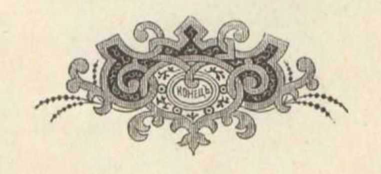
Между тѣмъ, пароходъ привалилъ къ монастырской пристани; раздался первый свистокъ, возвѣщавшій публикѣ, что пароходъ скоро отойдетъ отъ пристани. Отъѣзжающіе торопились, чтобы занять на пароходѣ получше мѣсто и вскорѣ палуба и каюты наполнились.

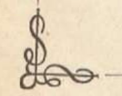
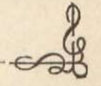
Мы, заранѣе заручившись особой каютой, распростившись съ радушнымъ о. А., завѣдующимъ гостиннымъ домомъ, не торопясь пошли на пароходъ и занявъ свое мѣсто, ждали третьяго свистка. Прогудѣлъ третій свистокъ, капитанъ парохода пофински отдалъ команду машинисту, тотъ пустилъ машину и пароходъ отвалилъ отъ пристани. Отъѣзжающіе совершали на себѣ крестное знаменіе, съ пристани — оставшіеся—привѣтливо, сердечно раскланивались съ отъѣзжающими, какъ родные. точно они здѣсь на Валаамѣ породнились.

Прощай, благословенная святая обитель! Отъ духовнаго восторга и умиленія слезы выступали у многихъ изъ очей. Мы, стоя на палубѣ, не могли

отвести своихъ взоровъ отъ красотъ природы священнаго Валаама, внутренно воспѣвая: „дивны дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси“. Мысль благоговѣла предъ величіемъ Творческихъ дѣлъ и сердце трепепало, сожалѣя о разлукѣ съ священными мѣстами. Между тѣмъ пароходъ тихимъ ходомъ выбрался изъ Монастырскаго пролива въ открытое озеро и направился теперь въ свой путь, къ Петербургу, полнымъ ходомъ. Поклонившись храму Святителя Николая, красующемуся при при устьѣ Монастырскаго пролива на небольшомъ островкѣ и мысленно испросивъ у великаго Чудотворца благословенія на путь, пассажиры заняли свои мѣста. Пароходъ быстро удалялся за предѣлы Валаама, но священный островъ еще рисовался предъ нашими взорами во всемъ своемъ величіи. Златоглавая монастырская колокольня, высоко поднимаясь надъ лѣсомъ, ярко блистала, залитая лѣтними солнечными лучами.

Прости, священный Валаамъ! Будемъ надѣяться, что Господь милостивъ будетъ къ намъ грѣшнымъ: удостоитъ вновь побывать въ твоихъ чудныхъ предѣлахъ.



стѣнъ святыхъ береговъ его. Прощай, дорогой Свя-щенный Валаамъ! внутренно молились [illegible] Тебя Господь для преуспѣянія [illegible] всѣмъ. Да не оскудѣетъ [illegible]. Пароходъ [illegible] и [illegible] сознаніе о разлукѣ съ священными мѣстами. Между тѣмъ пароходъ вы-шелъ изъ [illegible] Монастырскаго пролива въ открытое озеро и направился теперь въ свой путь въ Петербургъ, [illegible]. По [illegible] храма Святителя Николая, красующагося при при устьѣ Монастырскаго пролива на небольшомъ островѣ и множество поклоновъ у [illegible] Чудо-творца благословенія на путь, все смотрѣли на свои мѣста. Пароходъ быстро удалился за предѣлы Валаама; но священный островъ еще [illegible] предъ нашими взорами во всемъ своемъ величіи. [illegible] нимались надъ водою, ярко блестѣли золотыя главы [illegible] солнечными лучами.

Прости, священный Валаамъ! Будемъ надѣяться, что Господь милостивъ будетъ къ намъ грѣшнымъ: удостоитъ насъ побывать въ этихъ [illegible]-тахъ.